

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

**ЧУВАШСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Чебоксары – 2012

УДК 821.512.111
ББК 81.2Чув
Ч-82

*Печатается по постановлению Ученого совета
Чувашского государственного института гуманитарных наук*

Составитель и ответственный редактор
Э.Е. Лебедев

Ч-82 Чувашская письменность: история и современность. —
Чебоксары: ЧГИГН, 2012. — 172 с.

ISBN 978-5-87677-171-1

В настоящий сборник вошли статьи, подготовленные по материалам выступлений на Международной научно-практической конференции «Чувашская письменность: история и современность», посвященной 270-летию Е.И. Рожанского, 175-летию В.П. Вишневого, 140-летию новой чувашской письменности. Сборник предназначен для филологов, специалистов по истории письменности тюркских языков, студентов тюркологических отделений, всех интересующихся филологией.

ISBN 978-5-87677-171-1

УДК 821.512.111
ББК 81.2Чув

© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2012

ОТ РЕДАКТОРА

Основу настоящего сборника составляют статьи, содержащие материалы выступлений Международной научно-практической конференции «Чувашская письменность: история и современность», посвященной 270-летию Е.И. Рожанского, 175-летию В.П. Вишневого, 140-летию новой чувашской письменности, которая состоялась 17 июня 2011 года в Чувашском государственном институте гуманитарных наук.

Статьи в соответствии с их содержанием распределены на два раздела: «История и современные проблемы чувашской письменности» и «Проблемы сравнительно-исторического и современного языкознания».

Первый раздел открывает статья доцента кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова И.В. Мукиной «Сырула́х тата чăвашсен а́с-хакъл культу́рин аталанăвĕ». Вопросы, затронутые в этой статье, касаются такой важной составляющей духовной культуры каждого народа, как письменность. В статье рассматривается история создания и развития новой чувашской письменности, автором которой является великий чувашский просветитель И.Я. Яковлев.

Статья профессора отдела тюркских, монгольских и кавказских языков Института языкознания РАН (г. Москва) А.А. Чеченова посвящена историко-генетической интерпретации параллельного существования джокающих и йокающих идиомов в Среднем Поволжье в XIII–XIV вв. В ней автор критически анализирует положения гипотезы Ф.С. Хакимзянова о языковой ситуации в Волжской Булгарии.

В статьях старшего преподавателя факультета журналистики ЧГУ О.Р. Студенцова и доцента кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ЧГИКИ Э.В. Фомина рассмотрены вопросы новых хронологических рамок развития чувашской письменности и изучения конволютов Книжной палаты Чувашской Республики. Обе статьи затрагивают весьма актуальную в наше время проблематику.

Главный администратор сайта Chuvash.org Н.А. Плотников предлагает нашему вниманию статью о способах проверки орфографии электронных текстов на чувашском языке. Учитывая все возрастающую роль в нашей жизни электронных средств массовой информации, вопросы, поднятые в статье Н.А. Плотникова, имеют особую важность.

О воспитательном значении «Букваря для чуваш» и «Рассказов для детей» И.Я. Яковлева, а также уроков письма в Симбирской чувашской учительской школе сообщают в своих статьях – преподаватели ЧГУ В.Г. Хлебникова, О.П. Терехова и учитель начальных классов Эшмикеевской ООШ Л.В. Маркова.

Второй раздел сборника открывается статьей директора Чувашского государственного института гуманитарных наук Ю.Н. Исаева, где автором представлен анализ изучения флористической терминологии в трудах отечественных исследователей.

Статья Ю. Дмитриевой посвящена описанию рунических надписей игольницы позднеаварской эпохи в работе А. Рона-Таш «Венгерский народ эпохи обретения родины» (г. Будапешт, 1996).

Э. Алос и Фонт знакомит читателей с историей развития литературного каталанского языка со средних веков до нашего времени, а работа ведущего научного сотрудника отдела древней истории Института истории Национальной Академии наук Азербайджана (г. Баку) З.Г. Гасанова приоткрывает завесу над этимологией этнонима «скиф».

Две статьи, представленные в нашем сборнике, подготовлены на материалах выступлений их авторов на другой конференции, проходившей в стенах нашего института в 2006 г. и посвященной вариативности в языках Поволжья. Это работы С. Сааринен из Университета Турку (г. Турку, Финляндия) и Н.А. Агафоновой из МордГУ (г. Саранск).

Старший научный сотрудник отдела языкознания ЧГИГН Э.Е. Лебедев в своей статье поднимает проблематику сопоставительно-типологического изучения причастных форм в родственных языках тюркской группы (чувашского и турецкого).

Надеемся, что материалы настоящего сборника внесут свой сильный вклад в развитие чувашского и тюркского языкознания.

Э.Е. Лебедев

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧУВАШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ЎЫРУЛАХ ТАТА ЧАВАШСЕН АС-ХАКАЛ КУЛЬТУРИН АТАЛАНАВЁ¹

И.В. Мукина

*И.Н. Ульянов ячёллĕ Чăваш патшалăх университетĕ,
Шупашкар хули*

Кашни халăхăн историйĕнче ўырулах пуçламăшĕ паллă та пĕлтерĕшлĕ тапхăр, унăн культура аталанавĕн шăпине татса паракан, чунлăхне хавхалантаракан пуçарусенчен пĕри пулса тăрать. Ўырулахсăр халăх культури тытăнса тăраймасть, унăн ас-хакăлĕ пуянланаймасть. Апла пулсан культурăна аталантармалли чи кирлĕ пуянлăхсем – чĕлхе тата ўырулах. Çавăнпа та халăха тăван чĕлхепе калаçма ирĕк паманни унăн тăван культурине пĕтмеллех сиен кўнипе танах, халăхран тăван чĕлхепе ўырнă кĕнекесене туртса илсе пытарса усрани апа тăван культурăран уйăрса хайĕн малашлăхĕсĕр тăратса хăварни пулать.

Кирек мĕнле халăхăн та культура аталанавĕ ўырулах пуçланнипе ўыхăннă. Ўырулах пуррипе çеç халăхăн ёмĕрхи ас-хакăл пуянлăхĕ упранса юлать, ўырулаха пула çеç пĕр халăх тепĕр халăхăн культурипе паллашма пултарать. Ўырулах пуçланса каясси халăхсем хушшинче тĕн вĕрентĕвĕ сарăлса пынипе ўыхăннă. Сăваплă Ўырусене, Библи кĕнекесене хай чĕлхине куçарма пуçланă май кашни халăх ўырулах йĕркелеме тăрашнă. Тĕслĕхрен, сириецсен, готсен, нимĕçсен, эрменсен, грузинсен, славянсен пурин те ўырулахĕ тĕн кĕнекесене куçарма пуçланă тапхăрта йĕркеленнĕ. Кирилпа Мефодий пĕртăвансем IX ём. авалхи славянсен çĕрне – Моравие килсен славянсем валли

¹ Ку тĕпчев ёçне РГНФ финанс тĕлĕшĕнчен пулăшнипе пурнăçланă. Проект № 11-14-21008a/B.

азбука туса хатёрленё, ун хысқан Турă кёнекисене, савапӗ Евангелисене славянла ҫырма пуҫланӗ.

Чаваш чёлхе пёлёвёнче пирён ҫырулаӗ историне виҫё тапхӗра пайлаҫҫё: Яковлевченхи (кивё ҫырулаӗ), Яковлев вӗхӗтёнчи (ҫёнё ҫырулаӗ) тата 1917 ҫ. социализмла революци хысқанхи ҫырулаӗ. Хамӗрӗн статьяра эфир ҫёнё ҫырулаӗ чаваш халӗхён ас-хакӗл культурина аталантарма пулашнине палӗртас тёллев лартатпӗр.

Чавашсен кивё ҫырулаӗхён – вырӗс графикан никёсё ҫинче йёркеленнё ҫырулаӗхӗн – пуҫламӗшне эфир XVIII ём. иккёмёш ҫуррипе, тёрёсрех каласан, 1769 ҫ. ҫыхӗнтартатпӗр. Ҫав ҫулхине чавашла пёрремёш сӗвӗ («Пелместапар абирь тя минь барас парня») тата чаваш чёлхин пёрремёш грамматики («Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка») пичетленсе тухнӗ. Ҫак грамматикара йышӗннӗ ҫыру йёрки хӗй вӗхӗчёшён ҫав тери пысӗк ҫитёнӗ пулнӗ, вӗл чаваш ҫырулаӗхне йёркеленме ҫул уҫса панӗ, ҫёнё ҫырулаӗх тапхӗрне кёриччен 140 ҫ. яхӗн тытӗнса тӗнӗ. Ҫак тапхӗрта, тёрпен илсен, чиркӗ-тён литератури пичетленсе тухнӗ, хутран-ситрен букварьсем, календарьсем, чаваш халӗх сӗмахлаӗхён уйрӗм тёллехёсем тухкаланӗ, ҫавӗн пекех чаваш чёлхин иккёмёш грамматики кун ҫути курнӗ. Анчах вёсемпе хутла пёлмен чаваш халӗхё пачах усӗ курман, чаваш чёлхи хӗй те чиркӗ е школ чёлхи пулса тӗрайман тата халӗх пурнӗҫён ытти енёсене те витём кӗреймен. Ҫапла вара кивё ҫырулаӗх та, ҫав тапхӗрти литература та чаваш халӗхён ас-хакӗл культурина пуянлатас ёҫре палӗрмалла йёр хӗварайман.

XIX ём. иккёмёш ҫурринче культурапа ҫутёҫёнчи лару-тӗрӗва тёрпен улӗштараканни И.Я. Яковлев пулнӗ. Ҫёр виҫевҫи пулса ёҫленё чухнех вӗл чаваша хӗйён чёлхипе ҫырдӗ кёнекесем кирлине ӗнланса илет, каярахпа, гимназире тата Хусан университетёнче вёреннё ҫулсенче, тавракурӗмё пуянланса, аталанса пынӗҫемён чаваш халӗхне тёттёмлехрен, мёскёнлехрен, чухӗнлаӗхран хӗтарас, вырӗс халӗхёпе пёр шайра аталантарас шухӗшё ытларах та ҫирёпленет, ҫак тёллев пурнӗҫа кётёр тесен ӗна чи малтан культура тёлёшёнчен ҫёклемелле, вырӗс культурипе ҫывӗхлатмалла, тӗван культура аталантармалла, халӗха ҫутта кӗлармалла. Чаваш культурина ҫёклеме пулашаканни вара тӗван чёлхе, унӗн ҫырулаӗх чёлхи пулмалла. Тӗван ҫырулаӗхсӗр кёнеке кӗларас ёҫе ӗнӗҫлӗ йёркелеме, халӗха ҫутта кӗларассине малалла яма ҫук. Ҫакна ӗнланса илни И.Я. Яковлева чаваш чёлхин ҫёнё ҫырулаӗхне тума хистенё.

Алфавит халӑхсене тӑнпе ӑс-хакӑл тӑлӑшӑнчен ҫывӑх-латмалли хатӑр пулса тӑрать. Н.П. Петров тӑпчевҫӑ палӑртнӑ тӑрӑх, революцичченхи Раҫҫейра мӑнле алфавитпа усӑ курасси тӑн ыйтӑвӑпе ҫыхӑннӑ. «Христос тӑнне тытакансем (вырӑссем, украинсем, белоруссем т.ыт.те) хӑйсен алфавичӑсене кириллицӑна тӑпе хурса тунӑ, католиксемпе протестантсем (поляксем, финсем, эстонсем, латышсем, литвасем) латин алфавичӑпе, мусульмансем (казахсем, узбексем, тутарсем, азербайджансем) араб графикипе, ламаистсем (бурятсемпе калмаксем) авалхи уйгур ҫырӑвӑпе, тӑрлӑ иудаистсем (караимсем, тат-иудаистсем, Крымри, Вӑтам Азири, Хӑвеланӑҫ Европӑри еврейсем) авалхи еврей ҫырулӑхӑпе усӑ курнӑ» [Петров, 1971, 17]. И.Я. Яковлева та тӑрлӑ сӑнӑ паракансем пулнӑ, анчах вӑл вырӑссемпе чӑвашсен историри шӑпине шута илсе ӑмӑрхи традицирен чакас темен. Ҫапла вара вырӑс графикине тӑпе хурса йӑркеленӑ ҫырулӑха чӑваш чӑлхинчи уйрӑм сасӑсене пурне те палӑрткан хӑйне евӑрлӑ паллӑсем кӑртнӑ. Ятарлӑ паллӑсем шухӑшласа кӑларасси ҫӑмӑл пулман, И.Я. Яковлевпа унӑн пулӑшаканӑсем чӑлхе пӑлӑвӑнчи ҫырулӑхпа ҫыхӑннӑ нумай-нумай ӑҫпе паллашнӑ. Н.И.Ильминский сӑннипе вӑсем О.Н. Бӑтлингк, А.А. Шифнер, Ф.И. Видеман академиксен тата ытти ӑсчахсен ӑҫӑсене тишкернӑ. И.Я. Яковлев уйрӑмах Ф.И. Видеманӑн «Собрание грамматики черемисского языка» (Ревель, 1847), О.Н. Бӑтлингкӑн «О языке якутов» (СПб, 1849–1851) кӑнекисене тӑпченӑ. Уншӑн Н.И. Ильминский вырӑс графикине тӑпе хурса йӑркеленӑ тутар алфавитне тунӑ чухнехи опыт та усӑллӑ пулнӑ. Ҫӑнӑ алфавитӑн 47 саспаллирен тӑракан пӑрремӑш вариантне ҫырса хатӑрленӑ чухне И.Я. Яковлева Хусан университетӑн профессорӑсем Г.С. Саблуковпа И.Н. Булич нумай пулӑшнӑ [Краснов, 1998, 52]. Анчах пирвайхи опыт ӑнӑҫлах пулса тухайман, тӑрлӑ чиновниксемпе ҫӑнӑлӑхрен хӑраса ӑкнӑ чиркӑ ҫыннисем ҫӑнӑ алфавита сиввӑн кӑтсе илнӑ, вӑсем алфавитӑн авторне чӑваш чӑлхинчи хӑйне евӑрлӑ сасӑсен ҫӑнӑ йышши паллисемшӑн хурласа вӑрҫнӑ. И.Я. Яковлевӑн ирӑксӑрех алфавитӑн иккӑмӑш, унтан виҫӑмӑш варианчӑсене туса хатӑрлеме тивет. Ҫавна май вӑл «хӑреллӑ, кавычкӑллӑ» саспаллисене хӑй тӑллӑн шухӑшласа кӑларман, тӑнчери чылай халӑх ку таранччен усӑ курнӑ алфавитсенчен илнӑ. Тӑслӑхрен, **Аӑ** паллӑ латин, румын, вьетнам алфавичӑсенче пулнӑ, **Еӑ** паллӑ – латин, чех, лужица, малай, сунда алфавичӑсенче, **ӑ** – якут алфавитӑнче, Н.И. Ильминский тунӑ тутар алфавитӑнче, чӑвашсен Н.И. Золот-

ницкий тунă алфавитра, *Çç* – француз, албан, провансаль, каталони, португал алфавичёсенче, *Т* палла – словак, чех алфавичёсенче, *Ль, Нь, Ъ* палласем серб-хорват, македон алфавичёсенче пулна. Сапла вара тёрлёрен диакритика паллисемлёр саспаллисем пурна́сра уса курма юрăхлине И.Я. Яковлев туса хатёрленёр алфавитченех катарта панă, анчах чиркү çыннисене çакă пачах кирлёр пулман.

Çырулаха çенетсе лайăхлатса пынипе пёрлех И.Я. Яковлев умла-хысла чăвашла кёнекесем хатёрлесе каларать. 1872 ç. икёр букварь – «Чăваш ачисене сырава вёренмелли кёнеке» тата «Сырава вёренме тытанмалли кёнеке», «Чан тён кёнеки», 1873 ç. виçсемёш букварь «Чăваш кёнеки» тата «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки» пичетленсе тухаççёр. Шкулсенче уса курма пусланă чăвашла букварьсем халăх хушшине «Чăваш кёнеки» ятпа сарална, вёсем Атал тарăхёнчи ытти халăхсемшён ыра тёллех шутланна. Шкулсенче таван чёлхепе сырна кёнекесемпе уса курни вёрентёр ёçён тухаçлахне ёстернё. Чăвашла букварь каларассине И.Я. Яковлев хай ёркелесе пына, ана халăха сутта каларас ёсе пахантарса танă, çаванпа малтанхи вёренёр кёнекине халăхлаха тёпе хурса сырна, пурнаç улшанса пына май ун тытамне çенетсе пуянлатна. Анчах букварьсен пайёсем тёпреп улшанман, вёсенче халăх самахлахён тёллехёсене, вёрентекенсем е вёренекенсем сырса панă хайлавсене, ырасларан куçарнисене те, тён литературине те кёртнё. Тёплёр тавас тёллевпе ку ёсе чёлхене лайăхрах пёлекенсене явăстарна, хай Н.И. Ильминскипе пёрле сирёплетнё правилёсене тытса пына, вёсене кёнеке пусламашёнче е вёçёнче пичетленёр.

Сапла вара тарашни сая кайман: эфир паян кунченех уса куракан алфавита шапах И.Я. Яковлев халăх патне ситернё. Нумай палла çын ана пите лайăх алфавит тесе йышанна. Кёске вахат хушшинчех вал пётём халăх сырулахе пулса танă. Çырулах И.Я. Яковлева таван халăха таван чёлхепе вёрентес ёсе пусласа яма май панă. Çёнёр сырулах чăвашла кёнекесем пичетлеме çул усна, халăха культура тёллешёнчен хавартрах аталанма пулашна.

Христианство тённе халăх хушшинче сирёплетес тёллевпе И.Я. Яковлев чăвашла кёнекесем ытларах сарма тарашна. Халăха сутта каларма пулашакан тёп хатёр кёнеке тесе шутланă вал. Чёмпёрти чăваш шкулне çак тёллевпех ёркелесе яна, унта ёслекенсемпе тата вёренекенсемпе пёрле вёренёр кёнекисемсёр пусне тён, наука кёнекисене, илемлёр литература произведе-

нийёсене вырăсларан чăвашла куçарса кăларнă, И.Я. Яковлевпа пĕрле ёçленĕ сăмах астисем хайсем илемлĕ литература произведенийёсем хайланă. Тĕрлĕ йышши литература жанрĕн тĕслĕхёсем чăвашла пичетленсе тухнă, литература чĕлхин хайне уйрăм варианчёсем (стильсем) йĕркеленнĕ.

Литература тĕнчине çавăн пек хăватлă юхăмпа пырса кĕрески чи малтанах халăх хушшинче христианство сарăлса çирĕпленнипе сыхăннă. Библири Кивĕ тата Çĕнĕ Халалсене чăвашла куçарса вулама-сырма пĕлекен кашни çын патне çитернĕ. Çур ёмĕр хушшинче Библи кĕнекисем темиçешер кăларăмпа çапăнса тухнă. Чиркÿре кĕлĕ ирттермелли тĕрлĕ литературăна (Часослова – сехетсерен вуламалли кĕлĕ кĕнекине, Октоиха – эрнесерен вуламалли кĕнекене, Чиновника – архиерей кĕнекине, Апостола, Требника, канонника – ирхи тата каçхи кĕлĕсене, Месяцеслова т. ыт.) чăвашла куçарнă. Чăваш чĕлхи чиркÿ пурнăçне кĕрсе çирĕпленнĕ, çакă унăн хисепне чылай çĕкленĕ. Унта ёçлекен пупсенчен ытларахăшĕ чăваш пулнă, вĕсем пурте тенĕ пекех И.Я. Яковлев шкулĕнче вĕренсе ас пухнă, каярахпа вăл сĕннипе е пулăшнипе тĕн семинарийёсенче вĕреннĕ, священник санне йышăннă хыççăн халăха çутта кăларас ёçре вай хунă. И.Я. Яковлев тапхăрĕнче чăваш литература чĕлхинче чиркÿ-тĕн стилĕ йĕркеленсе çитнĕ.

Чиркÿ кĕллисенчен ытларахăшне юрласа вуламалла, хăшне-пĕрне хорпа юрлама тивĕçлĕ пулнă. Чиркÿре хорпа юрламалли юрăсене тăван чĕлхепе темиçе кăларăмпа хатĕрлесе чăвашсем пурăнакан вырăна пур çĕре те çитерме тăрăшнă. Çакă чăвашсен музыка культурина аталанма пулăшнă.

Христианство культурин тĕрлĕ йышши задачисенчен чи паллăраххи этемĕн чун-чĕрине çĕнетсе (тасатса) лайăхлатас тĕллевпе сыхăннă. Çавăнпа унăн илемлĕх культуринче вĕрентсе калани тата үкĕт жанрĕ тĕп вырăн йышăнать. Патриотла текстсен пирвайхи куçарăвёсем («сăваплă пурнăç» – «житие»), священниксем чиркĕве çÿрекенсем умĕнче калакан үкĕтсемпе вĕрентсе каланисем ытларах философилле тарăн шухăшлă произведенийсем пулнă, вĕсем чăваш халăхĕн ас-тăнне вайлă витĕм кÿнĕ, үкĕтлевçĕ священниксем калакан чăвашла вĕрентÿ сăмахёсем итлекенсен чĕрине çемçетнĕ, пурнăç çине тата çынсем çине ашшăнрах пăхма хистенĕ. 1874–1917 çç. Хусанти православи миссионер обществи тăрăшнипе агиографи («сăваплă пурнăç») жанрĕпе сырнă калавсем, вĕрентсе каланисемпе үкĕтсем кăна чăвашла 270 кĕнеке ытла пичетленсе тухнă [Чувашская книга, 2001]. Вĕсен шутĕнче 1897 ç.

пичетленсе тухнă пилĕк кĕнекерен тăракан «Тĕрлĕ хăватсем тăвакан çветуй çынсен пурнăçĕсем тата вĕрентсе калакан сăмахсем», сырава вĕренесси çинчен, Христос законĕ тăрăх арла-арăмлă пурăнасси, хĕрарăмсем тăрăшса тăвас ыра ёçсем, ял çыннисене пысăк ёç тăвас умĕн харпăр хайне тыткалама хăнăхтарасси, ваттисене хисеплеме вĕрентесси, атте-анне пиллĕхне хакласси, хĕрачасене, арçын ачасене воспитани парасси т.ыт. çинчен вĕрентсе каланисем. Вĕсем пурте кăмăл-сипет тĕлешĕнчен çирĕп пулма хăнăхтарнă. Çак тапхăрта чăваш литература чĕлхинче үкĕт жанрĕ публицистика хĕрүлĕхĕпе пуянланать, çавна май вĕрентÿ идейсем мала тухса тăраççĕ.

Тĕн литературине куçарса тăван чĕлхепе кăларас ёç нихăш халăхăн та чăвашсенни пек хăватлă пулса пыман. Çакă литература чĕлхине çирĕплетнĕ, литература чĕлхинче тĕрлĕ стильсене, тĕрлĕ жанрсен кÿлеписене йĕркеленсе пыма пулăшнă.

Халăх пурнăçне тĕпрен лайăхлатас, унăн культура шайне çĕклес, кăмăл-туйăмне мĕскĕнлĕхрен хăтарас ёçре тăван чĕлхепе сырнă кĕнеке пĕлтерешĕ çав тери пысăк пулнă. Пулас авторсемпе куçаруçăсене И.Я. Яковлев Чĕмпĕр чăваш шкулĕнче хатĕрленĕ, çак тĕллепне вăл ятарлă Куçару комиссийĕ туса хуни паллă. 1890 çç. хыççăн чăваш кĕнекисен тематики чылай анлăланать, вĕренÿ, тĕн литературисĕр пуçне ансат аслăлăх литератури (медицина, ял хуçалăх, политика ыйтăвĕсемпе сырнă кĕнекесем) тухма тытăнать. Калăпăр, 1904–1906 çç. пичетленсе тухнă «Чăвашсенĕн куç пăсăласран мĕнле сыхланмалла» (Хусан, 1904), «Усал чир çинчен» (Чĕмпĕр, 1904), «Тыра-пула тăвасси çинчен» (Чĕмпĕр, 1905), «Вăрçапа сыру вĕрентни çинчен» (Хусан, 1905), «Япония çĕрепе Япония çынни çинчен» (Хусан, 1905), «Ўсĕр сиенĕ» (Самар, 1905), «Халер çинчен» (Чĕмпĕр, 1905) «Автономи тата Раççей пĕрлĕхĕ» (Хусан, 1906), «Земство çинчен» (Хусан, 1906), «Гражданла ирĕклĕх» (Хусан, 1906), «Патшалăха тытса тăмалли майсем» (Хусан, 1906), «Сахал çĕрлĕ хресченсене мĕнле пулăшмалли çинчен» (Хусан, 1906), «Халăх хушшинчен суйланă çынсемпе халăха мĕнле ирĕклĕхсем тата ытти кирлĕ япаласем çинчен» (Хусан, 1906), «Халăха ирĕк парса ытти çынсемпе танлаштарни çинчен» (Хусан, 1906) кĕнекесем [Чувашская книга, 2001] тата çавăн пекех 1906–1907 çç. «Хыпар» хаçат тухса тăни чăваш халăхĕн анне чăннипех тĕпрен улăштарнă, пĕлÿ вайне пысăклатма, хуçалăхпа культура тĕлешĕнчен çитĕнÿсем тума, тĕнчекурăмпа наци анланулахне аталантарма, санитарипе гигиена лару-тăрăвне лайăхлатма, чăвашсене вырăссемпе тата ытти халăх-семпе сывăхлатма пулăшнă.

Литературăри кашни жанрăн хăйне евĕрлĕ уйрăмлăхсем (сăмах майлашăвĕсем, илемлĕх мелĕсем т.ыт.те) пур. Чăвашла куçарнă кĕнекесенче чăваш чĕлхин илемне уçса парасси тата оригинал чĕлхин пахалăхне сыхласа хăварасси çамăлах пулман. Ку ĕçе темиçе āру представителĕсем çеç пурнăçлама пултарăççĕ. Анчах, истори çĕлкенĕсем çирĕплетсе панă тăрăх, чĕлхе пĕлĕвĕпе, туйăмĕпе çыхăннă çак ĕçе И.Я. Яковлевпа унăн вĕренекенĕсем кĕске вăхăт хушшинчех тивĕçлĕ шая çĕкленĕ. Тăван чĕлхе хăватне витĕр пĕлсе-туйса тăнисĕр пуçне вĕсен āслăх тĕлĕшĕнчен сырса панă грамматика та, сăмах пуххисем те, чăваш сырулăхĕн илемлĕ произведенийĕсен тĕслĕхĕсем те пулман.

Çапла вара И.Я. Яковлев йĕркеленĕ çенĕ сырулăх çутĕсне, литературăна тата халăхăн āс-хакăл культурине аталантарма питĕ кирлĕ майсем туса панă. И.Я. Яковлев пуçарнă ĕçрен чăваш халăхĕн наци çĕкленĕвĕн юхăмĕ – вырăссемпе тата Раççейри ытти халăхсемпе пĕр тан пуласишĕн, çывăхланассишĕн пыракан юхăм – хускалнă. āсăннă тĕллевсене культурăпа çутĕç хатĕрĕсемпе пурнăçа кĕртсе пынă.

Литература

1. *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1998. 354 с.
2. *Петров Н.П.* Чăваш сырулăхĕ. Шупашкар, 1971. 64 с.
3. Чувашская книга до 1917 года: ретросп. библиограф. указ. лит. Изд. 2-е испр., доп. Чебоксары, 2001. 201 с.

**ОПЫТ ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ФЕНОМЕНА ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ДЖОКАЮЩИХ И ЙОКАЮЩИХ ИДИОМОВ
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ**
(по материалам языков эпитафических
памятников XIII–XIV веков с территории
Булгарского улуса Золотой Орды)

А.А. Чеченов

*Институт языкознания Российской академии наук,
г. Москва*

В последнее время я разрабатываю проблему генезиса инициального переднесредненёбного фрикативного звонкого *j*- в древнетюркском и его закономерных фонетических реминисценций в различных классификационных группах современных тюркских языков – огузской, карлукской, сибирской, болгарской. Актуальность изучения истории формирования широкого спектра фонетических корреляций древнетюркского инициального *j*- в современных тюркских языках (~й-, ж-, з-, жс-, ч-, дь-, џ-, с- и т.д.), прежде всего, обусловлена тем обстоятельством, что такой широкий разброс рефлексов отражает отчасти древние этапы ареального и диалектного членения пра- и прототюркского этноязыкового континуума, отчасти – исторические контакты с другими родственными и иносистемными языками, отчасти – спонтанное развитие фонетической системы отдельных тюркских языков в исторически обозримый период.

До сих пор остродискуссионным остается вопрос исходного архетипа древнетюркского инициального *j*- (<*θ-, *u-, *č-, *ǰ-, *j- и т.п.). От его решения зависит разрешение многих полемических проблем исторической фонетики и фонологии тюркских языков. В частности, это проблема глухого начала слова в пратюркском; направления процессов эволюции фонетической системы в тюркских языках; озвончение и оглушение инициала; определение и идентификация субстратных импульсов, вызвавших тот или иной путь развития анлаута в конкретных языках и т.д., а также уточнения места ряда языков в классификационных системах и, ко-

нечно же, ряда проблем древних этапов истории многих тюркоязычных этносов.

Разрабатывая проблему генезиса инициального *j*- в языках кыпчакской группы, я столкнулся с вопросом развития джоканья в Центрально-Азиатском, Северо-Кавказском и Средневожском регионах, который ещё не получил чётко сформулированного и фактологически подкрепленного однозначного решения.

При первом же приближении к изучению генезиса джоканья в говорах центрального диалекта татарского языка я был вынужден вникать в историю формирования волжско-булгарского языка, который многими казанскими исследователями считается непосредственным предком татарского языка. К сожалению, современная наука не обладает достоверным репрезентативным эмпирическим материалом, позволяющим изучать лингвистические особенности среднебулгарского языка домонгольской эпохи (IX–XIII вв.), однако в распоряжении ученых имеется достаточно представительный языковой материал эпиграфических памятников с территории Булгарского улуса Золотой Орды, датированных концом XIII – первой половиной XIV вв., и он вполне достаточен для адекватного освещения этноязыковой ситуации в Среднем Поволжье в золотоордынский период, а также для изучения среднебулгарского диахронического состояния булгарского языка в целом. Поскольку изменения в языке происходят медленно, не скачками, а плавным, эволюционным путём (в противном случае язык потерял бы свою главную функцию – коммуникативную), сведения о языке волжских булгар золотоордынского периода мы можем смело экстраполировать и на домонгольский период. Однако в данном случае нас интересует языковая ситуация в позднесреднебулгарский период, а вернее – проблема возможности или, наоборот, невозможности прямого отражения среднебулгарского джоканья в казанско-татарском языке. Что же касается проблемы булгаро-чувашской этноязыковой преемственности, то в настоящее время её можно считать решённой однозначно и положительно. По крайней мере, все тюркологические компаративисты, вплотную занимавшиеся этой проблемой, в настоящее время признают чувашский язык единственным живым языком булгарской (или огурской) группы тюркских языков [Pritsak, 1955; Benzing, 1959, I, 685–694; 695–751; Róna-Tas, Fodor, 1973; Ligeti, 1986; Tekin, 1988; Ceylan, 1997; Róna-Tas, 1999; 2011 и др.]. С этим положением вынуждены считаться и казанские

коллеги [Хакимянов, 1978; 1987; 1987, 32–48 и др.], но всегда с различными оговорками.

О языке волжских болгар, известном из сохранившихся эпиграфических памятников, написано много [Хакимянов, 1978; 1987], но, тем не менее, объективного представления о нём мы не имеем. К сожалению, появившиеся за последние десятилетия работы по болгарской проблематике вместо того, чтобы приблизить читателя к истине, наоборот, неимоверно запутали и без того непростую проблему. Приверженность к политической конъюнктуре и эмотивные начала национальной ментальности вольно или невольно приводили некоторых авторов к бездоказательным обобщениям и полярным «этническим метаниям». Но, как известно, неверные логические предпосылки, изначально заложенные в исследовании, не приводят к позитивным результатам.

Изучение языкового материала, зафиксированного эпиграфическими памятниками временного диапазона с 1281 по 1361 г. (хронологические рамки даны по показаниям сохранившихся датированных болгарских эпиграфических памятников) с территории бывшей Волжской Булгарии, имеет без малого трёхвековую историю [Юсупов, 1960; Róna-Tas, Fodor, 1973; Фахрутдинов, 1975; Хакимянов, 1978, 1983, 1985, 1987; Мухаметшин, Хакимянов, 1987 и др.].

Язык эпиграфических памятников XIII–XIV вв. с территории бывшей Волжской Булгарии по своему составу и характеру неоднороден. Прежде всего следует сказать, что практически все эпитафии написаны арабской графикой и содержат тексты на арабском и тюркском языках. Арабоязычная часть обычно представлена выдержками из сур священной книги мусульман – Корана. Но и по тюркоязычной части надписей эпитафии делятся на две большие группы: одна группа памятников содержит тюркоязычный текст на так называемом стандартном тюркском языке, характерными признаками которого являются зетацизм и сигматизм, а другая – на так называемом огурско-тюркском языке болгаро-чувашского типа с выраженными ротацизмом и ламбдаизмом.

Таким образом, эпиграфические памятники XIII–XIV вв. с территории Булгарского улуса Золотой Орды в языковом отношении подразделяются на 3 группы:

– написанные на арабском языке (не содержащие тюркоязычных «выражений»);

– написанные на тюркском г-языке болгаро-чувашского типа, т.е. на среднебулгарском или древнечувашском;

– написанные на тюркском z-языке стандартного типа, а конкретнее – на средневековом тюрки, или среднекыпчакском.

Подробное изучение языка собственно болгарских эпиграфических памятников показывает, что они по некоторым фонетическим признакам не едины; например, в одной группе памятников находим формы *žeti* «семь», *bolti* «было, свершилось»; *zerati* «его место погребения», а в других соответственно *žeči* «семь», *bolči* «было», *zerači* «его место погребения» и т.д., т.е. обнаруживаем палатализацию *t* перед последующими нелабиальными узкими гласными *ɪ* и *i*.

При этом давно замечено, что тюркский г-язык эпиграфических памятников был джокающим, а тюркский язык стандартного типа – йокающим. Отсюда напрашивается вывод: среднебулгарский язык характеризуется джоканьем, другими словами, на месте древнетюркского инициального переднесредненёбного фрикативного звонкого *j*- в среднебулгарском регулярно выступает звонкая аффриката *ǰ*-, транслитерированная арабской графемой *ج* «джим».

И напротив, в «кыпчакоязычных» текстах эпитафий в соответствующих словах в анлаутной позиции регулярно выступает среднеязычный *j*-, переданный арабской графемой *ي* «йа». Следовательно, джоканье и йоканье являются дифференцирующими признаками двух языков – собственно болгарского и золотоордынско-кыпчакского. А это указывает на параллельное существование в Булгарском улусе Золотой Орды, по крайней мере, двух самостоятельных тюркских языков.

О. Прицак в языковом отношении эпиграфические памятники Среднего Поволжья четко разделяет на две группы – написанные «гунно-булгарским» языком и написанные «тюркским мусульманским языком огузо-кыпчакской чеканки», причем гунно-булгарский был языком общения собственно волжских болгар, прибывших из кубанско-азовских областей, а «язык огузо-кыпчакской чеканки» применялся в духовной и культурной сферах общества [Pritsak, 1955, 9; 1959, 308]. Касаясь диалектного членения гунно-булгарского языка, О. Прицак пишет, что в Волжской Булгарии должны были функционировать как минимум три племенных диалекта по числу трех основных племен государства [Pritsak, 1955, 105].

Б.А. Серебренников отмечал, что «языки первой и второй серии эпитафий являются совершенно разными языками, один из которых принадлежит камским булгарам, а другой представляет древнетатарский язык» [Серебренников, 1956, 73]. Под термином «древнетатарский язык» он, по всей вероятности, имел в виду так называемый поволжский вариант тюрки, так как собственно татарского языка в Среднем Поволжье в те времена не было.

Крупный специалист по языкам эпиграфических памятников Волжской Булгарии Ф.С. Хакимзянов все памятники в языковом отношении разделяет на три группы: «на арабском языке, на татарском *p*-языке и на тюркском *z*-языке. Исходя из диалектных признаков тюркоязычные памятники были условно разделены на *m*-, *дж*- и *й*-язычные» [Хакимзянов: 1987, 18–19].

Взгляды Ф.С. Хакимзянова на диалектное членение языка эпиграфических памятников XIII–XIV вв. с территории Булгарского улуса Золотой Орды эксплицированы в его ранней работе «Язык эпитафий волжских булгар» [Хакимзянов, 1978]. В этой монографии автор придерживается оригинальной точки зрения о трёх диалектах единого языка эпитафий волжских булгар. Характерными признаками диалектов Ф.С. Хакимзянов считает следующие:

«для *ž*-диалекта:

- 1) графо-фонему *ž*- в начале слова;
- 2) глагольную форму 3-го лица прош. времени *äčī* “было”;
- 3) графо-фонему *ž*- в середине слова;
- 4) глагольную форму 3-го лица прош. времени *bolčī* “было”;
- 5) ротацизм;

для *j*-диалекта:

- 1) графо-фонему *j*- в начале слова;
- 2) глагольную форму 3-го лица прош. времени *ärdī* “было”;
- 3) графо-фонему *j*- в середине слова;
- 4) глагольную форму 3-го лица прош. времени *boldī* “было”;
- 5) *z*-признак;

для *t*-диалекта

- 1) графо-фонему *ž*- в начале слова;
- 2) глагольную форму 3-го лица прош. времени *äti* “было”;
- 3) графо-фонему *t*- в середине слова;
- 4) глагольную форму 3-го лица прош. времени *bolti* “было”;
- 5) ротацизм» [Хакимзянов, 1978, 19–20].

Напоминаем, исследователи языка эпиграфических памятников XIII–XIV вв. с территории Булгарского улуса Золотой Орды традиционно выделяли два самостоятельных языка – «волжско-булгарский» и «среднебулгарский», и при этом говорили о следах диалектов внутри среднебулгарского языка.

Выделенные Ф.С. Хакимзяновым «*ǰ*-диалект» и «*t*-диалект» содержат куда больше общих признаков, чем отличительных, и традиционно рассматриваются или как графические, или как диалектные разновидности собственно булгарского языка. Правда, Ф.С. Хакимзянов в другом месте оговаривается, что «в текстах на *ǰ*- и *t*-диалектах отражен булгарский язык какого-то определенного периода, берущий начало от языка приазовских булгар» и «что надписи на *j*-диалекте довольно-таки отличаются от остальных групп памятников» [Хакимзянов, 1978, 21].

Что же касается идиома, определённого Ф.С. Хакимзяновым как «*j*-диалект» языка булгарских эпитафий, то его следует рассматривать как совершенно отличный от булгарского самостоятельный тюркский язык стандартного типа, близкий к золотоордынскому тюрки (варианты названия: хорезмско-тюркский, кыпчакско-огузский, огузско-кыпчакский, хорезмско-золотоордынский, восточнотюркский, карлукско-хорезмийский и проч.) [Наджиб, Благова, 1997, 126; Фазылов, 1997, 139]. Кстати, и Ф.С. Хакимзянов это признает: «Памятники, относящиеся к *j*-диалекту, – пишет он, – естественно, не отражают состояния древнебулгарского языка... что *j*-диалект... является письменной формой общезначимого койнэ» [Хакимзянов, 1978, 22]. В сущности, это совершенно отличный от булгарского среднекыпчакский язык Золотой Орды, занесенный в Среднее Поволжье переселенцами из Средней Азии, преимущественно из Хорезма [Егоров, 1984, 90–102]. И совершенно непонятно, на каком основании Ф.С. Хакимзянов этот золотоордынско-кыпчакский язык вставил между двумя диалектами собственно булгарского языка. Специфические особенности «*j*-диалекта» практически никогда не встречаются в текстах, написанных на «*ǰ*-диалекте», а потому представляют собой идентифицирующие признаки самостоятельной группы памятников, кстати, отличающихся и по стилю художественного оформления. Поэтому мы считаем, что в период с конца XIII до середины XIV вв. на территории Булгарского улуса Золотой Орды функционировали два самобытных тюркских языка.

Ф.С. Хакимзянов вполне обоснованно пишет, что памятники «так называемого II стиля (у нас памятники *t*- и *ǰ*-диалектов)... более свободны от кыпчакского влияния» [Хакимзянов, 1978, 4]. Нетрудно догадаться, что, в принципе, автор цитаты придерживается мнения о синхронном функционировании в конце XIII – первой половине XIV вв. на территории Булгарского улуса Золотой Орды двух тюркских языков – волжско-булгарского и кыпчакского. В дальнейшем ради краткости и удобства памятники, написанные на языке болгаро-чувашского типа, будем называть **болгарскими**, а памятники, написанные на стандартном тюркском языке, – **кыпчакскими**. При этом следует оговориться, что группа *t*- и *ǰ*-диалектов относится к болгарским, а *j*-диалект – к кыпчакским памятникам.

В языках болгарских памятников в начальной позиции на месте среднеязычного *j*- стандартных тюркских языков регулярно выступает звонкая аффриката *ǰ*-, ср.: тюрк *jil* «год» булг. *ǰal*, тат. *jil*, чув. *śul* «год»; тюрк. *jeti* ~ булг. *ǰeti/ ǰeči* «семь», тат. *jidě*, чув. *śiččě, śizě* «семь»; тюрк. *jigirmä* булг. *ǰirme/ ǰirim*, тат. *jëgërmä* чув. *śirëm* «двадцать»; тюрк. *jüz* «сто» ~ булг. *ǰür/ ǰür* «сто», тат. *jüz*, чув. *śér* «сто» и т.д.

Согласно исследованиям С.Я. Байчорова, северокавказские (приэльбрусские) письменные памятники древних болгар отражают характерное для огурской группы тюркских языков джоканье, ср.: тюрк. *joγ* «похоронно-поминальная обрядность» др. булг. *ǰox* «тж», ср. производное от этого корня чувашское слово *ǰava* «могила», «кладбище» [Байчоров, 1977, 27].

Язык кыпчакских эпитафических памятников XIII–XIV вв. с территории Булгарского улуса Золотой Орды отличается характерным для стандартных тюркских языков йоканьем, то есть употреблением в инициальной позиции исключительно среднеязычного *j*-, ср.: – тюрк. *jaš* (< *jāš* ~ «возраст, молодой» булг. (кыпч.), ср.-кыпч. *jaš* «год» (возраст), «жизнь» [Изысканный, 1978, 308; Курышжанов, 1970, 126; Гулистан, 1975, 223; Тефсир: 1963, 148; Джумагулов: 1971, 49 и др.], тат. *jäš* «год, возраст», но чув. *śul* «год» < огур. * *ǰal/ ǰil* < **čal/čil*, ср. тюрк. *jil* «год (астрономический)», монг. *ǰil* ← огур. *ǰil* «астрономический год», «возраст» [Clauson, 1972, 975–976; Туймебаев: 2005, 765–786 и др.].

– тюрк. *jigirmä* «двадцать» булг. (кыпч.) *jëğërme*, ср. кыпч. *jägirmi* [Изысканный, 1978, 309]; *jigirmi* [Тухфа, 1968, 202; Курышжанов, 1970, 128; Гулистан, 1975, 235; Джумагулов: 1971, 149 и др.], тат. *jëğërmë*, чув. *širëm*, ср.-булг. *žirme* «двадцать» [Хакимзянов, 1978, 65];

– тюрк. *jeti* «семь» ~ булг. (кыпч.) *jeti*, ср.-кыпч. *jeti* [Тефсир, 1963, 152], *jedi* [Изысканный, 1978, 309], *jeti* [Houtsma, 1894, 104; Курышжанов, 1970, 127; Гулистан, 1975, 120 и др.]; тат. *jidë*, к.-балк. *žeti*, но чув. *ši žë*, *šiččë* «семь»; ср. – булг. *žeti/ žeci* «семь» [Хакимзянов, 1978, 65];

– тюрк. *jüz* «сто» ~ булг. (кыпч.) *jüz* «сто», ср.-кыпч. *jüz* «сто» [Изысканный, 1978, 317; Курышжанов, 1970, 135; Houtsma, 1894, 105; Гулистан, 1975, 229; Джумагулов, 1971, 149 и др.], тат. *jüz*, к.-балк. *žüz*, но чув. *šër* «сто»; ср.-булг. *žür* «сто» [Хакимзянов, 1978, 65] и т.д.

Джокающие тюркские языки сосредоточены в трёх регионах: в Поволжье, на Северном Кавказе и в Центральной Азии.

В Урало-Поволжье джоканье представлено главным образом в говорах среднего диалекта татарского языка, кстати, послужившего основой литературного языка, и оттуда распространился в некоторые западные (мишарские) говоры. Татарские ученые объясняют джоканье в казанскотатарских говорах как реликт волжскобулгарского языка.

В Северо-Кавказском регионе джоканье представлено в карачаево-балкарском языке, вернее в диалектах и говорах балкарского языка. Кстати, именно джоканьем прежде всего и отличается карачаево-балкарский язык от всех других ближайших родственников куманско-кыпчакской подгруппы. Уже это наводит на мысль о местном происхождении карачаево-балкарского джоканья под влиянием осетинского субстрата [Чеченов, 1996, 284–304].

Центральноазиатский ареал джоканья охватывает в основном казахский и близкий к нему каракалпакский языки, объединяемые в канглыско-кыпчакскую подгруппу. К казахскому жоканю непосредственно примыкает киргизское джоканье, имеющее сибирские истоки (см. алтайское дьёканье), но на поздних этапах развития испытывшее сильное казахское воздействие.

В последнее время, особенно после появления глубоких исследований Ж.К. Туймебаева о казахско-монгольских языковых взаимоотношениях [Туймебаев, 2004, 2005, 2006, 2008 и др.], все

больше убеждаюсь в том, что виновником казахского жоканья был монгольский суперстрат.

Существуют самые разные взгляды на природу тюркского джоканья, но все они сходятся в одном: джоканье в тюркских языках явно вторично и развивалось под внешними влияниями.

Относительно генезиса джоканья весьма оригинальную гипотезу выдвинул в свое время венгерский исследователь А. Берта (1983). Он установил, что джоканье охватывает как раз те регионы, в которых начиная с V в. н.э. обитали оногуры, а после них хазары. Таким образом, согласно гипотезе А. Берты, развитию джоканья в тюркских языках способствовал оногурский или, вернее, прабулгарский этноязыковой субстрат [Берта, 1983, 62–74].

Из истории мы знаем, что после распада Хуннской империи во II–III вв. н.э. огурские, или прабулгарские, племена из монгольских степей рассеялись по всей аридной полосе Евразии вплоть до венгерских пушт на Дунае. Лоскутный характер ареала джоканья, конечно же, можно объяснить неравномерным расселением огурских племен. Однако это не согласуется с тем фактом, что джоканье в Центрально-Азиатском (Казахстанском) регионе появляется относительно поздно, только в конце монгольской эпохи.

Балкарское джоканье можно было бы объяснить хазарско-булгарским субстратом. Известно, что основным населением Хазарского каганата были оногурские (древнебулгарские) племена. Однако гипотеза А. Берты не объясняет, почему джоканье появилось только в карачаево-балкарском языке из подгруппы куманско-кыпчакских языков, а также противоречит относительно позднему развитию джоканья на Северном Кавказе – только с XV в. Во всяком случае, известный памятник конца XIII в. «Codex Cumanicus» зафиксировал йокающий кыпчакский язык.

Ф.С. Хакимзянов выдвинул оригинальную идею о том, что язык болгарских эпитафий «является особым языком, сохранившим свои архаичные черты и употребляемым только в ритуальном письме текстов надмогильных плит». Он подчеркивает, что «язык эпитафий XIII–XIV вв... не разговорный или литературный волжскобулгарский» [Хакимзянов, 1978, 3]. Между тем современная лингвистика знает только две формы существования вербального языка – устно-разговорную и письменно-литературную. Назревает вопрос: как тогда функционировал этот волжско-булгарский язык?

Коль скоро предметом нашего исследования является письменно зафиксированная на каменных эпитафиях форма языка, почему её нельзя квалифицировать как форму литературного языка? Если мы реально имеем увековеченную на каменных эпитафиях письменную форму языка, значит, одновременно с ней существовала и устная. И заказчик, и мастер-исполнитель наверняка рассчитывали на то, что тексты эпитафий будут прочтены и поняты их современниками. Иначе вся эта традиция с каменными эпиграфическими памятниками теряет смысл. А это значит только одно: в период с конца XIII до середины XIV вв. на территории Булгарского улуса Золотой Орды параллельно функционировали, как минимум, два тюркских языка, условно называемые нами среднебулгарским и среднекыпчакским, причем оба – как в устно-разговорной, так и в письменно-литературной формах.

Ф.С. Хакимзянов исходит из априорного предположения, будто «в XIII–XIV вв. (а возможно, и раньше) на территории Волжской Булгарии, являющейся одним из культурных центров Золотой Орды, должен был функционировать локальный вариант тюркского литературного языка, который иногда называют болгарским литературным языком» [Хакимзянов, 1987, 24; Тенишев, 1979, 88]. Что он имеет в виду под «тюркским литературным языком, который иногда называют болгарским литературным языком», непонятно. Тем более если вспомнить его утверждение, что «язык эпитафий XIII–XIV вв.... не разговорный или литературный волжско-болгарский» [Хакимзянов, 1978, 3].

Если быть объективным, то применительно к «волжско-болгарскому языку» как домонгольского, так и золотоордынского периодов вряд ли правомерно употребление термина «литературный язык», так как, вопреки голословным утверждениям Ф.С. Хакимзянова и иже с ним, реальных памятников «потенциально возможного варианта» нормированного и обработанного болгарского или иного (кыпчакского) языка мы не имеем. Поэтому применительно к языку эпиграфических памятников XIII–XIV вв. с территории Булгарского улуса Золотой Орды более корректным является термин «письменная форма (среднебулгарского, или среднекыпчакского) языка». Согласитесь: «литературный язык» и «письменная форма языка» – термины далеко не однозначные.

Вместе с тем он отмечает: «Несмотря на некоторую проблематичность в определении языкового членения, мы исходя из предварительных разработок и своего опыта придерживались потенциально возможного варианта о нормативности и обработан-

ности данного языка» [Хакимзянов, 1987, 3]. Сказано, конечно, предельно обтекаемо, однако суть улавливается довольно четко: «не разговорный или литературный волжскобулгарский» все же претендует быть нормативным и обработанным.

Ф.С. Хакимзянов пишет: «На самом деле язык эпитафий вряд ли является отражением разговорного языка волжских болгар. Есть все основания предполагать, что он является особым языком (разрядка автора. – А. Ч.), сохранившим свои архаичные черты и употребляемым только в ритуальном письме текстов надмогильных плит. Таким образом, в настоящей работе будет исследован язык эпитафий XIII–XIV вв., а не разговорный или литературный волжско-булгарский» [Хакимзянов, 1978, 3]. Неужели уважаемый Ф.С. Хакимзянов серьезно полагает, что эпитафии XIII–XIV вв. написаны на каком-то особом функциональном языке, отличном от разговорного и литературного вариантов волжско-булгарского языка? Согласно выдуманной им некоей «обобщенной модели функциональной стратиграфии» [Хакимзянов, 1987, 5], Ф.С. Хакимзянов постоянно пишет о гипотетическом «наддиалектном койне, в основе которого лежал принцип взаимопонимаемости» [Хакимзянов, 1983, 4–6; Хакимзянов, Измайлов, 2006, 623], очевидно, носителей волжскобулгарского и кыпчакского языков.

Представления Ф.С. Хакимзянова о природе литературного языка Булгарского улуса весьма туманны и противоречивы, о чем свидетельствует, к примеру, следующая сентенция: «...в рассматриваемом периоде развития общества не было одного единого или нормированного булгарского литературного языка, а функционировало несколько письменных форм (вариантов) литературного языка.

Другим возможным, хотя и специфическим литературным языком, являлся, видимо, собственно булгарский язык... Есть основания полагать, что уже в XI в. этот архаичный *p*-язык стал наддиалектной формой специфичного языка булгарской знати, позднее воплотившись в виде сакрального, ритуального языка в эпитафиях XIII–XIV вв.» [Хакимзянов, Измайлов, 2006, 628].

Так был ли у волжских болгар литературный язык или его не было – остаётся большой загадкой. Ф.С. Хакимзянов в одном месте пишет, что «в это время в Волжской Булгарии существовал книжно-письменный язык традиционных литературных жанров» [Хакимзянов, 1987, 13], что «формирование литературного языка связано с возникновением и расширением практических потреб-

ностей государства» [Хакимянов, 1987, 12] и что этот язык «имел общетюркский характер» [Хакимянов, 1987, 12], в другом – что волжско-булгарский язык «не разговорный и литературный» [Хакимянов, 1978, 32], «не было одного единого или нормированного булгарского литературного языка» [Хакимянов, Измайлов, 2006, 628], и тут же – «функционировало несколько письменных форм (вариантов) литературного языка» [Хакимянов, Измайлов, 2006, 628] и т.д. Представляете: литературного языка не было, а его варианты функционировали?! Более того, оказывается, был ещё и «специфический литературный собственно булгарский язык» [Хакимянов, Измайлов, 2006, 628]. Так чему из этого верить?..

Всё это нагромождение «массы вненаучных аллюзий» создано с единственной целью – чтобы всеми правдами и неправдами умалить, сузить функциональное поле собственно булгарского языка и загнать его в прокрустово ложе «функционального языка», «употребляемого только в ритуальном письме текстов надмогильных плит» [Хакимянов, 1978, 3].

«Язык же волжскобулгарских памятников, – пишет Ф.С. Хакимянов, – лишь в Среднем Поволжье стал функционировать в качестве особого языка надмогильных плит» [Хакимянов, 1978, 21]. Вместе с тем, Ф.С. Хакимянов тут же пишет: «Вполне возможно, что язык древних булгар, кстати, состоящий из различных диалектных единиц [Ковалевский, 1954, 20–21], в начальные периоды сложения государства на новой территории – в Среднем Поволжье – мог употребляться в коммуникативных целях» [Хакимянов, 1978, 21].

Во всяком случае, по представлениям Ф.С. Хакимянова, «образцы бывшего разговорного языка в зависимости от этнической принадлежности мастера-резчика по-разному закрепились на письме, затем продолжали жить и у их преемников. А в отдельные эпитафии, главным образом выполненные неспециалистами... вносились извне диалектные черты» [Там же].

Как это могло происходить в реальной жизни, трудно вообразить. Во-первых, как могли использовать реально не функционирующий ни в устной, ни в литературной формах «особый язык» иноэтничные мастера-резчики для составления текстов надгробий, да ещё сохранить при этом диалектные различия, закрепить их на письме и даже передать преемникам? Уму непостижимо! И ещё. Почему вдруг язык булгар в процветающем государстве должен был утратить свою коммуникативную функ-

цию, но умудриться при этом сохраниться в качестве особого функционального языка надмогильных плит? Можно ли себе представить такое: язык вымер, но иноэтничные мастера-резчики «в зависимости от их этнической принадлежности» продолжали выбивать эпитафии на этом мертвом языке?

Чтобы хоть как-то оправдать свою гипотезу, Ф.С. Хакимзянов утверждает: «В истории человечества известно много случаев, когда живой язык, утратив свои функции разговорного, начал применяться в совершенно иной сфере или же предавался полному забвению» [Хакимзянов, 1978, 23]. В качестве примера, якобы подтверждающего этот, в общем-то, спорный тезис, он ссылается на шумерский язык, который вышел-де из употребления как живой язык вскоре после правления Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.) и которым только вавилонские жрецы продолжали пользоваться как языком культа.

При этом следует сказать, что о функционировании шумерского языка как живого мы догадываемся только по дошедшим до нас глиняным табличкам. Чтобы быть точным, отметим, что Хаммурапи всё-таки же был царем Вавилонии. Судя по глиняным табличкам, мы можем утверждать только одно: после правления царя Хаммурапи прервалась традиция писать на шумерском языке. Это ни в коей мере не значит, что шумерский язык утратил свои функции разговорного. Если следовать логике Ф.С. Хакимзянова, шумерский следует признать функциональным языком, на котором оформлялись глинописные документы, тем более, что вавилонские жрецы и после утраты шумерским своих функций разговорного языка продолжали пользоваться им как языком культа [Хакимзянов, 1978, 23]. А это уже свидетельствует о том, что шумерский язык, скорее, продолжал выполнять свои функции разговорного и в вавилонскую эпоху, иначе какой смысл писать культовые тексты на мертвом языке. В любом случае, если была необходимость писать на шумерском языке, его нельзя считать утратившим функции разговорного.

Ф.С. Хакимзянов совершенно справедливо пишет: «Для мусульманского населения Волжской Булгарии в качестве культового (т.е. функционального. – А.Ч.) языка выступал арабский – этот священный язык Корана...» [Там же]. Но тут же продолжает: «Однако для оформления эпитафий у болгар применялся и древнебулгарский язык» [Там же]. Заметьте, всё-таки «язык»! И далее: «Выбор текста на каком-нибудь диалекте... нисколько не связан с этнической (читай: языковой. – А.Ч.) принадлежностью

заказчика, потому что на одном и том же кладбище можно встретить надписи на разных диалектах, имеются также и билингвы» [Там же]. Возникает вопрос: чем же мотивирован выбор языка или диалекта текстов эпитафий? Ответа на этот принципиальный вопрос в работах Ф.С. Хакимзянова не находим. Хотя сразу же после констатации использования для оформления эпитафий и древнебулгарского языка он пишет: «Видимо, выбор стиля надгробия и текста зависел в большей степени от финансового состояния заказчика». Такое обтекаемое выражение трудно понять однозначно. Скорее, под «стилем» автор подразумевает художественное оформление эпитафии, а под «текстом» – его объём. Пышность художественного оформления и объём текста, разумеется, вполне могли зависеть от толщины кошелька заказчика. И от мастерства исполнителя. А от кого зависел выбор языка или диалекта текста эпитафии, если не от этнической принадлежности заказчика, – остаётся загадкой. Музыку, как говорится, заказывает тот, кто за неё платит. По логике вещей, выбор языка или диалекта текста эпитафии должен исходить от заказчика, и, следовательно, вопреки голословному утверждению Ф.С. Хакимзянова, выбор этот непременно мотивирован этноязыковой принадлежностью усопшего и заказчика, являющегося его ближайшим родственником. Какой резон, спрашивается, золотоордынскому «татарину» или, вернее, кыпчаку, заказывать надпись на каком-то незнакомом «функциональном» языке, который, кстати по определению Ф. С. Хакимзянова, «не разговорный или литературный волжско-булгарский» [Хакимзянов, 1978, 3], а употребляемый «только в ритуальном письме текстов надмогильных плит» [Там же].

То, что «на одном и том же кладбище можно встретить надписи на различных диалектах» и встречаются билингвы, как раз и свидетельствует о том, что на данном кладбище были похоронены представители разных, по крайней мере двух, этносов, естественно, говоривших каждый на своем языке.

Ф.С. Хакимзянов заметил уникальный в болгарской эпитафической традиции факт, когда памятник на могиле отца написан на кыпчакском языке, а на могиле его сына – на болгарском. Поскольку в рамках темы нашего исследования этот факт имеет исключительно важное значение, считаем необходимым процитировать этот пассаж полностью:

«Из всех известных болгарских надмогильных памятников привлекают внимание тексты двух эпитафий XIV в., сохранив-

шихся на кладбище современного села Иске-Рязяп Куйбышевского р-на ТАССР, ср. их тюркские части: ... *Āmbal oğlu Häsän zi-jaräte turur. ... tarix ieti jüz qırq beşdä, rä žäb ajınıñ üçençe küne erdi.* – «...Анбала сына, Хасана, место погребения. ... По летоисчислению в семьсот сорок пятом, раджаба месяца третий день был» и *Āmbal oulı Häsän oulı ha ži Bu bälekü kü.* – «Амбала сына, Хасана, (его) сына хаджи Бу надмогильный памятник это» [Хакимзянов, 1987, 5; 110–112, 166–167].

Первый памятник поставлен на могиле некоего Хасана, сына Анбала, усопшего в 1345 г. (745 г.х.) Надпись на памятнике выполнена на стандартном тюркском языке, ср. *jeti* «семь» (при булг. *žeti*, чув. *ši žě*); *jüz* «сто» (при булг. *žür*, чув. *šěr*); *qırq* «сорок» (при булг. *qırax*, чув. *xěpěx*); *beş* «пять» (в форме локатива *beşdä* «в пятом»; при булг. *bel*, чув. *pilěk*, локатив – *pillěkre*); *aj* «месяц» (в форме генитива *ajınıñ*; при булг. *ajix*, чув. *uyäh*, генитив, чув. *uyähän*); *üç* «три», *üçençe* «третий», при булг. *we žim*, чув. *vizěm*); *kün* «день», *küne* посесивная форма 3 л. ед. ч. (при булг. *küwen* «день», чув. *kun*); *erdi* «был» (при булг. – *ži*, чув. *-ččě*); *oğlu* «его сын» (при булг. *owlı*, чув. *ivälě*). Как видим, надпись сделана на чисто тюркском языке, без какой бы то ни было болгарской примеси. Однако надпись на памятнике сыну Хасана выполнена уже на чисто болгарском языке. Сына Хасана, скорее, звали Хаджиб. (*Ha ži bü*, где *bü* – среднеболгарская форма тюркского титула *beg*, *bej* «господин», «князь», чув. *nü* «князь», ср. чтение Ф.С. Хакимзянова *ha ži Bu*, где личное имя *Bu* не типично хотя бы по своей краткости, а титул *ha ži* по законам тюркских языков обычно находится в постпозиции; кстати, личным именем могла быть и вся композита *Ha ži bü*, ср. тюрк. *Аджибей*, каз. *Кажибек* и проч.); ср.: булг. *Āmbäl* – мужское личное имя (ср. Амбал – имя ключника Андрея Боголюбского, родом из Булгара, 1175); *owlı* чув. *ivälě* «его сын» (при кыпч. *oğlu*); *bälek* «памятник», *bälekü* ~ чув. *palägě* «его памятник» (3-е л. ед.ч.); *kü* «это» чув. *ku* (при кыпч. *bu*).

«Если исходить из наличия языковых строевых элементов, – пишет по этому поводу Ф.С. Хакимзянов, – то можно считать, что в этих текстах, бесспорно, нашли отражение два языка; первый имеет 3-признак, а второй, судя по лексемам *oğlu* «его сын»,

bälekü «его надмогильный памятник», *kü* «это» – *p*-признак» [Хакимянов, 1987, 5].

Отсюда, по логике вещей, вытекает определённое заключение о динамике этноязыковой ситуации если и не во всем Булгарском улусе, то хотя бы в районе современного села Иске-Рязяп: в момент смерти некоего Хасана, сына Анбала, т.е. в середине XIV в. (1345 г.), местное население, очевидно, было кыпчакоязычным. Это были, скорее всего, мигранты из южных районов – возможно, из Дешт-и-Кыпчака, возможно, из Хорезма. Это для нашей темы не суть важно. Однако к моменту смерти сына Хасана, которого звали Хаджибю, эти кыпчаки, по всей вероятности, были ассимилированы аборигенным населением и перешли на болгарский язык. Иначе, спрашивается, зачем надо было увековечивать память этого самого Хаджибю на болгарском языке, содержащем все признаки чувашского языка?

Однако такое само собой разумеющееся простое и логическое объяснение почему-то не устраивает Ф.С. Хакимянова, и он начинает придумывать окольные пути, чтобы его обойти. «Однако, – пишет он далее, – попытка осмыслить эти признаки (т.е. различительные признаки собственно болгарского и среднекыпчакского языков. – *А.Ч.*) как этнические показатели (то есть признать, что один памятник поставлен над кыпчаком, а второй – над болгаром), явно несостоятельна, так как при этом игнорируется специфика эпитафий» [Хакимянов, 1987, 5–6]. В чем заключается эта пресловутая «специфика эпитафий», так и остается непонятной. Во всяком случае, автор не стал утруждать себя объяснением загадочной «специфики». Вместо этого он пишет: «Язык исследуемых надмогильных плит (вернее все же надмогильных памятников, «надмогильные плиты» – это нечто другое, чем эпитафии. – *А.Ч.*) не может выступать этническим определителем, каковым обычно принято считать язык» [Хакимянов, 1987, 6].

Оказывается, понятие «функциональный язык» было выдуманно Ф.С. Хакимяновым исключительно для того, чтобы избежать этнической идентификации языков надписей, самих эпитафий или, вернее, захороненных под этими каменными надгробиями. Вот что Ф.С. Хакимянов пишет: «Таким образом, несмотря на то, что надгробия несколько различаются по характеру исполнения, технике письма и структуре надписей (добавим к этому: и по языку! – *А.Ч.*), их нельзя считать принадлежащими разным этническим единицам, тем более *функциональный язык*

эпитафий не может служить основой для выводов этнического порядка (выделено нами. – А.Ч.). В рассматриваемом случае прежде всего необходимо учесть одно немаловажное обстоятельство – установление этих памятников на могилах одного семейства, точнее – отца и сына: хаджи Бу является сыном Хасана, похороненного рядом, и над ним поставлен памятник с языковой надписью... такое положение само по себе исключает разноэтническое толкование» [Хакимзянов, 1987, 6–7].

Что-то не припоминаю, чтобы кем-то когда-нибудь были использованы языки анализируемых истребляемых памятников в качестве этнических признаков, хотя ничего зазорного в этом не вижу. В науке давно утвердилась аксиома, что язык является одним из важнейших этноопределяющих и идентифицирующих этническую принадлежность признаков его носителей. Но суть даже не в этом. Мне, как лингвисту, в данном случае важно уяснить, на каком языке говорили люди, создавшие и установившие эти памятники.

А вопрос об этнической идентификации этих людей зависит, скорее, даже не от языка, на котором они разговаривали, а от их самосознания или, как сейчас принято говорить, от их самоидентификации.

На территории Булгарского улуса, как и везде в мусульманском мире, достаточно много арабоязычных эпитафий. По сути, все булгарские (и кыпчакские) эпитафии являются частично и реже полностью арабоязычными. Это свидетельствует не об арабоязычности населения Среднего Поволжья, а только о бытовании здесь значительного контингента мусульман. Наличие в эпитафиях арабоязычных частей, в большинстве своем представляющих цитаты из Корана, объясняется существующим до сих пор запретом переводить коранические суры. Если бы местное население владело арабским языком, то практически весь текст эпитафий был бы написан на арабском языке. «Светские» вкрапления в текст эпитафий, несомненно, свидетельствуют о языковых пристрастиях заказчиков и, в меньшей степени, мастеров-исполнителей эпитафий. Последние, судя по всему, достаточно сносно владели арабским языком и письмом. Наличие нескольких двуязычных эпитафий, не являющихся переводами с одного языка на другой [Хакимзянов, 1978, 158–161] натолкнуло Ф.С. Хакимзянова на совершенно невероятную идею: «Выходит, что эти (т.е. тюркские. – А.Ч.) языки привлечены не с целью объяснения текстового материала. Остается лишь предположить наличие

функциональных форм языка, что и нашло отражение в конкретных текстах» [Хакимзянов, 1987, 6]. А не корректнее ли усматривать в этом естественное «пристрастие» населения к своему родному языку? И почему следует непременно отрешиваться от столь очевидного объяснения?

Ф.С. Хакимзянов в своей монографии «Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык» (1987) приводит ещё один любопытный текст оригинального болгарского надгробия 1311 г., где хвалебная часть вырезана на з-языке, а датирующая часть – на р-языке: *Galimlärqa tärbijat qılqan, zahidlarqa sewgän, mäş žedlarne yijmarat qılqan üküş häjratlıy Mažarä qabi (?) oylı Ismayıl ziyaräte bu.*

...Wafat bolti: tariħ žeti žür on bir ža°l rä žäb aħi žirme äkeši ä keš I kön äti. «Давшего воспитание ученым, любившего набожных, мечети воздвигавшего, множество благих дел совершившего Маджар-кази (?) сына, Исмагила, место погребения это.

...Скончался: по летосчислению семьсот одиннадцать лет, раджаба месяца двадцать второй день был» [Хакимзянов, 1987, 7; 94–95; 1985, 85–87].

Первое, что приходит в голову при знакомстве с этим уникальным в своем роде эпиграфическим памятником – предположение о его изготовлении двумя мастерами: работа была начата кыпчакоязычным мастером и завершена болгароязычным. Однако исследователи этого памятника нигде не отмечают стилистические отличия между кыпчакоязычной и болгароязычной частями, да и по опубликованным фотографиям невозможно определить стилистические различия между первой и второй частями надписи. Поэтому я предлагаю следующее, на мой взгляд более подходящее к данному случаю, объяснение феномена. Очевидно, мастер, несомненно кыпчакоязычный, когда получил заказ (а получил он его, несомненно, на кыпчакском языке) не поинтересовался, на каком языке следует написать текст эпитафии. Полагая, что заказчик кыпчакоязычен, он начал выбивать текст на соответствующем языке. Но в ходе работы выяснилось, что заказчик был болгароязычным, и конец текста, т.е. датирующую часть, он выбил уже на болгарском языке. Кстати, мастер плохо владел болгарским языком, о чем свидетельствуют шероховатости языка (например, слово *ža°l* «год» в данном контексте требует форму датива).

Как бы там ни было, приведенные примеры ни в коей мере не свидетельствуют о формировании некоего гипотетического «наддиалектного языка» «для междиалектного общения».

Ф.С. Хакимзянов пытается убедить в том, что якобы «при скрещивании четко отличающихся друг от друга языков возникшее в начальные годы сложения государства двуязычие, очевидно, сменилось господством z-языка» [Хакимзянов, 1978, 22]. Между тем из истории хорошо известно, что «в начальные годы сложения государства» волжских булгар, т.е. в IX–X вв., в Восточной Европе никаких тюрков, говоривших на языках стандартного типа, ещё не было, а параллельное функционирование болгарского и кыпчакского языков документируется эпиграфическими памятниками с территории Булгарского улуса Золотой Орды лишь с конца XIII в.

Н.И. Егоров заметил очень важное обстоятельство: нисбы и тахаллусы погребенных, начертанные на болгароязычных эпитафиях, прямо указывают на среднеазиатское происхождение походящихся под надгробиями; ср.: *Хасан ас-Самарканди, Хайбетель ибн Мухаммед аль-Дженди, шах Курасан ибн Мухаммед-шейх ал-Кердари, Исмагил эш-Шемахи, Мобарак шах Курасани, Садреддин эш-Ширвани, Р-с эш-Шемахи* и т.д. [Юсупов, 1960, 49; Хакимзянов, 1978, 189–190; Егоров, 1984, 95].

Возникает закономерный вопрос: почему на могилах выходцев из Средней Азии на территории Булгарского улуса Золотой Орды в конце XIII – первой половине XIV вв. устанавливали памятники, написанные на болгарском языке?

Ответ был дан в работе Н.И. Егорова «Булгаро-чуваши-кыпчакские этноязыковые взаимоотношения в XIII–XIV веках», опубликованной в 1984 г. в сборнике «Болгары и чувашаи» [Егоров, 1984, 90–102].

Основательно изучив собственно языковые и экстралингвистические факты, Н.И. Егоров пришёл к заключению, что «язык болгаро-татарских эпитафий конца XIII – начала XIV вв. довольно последовательно отразил динамику этноязыковой ситуации в Волго-Камье» [Егоров, 1984, 97]. В указанный период Волжская Булгария «постепенно, но неуклонно восстанавливала, в определённом отношении, в качестве отдельного улуса Золотой Орды, свою утерянную политическую и экономическую самостоятельность... В таких условиях прибывшие в пределы бывшей Волжско-Камской Болгарии разноязычные золотоордынские переселенцы должны были усвоить и усваивали в качестве языка межэт-

нического общения язык количественно преобладавшего основного местного населения, т.е. болгарский, являющийся к тому же языком фактически правящей местной болгарской феодальной аристократии» [Егоров, 1984, 96–97].

«К концу XIII – началу XIV вв., – пишет далее Н.И. Егоров, – в Золотой Орде начинает превалировать кыпчакский язык, однако процесс языковой нивелировки на обширных территориях монгольской империи, населенной многочисленными племенами разных языковых семей, должен был продолжаться довольно долго. К тому же в Волго-Камье в конце XIII – начале XIV вв. пришлый кыпчакоязычный элемент в количественном отношении был сравнительно малочисленным. В такой этноязыковой ситуации кыпчакский, естественно, не мог ещё оказать ассимилирующего влияния на язык количественно преобладавших местных болгар. Наоборот, общественно-политические, социально-экономические, историко-культурные и этноязыковые условия способствовали росту престижности болгарского языка, имевшего в Волго-Камье традиционные глубокие корни. Вспомним то огромное воздействие, которое оказал болгарский на исторически контактировавшие с ним нетюркские языки. В этих условиях язык пришлого кыпчакоязычного компонента, естественно, растворился в болгароязычной среде» [Егоров, 1984, 97]. Таким образом, в соотношении болгарского и кыпчакского языков в эпиграфических памятниках конца XIII – первой половины XIV вв. с территории Булгурского улуса Золотой Орды «отразились процессы постепенной болгаризации пришлого кыпчакоязычного этнического компонента» [Егоров, 1984, 98].

Стремясь во что бы то ни стало доказать «общетюркский характер койнэ» и развившегося на его основе «литературного образца на отшлифованном, нормированном языке» стандартного типа [Хакимзянов, 1987, 10–11], Ф.С. Хакимзянов предпринимает попытки оспорить некоторые из выдвинутых Н.И. Егоровым положений. «К сожалению, – пишет он, – соблазн использовать эти своеобразные письменные источники для подкрепления зарождающихся идей слишком велик, в результате появляются необоснованные утверждения. “Только во второй половине XIII в. эпиграфические памятники оформлялись на двух языках – или на чисто болгарском, или на чисто кыпчакском и, отчасти, на смешанном кыпчакско-булгарском, – писал Н.И. Егоров [Егоров, 1984, 99]. – В самом конце XIII в. тюркоязычная часть текста эпитафий оформляется уже т о л ь к о (разрядка наша. – Ф.Х.) на

болгарском языке”. Такое предположение бездоказательно как в первой части, так и во второй. Чтобы удостовериться в ошибочности этого утверждения, достаточно взглянуть на «Приложение» настоящей работы – и в первой четверти XIV в., и в дальнейшем памятники на тюркском *z*-языке (по терминологии Н.И. Егорова – кыпчакском) продолжают функционировать» [Хакимянов, 1987, 20; Хакимянов, Измайлов, 2006, 621–622]. При этом следует напомнить, что работа Н.И. Егорова появилась в 1984 г., а монография Ф.С. Хакимянова «Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык», посвященная преимущественно кыпчакоязычным памятникам, – в 1987 г. и, естественно, Н.И. Егоров не мог знать об описанных в «Приложении» к этой книге кыпчакоязычных памятниках XIV в. (датированы с 1311 по 1399 г.). Однако параллельное существование болгарских и кыпчакских памятников в XIV в. не может поколебать основных положений, высказанных Н.И. Егоровым, так как мы хорошо знаем из истории, что приток кыпчакоязычного населения из разных регионов Золотой Орды в область Волго-Камья продолжался «и в первой четверти XIV в., и в дальнейшем». Термин «кыпчакский» относительно языка эпиграфических памятников, написанных на *z*-языке стандартного типа Н.И. Егоров, скорее, позаимствовал у Ф.С. Хакимянова, который ещё в 1978 г. писал: «В работе основное внимание уделено памятникам так называемого II стиля (у нас – памятники *t*- и \check{z} -диалектов), которые более свободны от **кыпчакского** (выделено нами. – А. Ч.) влияния» [Хакимянов, 1978, 4]. Поскольку памятники так называемого II стиля традиционно считаются болгароязычными, то термин «кыпчакский» в приведенной цитате может относиться только к языку памятников так называемого I стиля. Таким образом проясняется реальная этноязыковая ситуация в Булгарском улусе Золотой Орды: в XIII–XIV вв. здесь конкурировали два основных этноязыковых массива – болгароязычный и кыпчакоязычный, соответственно \check{z} - и *t*-диалекты и *j*-диалект, по Ф.С. Хакимянову.

Здесь я старался ограничить круг вопросов взаимодействия болгарского и кыпчакского языков в Волго-Камском регионе рамками разрабатываемой проблемы генезиса инициального *j*- в древнетюркском и его реминисценций в современных языках. Поэтому широкий спектр вопросов, связанных с динамикой этноязыковой карты Среднего Поволжья и прилегающих смежных регионов в Средневековье, остался вне сферы нашего вни-

мания. Для нас было важно установление следующих основных положений:

1. На территории Булгарского улуса Золотой Орды в XIII–XIV вв. разворачивалось противостояние двух языков – болгарского (джокающего) и кыпчакского (йокающего). При этом происходила ассимиляция кыпчакоязычных мигрантов с юга (преимущественно с территории Хорезма) в болгарской этноязыковой среде.

2. У волжских болгар не было традиции установления каменных эпиграфических памятников; эта традиция привнесена мусульманскими мигрантами извне, преимущественно из Средней Азии (Хорезма).

3. Язык так называемых болгарских эпиграфических памятников XIII–XIV вв. нельзя считать эталонным волжско-болгарским, так как на них отражается язык обугларизировавшихся кыпчакоязычных мигрантов, а не «чистых» аборигенных болгар.

4. Язык волжских болгар, судя по показаниям *γ*-язычных эпиграфий XIII–XIV вв., был, скорее всего, джокающим, то есть в инициальной позиции на месте древнетюркского среднеязычного *j*- имела звонкая аффриката *ǰ*; ср.: *ǰal* «год (астрономический и возраст)»; *ǰür/ǰūr* «сто» и т.д. Однако это общепринятое положение требует оговорки. Во-первых, за неимением чего-то другого резчик арабской графемой «джим» мог обозначить и глухой согласный типа чувашского *ś* (графически *ç*); это тем более возможно, ибо в условиях внешнего сандхи, оказавшись между двумя гласными, а также между сонорным согласным и гласным, этот согласный в чувашском языке постоянно озвончается. Во-вторых, озвончение анлаутных глухих согласных могло происходить при освоении кыпчакоязычными мигрантами собственно болгарского языка. В связи с различиями фонетических систем контактирующих языков воспроизведение звукового облика иноязычного прототипа в воспринимающем языке может иметь лишь приближенный характер. Перестройка фонологической структуры при ассимиляции одного языка другим происходит путем постоянного сближения фонологической системы воспринимающего языка к фонологической системе воспринимаемого языка. Поэтому при изучении фонетики контактирующих языков всегда надо делать поправку с учетом банального акцента. Однако компаративисты, как обычно, об этом забывают.

5. Необходимо отказаться от укоренившейся порочной традиции безоговорочной экстраполяции лингвистической ситуации одного диахронического уровня на другой. Так, например, этнолингвистическую ситуацию, сложившуюся к концу XIV в. в Булгарском улусе, нельзя безапелляционно экстраполировать ни к этноязыковой ситуации времени Казанского ханства, ни тем более к Новому и Новейшему временам хотя бы потому, что этноязыковая карта Юго-Восточной Европы в самом конце XIV в. была полностью перекроена в ходе военного противостояния Тамерлана и Токтамыша. Между Булгарским улусом Золотой Орды и Казанским ханством не может быть никакой этноязыковой преемственности, не говоря уже о политической, культурной и проч., ибо после военных событий 1391 и 1395 г. вся степная и лесостепная часть Восточной Европы превратилась в одно сплошное «дикое поле» [Димитриев, 1996, 45–76; 1997, 7–43], а Казанское ханство, как известно, образовалось лишь в 1445 г., то есть спустя ровно полвека.

6. Как показывают все известные письменные памятники, среднекыпчакский язык был йокающим.

7. Джоканье в заказанских говорах центрального диалекта татарского языка (т.е. в так называемом казанско-татарском) развилось относительно поздно (не ранее XIV в.) и, вопреки голословным утверждениям некоторых казанских языковедов, прямой и непосредственной связи со среднебулгарским джоканьем не имеет. Полное или частичное джоканье в говорах центрального/среднего диалекта татарского языка развивалось в ходе ассимиляции заказанских «чюваша» в XVII–XVIII вв.

8. «Чюваша», которых русские акты и прочие нарративные источники фиксируют в Заказанье вплоть до конца XVIII в., очевидно, являются потомками закамских болгар, бежавших из метрополии в конце XIV – начале XV вв., то есть после окончательной гибели Волжской Булгарии.

9. Чувашский язык, очевидно, является прямым продолжением диалекта правобережных болгар, выживших после опустошения болгарских земель войсками Тамерлана в конце XIV – начале XV вв. Язык правобережных болгар, видимо, имел определенные диалектные отличия от языка закамских болгар, поддерживавших более тесные контакты с мусульманским миром.

Считаю долгом в качестве заключения предупредить благонамеренного читателя, что выдвинутые здесь положения являются лишь ориентировочными вехами на предстоящем долгом и

многотрудном пути поисков научной истины о древних булгарах и их нынешних потомках.

Литература

1. *Байчоров С.Я.* Диалекты протобулгарского языка по данным приэльбрусских рунических памятников // Собрание по общим вопросам диалектологии и истории языка. Тезисы докладов и сообщений. М., 1977. С. 19–23.

2. *Байчоров С.Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы. Отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам. Ставрополь: Кн. изд-во, 1989. 294 с.

3. *Байчоров С.Я.* Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 23 с.

4. *Берта А.* Судьба начального общетюркского у- в татарском языке // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. Казань, 1983. С. 62–74.

5. *Боровков А.К.* Лексика среднеазиатского тевфсира XII–XIII вв. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. 367 с.

6. *Джумагулов Ч.* Язык сиро-тюркских (неисторианских) памятников Киргизии. Фрунзе; Илим, 1971. 161 с.

7. *Димитриев В.Д.* Опустошение болгарской земли в конце XIV – начале XV веков // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. Чебоксары, 1996. № 2. С. 45–76.

8. *Егоров Н.И.* Болгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые взаимоотношения в XIII–XIV вв. Болгары и чуваша. Чебоксары, 1981. С. 90–102.

9. Изысканный дар тюркскому языку: (Грамматический трактат XIV в. на арабском языке): Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э.И. Фазылова и М.Т. Зияевой. Ташкент: Фан, 1978. 452 с.

10. *Курышжанов А.К.* Исследование по лексике «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата: Наука, 1970. 234 с.

11. *Курышжанов А.К.* Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. «Тюркского арабского словаря». Павлодар, 2010. 260 с.

12. *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 128 с.

13. *Наджиб Э.Н.* Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарай и его язык. Алма-Ата, 1975. Ч. 1. 210 с.; Ч. 2. 302 с.

14. *Наджиб Э.Н., Благова Г.Ф.* Тюрки язык // Языки мира: Тюркские языки. Бишкек: Кыргызстан, 1997. С. 126–138.

15. *Серебренников Б.А.* К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, болгарским и татарским языками // Ученые записки Чувашского НИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1956. Вып. 14. С. 63–75.
16. *Тенишев Э.Р.* Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте // Вопросы языкознания. М., 1979. № 2. С. 80–90.
17. *Туймебаев Ж.К.* История тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений: монография. Астана, 2008. 371 с.
18. *Туймебаев Ж.К.* Казахско-монгольские лексические параллели: материалы к этимологическому словарю казахского языка. Науч. изд. М.: Русский раритет, 2005. 560 с.
19. *Туймебаев Ж.К.* Проблема анлаутных губных согласных в алтайских языках: (Ревизия фонетического закона Рамстедта–Пеллио): монография. М., 2004. 182 с.
20. *Туймебаев Ж.К.* Становление и развитие алтайской теории и алтаистики: монография. Туркестан: МКТУ им. Х.А. Ясави, 2006. 272 с.
21. *Фазылов Э.И.* Хорезмско-тюркский язык // Языки мира: Тюркские языки. Бишкек: Кыргызстан, 1997. С. 139–147.
22. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 218 с.
23. *Хакимзянов Ф.С.* Новые болгарские эпиграфические памятники из Закамья // Чувашский язык: история и этимология. Чебоксары, 1987. С.32–48.
24. *Хакимзянов Ф.С.* О поволжском варианте среднетюркского литературного языка // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников. Казань, 1983. С. 3–24.
25. *Хакимзянов Ф.С.* О языке межэтнического общения в Волжской Булгарии // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С. 76–89.
26. *Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. 192 с.
27. *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских болгар. М.: Наука, 1978. 206 с.
28. *Хакимзянов Ф.С., Измайлов И.Л.* Языки населения Волжской Булгарии и проблема «булгарского» языка // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 621–628.
29. *Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 165 с.
30. *Benzig J.* Das Hunnische, Donaubolgarische und Wolgabulgarische // Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959. Bd. I. S. 685–695.
31. *Benzig J.* Das Tschuwassische // Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959. Bd. I. S. 695–751.
32. *Ceylan E.* Çuvaşça çok zamanlı ses bilgisi. Ankara, 1997. 256 s.

33. *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. XLVIII + 989 p.
34. *Houtsma M.Th.* Ein türkisch-arabisches Glossar. Nach der Leidenner Handschrift. Leiden, 1894. 114 s.
35. *Ligeti L.* Amagyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 602 l.
36. *Pritsak O.* Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955. 101 s.
37. *Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest: CEU-Press, 1999. 566 p.
38. *Róna-Tas A., Fodor S.* Epigraphica Bulgarica. A Volga bolgár- török feliratok. Szeged, 1973. 191 l.
39. *Tekin T.* Volga Bulgar Kitabeleri ve Volga Bulgarcası. Ankara, 1988. 212 s.

НОВЫЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ ЧУВАШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ДОЯКОВЛЕВСКОГО И ЯКОВЛЕВСКОГО ПЕРИОДОВ

О.Р. Студенцов

Чувашский государственный университет

им. И.Н. Ульянова,

г. Чебоксары

В исследованиях по истории языка значительное место занимает вопрос о периодизации. Здесь также важен учёт статистических данных и определение тематики и принадлежности к функциональному стилю. В ранних работах вся история чувашской письменности преимущественно делилась на три периода: дояковлевский, яковлевский и послеоктябрьский [Егоров, 1930]. Такого же мнения придерживается известный исследователь истории чувашского литературного языка Н.П. Петров [Петров, 1969].

В 50-е гг. XX в. С.П. Горским была предложена иная периодизация истории чувашского литературного языка:

1. Происхождение чувашской письменности (дореформенный период: 1730–1860 гг.).

2. Возникновение и становление чувашского литературного языка от начала буржуазных реформ до Первой русской революции (1861–1904 гг.).

3. Развитие чувашского литературного языка в период Первой русской революции (1905–1907 гг.).

4. Развитие чувашского литературного языка от Первой русской революции до Великой Октябрьской Социалистической революции (1908–1917 гг.).

5. Развитие чувашского литературного языка в советскую эпоху (с 1917 г.) [Горский, 1959].

Настоящая классификация ориентирована, скорее всего, на этапы развития политической системы Российского государства, что не всегда оправданно с точки зрения исторической лингвистики. Подход С.П. Горского вполне традиционен для своего вре-

мени – времени политизации языкознания «в свете учения великого Сталина».

Автор придерживается в целом классификаций В.Г. Егорова и Н.П. Петрова, но с уточнением хронологической рамки дяковлевского периода.

Рассмотрим так называемый яковлевский период, который выделяется значительными показателями в области чувашского книгоиздания. В это время было издано более тысячи книг, из них более семисот на чувашском языке.

Центром по изданию яковлевских книг явилась Казань, в которой вышло в свет 82,3% всех известных к настоящему времени названий православно-христианской литературы. В Симбирске были изданы лишь 74 книги, что соответствует 17,7% от их общего количества (при том, что просветительская деятельность И.Я. Яковлева в большей степени связана с Симбирском). Данным тенденциям способствовали следующие обстоятельства: во-первых, материально-техническая база и масштабы книгоиздания в Казани – более крупном и промышленно развитом городе по сравнению с Симбирском – были на достаточно высоком уровне; во-вторых, именно в Казани концентрировались православные и светские образовательные учреждения: здесь были представлены одна из четырех российских духовных академий, духовная семинария, один из старейших классических университетов Российской империи – Казанский университет, Братство святителя Гурия, Переводческая комиссия Братства святителя Гурия, Казанская инородческая учительская семинария, администрация Казанского учебного округа и т.д.; в-третьих, как следует из предыдущего, казанская творческая интеллигенция и административный аппарат, по сравнению с симбирскими, составляли более значительный и существенный ресурс для взаимодействия в сфере переводческой деятельности. Учитель и вдохновитель И.Я. Яковлева Н.И. Ильминский тоже трудился в Казани, успешно руководил своим детищем – Казанской центральной крещенотатарской школой.

Вероятно, некоторую роль сыграло и то, что Самарская переводческая подкомиссия Православного миссионерского общества Братства святителя Гурия г. Казани свои переводы на чувашский язык с 1900 по 1911 г. в количестве 85 названий общим тиражом 171 500 экземпляров напечатала «в большинстве своем в Казани,

а иногда и в Симбирске, так как в Самарской типографии не было инородческого шрифта» [Александров, 2006, 71].

Динамика книгопечатания выглядит следующим образом. В Симбирске издавалась часть букварей, молитвенников, служебников и житий. На начальном этапе переводческой деятельности (1872–1884 гг.) практически вся литература выходила в Казани. С 1885 по 1916 г. в Симбирске ежегодно издавалось от одного до семи названий книг. Особенно плодотворными для симбирских издателей были первые семь лет XX в. К примеру, в 1906 г. в Симбирске и Казани вышло в свет по семь переводов; в 1907 г. – три и два соответственно, в 1908 г. – по одному. На первом месте по количеству изданий была типография А.Т. Токарева (не менее 30 названий), на втором – типолитография Губернского правления и типография Ф.И. Сысоева (не менее десяти переводов), пять книг было выпущено А. и М. Дмитриевыми, и единственное название – издателем Ханковым.

В Казани много типографий имели чувашские шрифты для книгопечатания. Большая часть переводов издавалась в трех типографиях: центральной (более ста названий, начало печатания чувашских книг – 1905 г.), университетской (около семидесяти, с 1872 по 1905 г.), и на предприятии В.М. Ключникова (около пятидесяти, с 1882 по 1905 г.). Доля других казанских печатных учреждений невелика. В типографиях К.А. Тилли отпечатано около десяти переводов в 70-е гг. XIX в., М.А. Гладышевой – четыре перевода в 1879–1880 гг., А.М. Петрова – четыре издания в 1904–1905 гг., М.А. Чирковой – три книги с 1892 г., М.А. Черновой – один перевод в 1887 г.¹

Сравнение изданий церковно-религиозных книг на языках «инородческих» с 1867 по 1892 г. говорит о том, что чувашские издания по количеству занимали после татарских вторую позицию. Только в Казани за этот период было напечатано для крещенных татар 51, для чувашей 46, для марийцев 41, для удмуртов 19, для казахов и киргизов 11, для мордвы 11, для алтайцев 9, для нанайцев 7, для якутов и бурят по 6, для эвенков 2 названия.

Количество переводов на крещеннотатарский язык, выполненных на первоначальном этапе под руководством Н.И. Ильминского священником В. Тимофеевым в дооктябрьское время, намного выше чувашских. С 1862 по 1913 г. на татарском языке издано 77 наименований общим тиражом 565 139 экземпляров. Наряду с религиозными книгами сюда включены также издания светского характера: учебные (букварь Н.И. Иль-

минского, первоначальные уроки и учебники русского языка для татар, пособие для учителей, краткий татарско-русский, славяно-татарский, русско-татарский словари); медицинские («Об оспе», «О чуме», «О трахоме», «О холере»); художественные, публицистические и исторические («Казань и казанцы в истории воцарения дома Романовых на русском царском престоле», сборник стихов, биографический рассказ о Н.И. Ильминском и т.п.).

Количественно-тематическая классификация чувашских книг отражена в таблице 1.

Таблица 1

Классификация чувашских книг, изданных в 1872–1917 гг., по тематике и количеству

Разновидность литературы	Абсолютное кол-во книг	Доля (в процентах)
Церковно-богослужебная	476	65,65
Публицистическая	82	11,31
Научная	58	8
Учебная	54	7,45
Художественная	47	6,48
Деловая	8	1,1
Итого	725	100

По подсчётам, в 1872–1917 гг. на чувашском языке в среднем ежегодно выходило около 16 книг; число изданий варьирует от 1 (в 1872 г.) до 71 (в 1905 г.) Соотношение переводной и оригинальной литературы составляет 85 к 15. Для сравнения: в 1913 г. 16,8% всей книжной продукции России представляла литература на национальных языках, из них 67,3% – религиозная, 10,3% – научная.

Анализ показывает, что среди изданий дооктябрьского периода наблюдается явное преобладание литературы православно-го содержания на чувашском языке. Значительная часть изданий выходит в свет в Казани – более богатом традициями, издательскими возможностями и кадрами губернском центре.

Закономерна также зависимость тематики и количества изданий от исторических событий, происходивших в тот или иной период. Доминирование христианских текстов диктовалось жизненными реалиями: политикой государства и деятельностью

церкви, желанием самого чувашского населения получить христианское просвещение. Практика показала, что положительные результаты в этом деле могли быть достигнуты только обращением к чувашскому языку.

Период дояковлевских переводов православной литературы объективно укладывается примерно в одно столетие (1788–1878 гг.). До сих пор в научной литературе этот период было принято ограничивать 1872 г., когда произошел ряд важных событий: составление нового алфавита И.Я. Яковлевым в 1871 г., начало его бурной переводческой и просветительской деятельности, начало массового издания литературы на чувашском языке.

Такой подход представляется конъюнктурно-формальным, не учитывающим реалии того времени. Факты, уже общеизвестные, позволяют верхнюю границу данного периода передвинуть вплоть до 1878 г., т.е. до конца издательско-переводческой деятельности Н.И. Золотницкого на основе русской графики. Известны следующие издания его школы, датируемые в современном чувашеведении яковлевским периодом: «Жития св. святителей Христовых Гурия, Варсонофия и Германа, казанских чудотворцев, с прибавлением сведений о мученике-инородце Авраамие Болгарском» (1874) и «Учение перед святым крещением = Тине кӱрьдэтьчень тынландармаллы сумахсам» (1876) в переводе Г. Филиппова; «Поучение о поклонении Богу = Торра посьяпмаллы зиньчэн сумах» (1876) Н.И. Золотницкого с параллельным текстом на чувашском и русском языках; «Чин исповедания и како причащати больнаго = Силыхсэне калаза казяртарась уммень вулаган келезэмь. Пить хыда тирьлезе вырдагань синна дарь эсьтэрьни» (1878).

Иными словами, в 1872–1878 гг. сложились два направления в чувашском языковом строительстве: по инерции продолжала существовать письменность Н.И. Золотницкого (1829–1880) и его последователей на основе русской графики, и уже закрепились другая позитивная и комплексная система просвещения И.Я. Яковлева с книгоизданием на основе чувашского алфавита.

Литература

1. Александров Г.А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары, 2006. 216 с.

2. *Горский С.П.* Очерки по истории чувашского литературного языка: дооктябрьский период. Чебоксары, 1959. 272 с.
3. *Егоров В.Г.* Введение в изучение чувашского языка. М., 1930. 196 с.
4. *Закиев М.З.* О периодизации истории тюркских письменных литературных языков // Совет. тюркология. 1975. № 5. С. 11.
5. *Петров Н.П.* И.Я. Яковлев – создатель чувашской письменности и литературного языка // Ученые записки НИИ при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1969. Вып. 42. С. 70–83.
6. *Петров Н.П.* Чăваш ырулаӗхӗ: (Çĕнӗ ырулаӗх пуçланни 100 çул çитнӗ май). Шупашкар, 1971. 64 с.
7. *Петров Н.П.* 100-летие новой чувашской письменности // Советская тюркология. 1972. № 3. С. 103–107.
8. *Петров Н.П.* История литературного языка в системе лингвистических дисциплин // Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе. Чебоксары, 1986. С. 26–32.
9. *Петров Н.П.* И.Я. Яковлев – создатель чувашской письменности // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества. Чебоксары, 1998. С. 26–28.
10. Чувашская книга до 1917 г.: ретросп. библиогр. указ. лит. Изд. 2-е, испр., доп. изд. Чебоксары, 2001. С. 10.

Примечание

¹ Приведенная статистика является неполной из-за невозможности установления точных выпускных данных и частично выходных сведений каждого издания.

ИЗ ИСТОРИИ КНИГИ: КОНВОЛЮТЫ В ФОНДАХ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ ЧУ- ВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

Э.В. Фомин

*Чувашский государственный институт
культуры и искусств,
г. Чебоксары*

В фондах Государственной книжной палаты Чувашской Республики имеются сложные по структуре документы, которые библиографированы по частям, но в целом еще не стали объектом специального анализа. Это девять конволютов. Конволют – подборка владельческих изданий, собранных в единый том и имеющих общий переплет (лат. *convolutus* «свернутый, сплетенный»)..

Конволюты обладают исторической и культурологической ценностью. Интересно их происхождение. Кому принадлежит идея создания данных рекомплектов²? Чем это обусловлено? Какова их структура?

В профессиональной среде существует убеждение, что конволюты Книжной палаты созданы в период ее становления по инициативе работников³. При этом имена этих работников, точное время создания конволютов неизвестны. Каждый конволют имеет инвентарный номер. Документы в их составе признаются самостоятельными единицами, и палата сохраняет за собой право расформировать конволюты.

Конволюты, хранящиеся в палате, укомплектованы на основе следующих принципов: 1) тематического, 2) жанрового, 3) авторского, 4) языкового, 5) хронологического, 6) физического.

Тематический принцип организации конволютов является ведущим. Именно содержание – политическая ситуация в России – скрепляет между собой книги первой части конволюта 1 (1.1–1.9). Стержневой темой конволюта 2 стали просвещение и миссионерство, а конволюта 3 – чувашская этнография.

Жанровый принцип организации такого рода сборников реализуется во второй части конволюта 1, собравшей издания «Султалак кёнеки» разных лет (1.10–1.15). Конволют 4 включает

чуваши́ские буквари, но вместе с тем допускает постановления съезда учителей (4.9), конвюлю́т 5 полностью состоит из художественных текстов.

Имя автора легло в основу конвюлюта 3, содержащего издания Н.И. Золотницкого (исключение составляет «Казанский календарь на 1869 год» (3.1), и конвюлюта 8, объединенного именем Н.В. Никольского.

Исключительно на чувашском языке созданы конвюлюты 1, 5 и 9, на русском языке – 2, 3, 7 и 8.

Стройная структура конвюлютов 4 и 6, написанных на чувашском языке, нарушается включениями в их состав книг на русском языке. Конвюлю́т 4 – книга «Постановления съезда законоучителей...» (4.9) – тематически гармонирует с общей концепцией сборника. Книга же «Устав Чебоксарской земской практической школы...» (6.13) представляется случайной в окружении чувашских книг.

Хронологический порядок книгоиздания не выдержан составителями, но такая тенденция наблюдается в некоторых случаях, например в конвюлютах 1, 3 и 8.

Некоторые книги в составе конвюлютов сопровождаются дополнительной информацией о владельце: печатями, автографами, иными записями. Так, книга П.А. Падиярова «Аташса кайнӑ сын» (5.4) отмечена печатью библиотеки Н.В. Никольского. На обложках или титульных листах книг «Пурне те кирлӗ сӑмахсем» (1.3), «Автономия и единство России» (1.4), «Султалӑк кӗнеки» (1.11), «Календарь на чувашском языке на 1906 г.» (1.12), «Урожайный год» (5.1) имеются подписи Н.И. Ашмарина или ссылки на создаваемый им словарь. Книги «Первенец инородческого священства» Д. Григорьева (2.11) и «Русский миссионер у инородцев» (2.13) содержат авторские посвящения отцу Антонию Иванову, очерки Ф.П. Павлова «Чуваши и их песенное и музыкальное творчество» (7.4) – дарственную надпись композитора некоему Виктору Федоровичу. На форзаце конвюлюта 9, ныне представленного в урезанном виде, работниками Книжной палаты запечатлено его полное содержание, и лишь по нему в настоящее время можно судить об изначальной структуре данного комплекта.

Надо полагать, что некоторые физические параметры книг – мягкие обложки и незначительный объем в страницах – в свое

время послужили катализатором составления конволютов: переплет и картонная обложка гарантируют большую сохранность изданий; в то же время переплетать каждую брошюру отдельно нецелесообразно. И сразу же утилитарная интенция книгохранителей осложнилась жанрово-тематическим и авторским подходами формирования конволютов.

Томам Книжной палаты, установленным по возрастающей инвентарных номеров, в настоящей работе присвоены новые номера. Библиографические описания документов даются по ретроспективному указателю «Чувашская книга до 1917 года» (Чебоксары, 2001). Дополнительные сведения, сопровождающие конволюты и книги в их составе, приводятся в сносках.

Конволют 1 (т. 7)⁴:

1.1. Телешов, Н.Д. Нуша : «Ўёнё сёре кушакансем сул шинче курна асап» : [калав] / М. Акимов кушарна. – Казань, 1906. – 19 с.; 17 см. Нуша. – 19 с.

1.2. Игнатъев, С.И. Куланайпа акцизем шинчен = (О налогах) / С.И. Игнатъев ; издание газеты «Хыпар». – Казань: Типолитография И.В. Ермолаевой, 1906. – 16 с.; 17 см. – 3 к.

1.3. Пурне те кирлэ самахсем / издание М.Ф. Акимова. – Казань: Типография В.М. Ключникова, 1906. – 11 с.; 16 см. – 2 к. – Содержание: 1. Пирён патшалăхра мён чухлэ сёр. Кам айна тытса тарать?; 2. Халăха сёр акă мён чухлэ тивет; 3. Патша йăхэ илсе таракан доходсем; 4. Халăх сителёклехэ⁵.

1.4. Автономия и единство России / издание З.М. Таланцева. – Казань: Центральная типография, 1906. – 26 с.; 17 см. – На чувашском языке⁶.

1.5. Бобровников, Н.А. Политические партии / Н.А. Бобровников. – Казань: Центральная типография, 1906. – 12 с.; 17 см. – На чувашском языке. – 2 к.

1.6. Гражданская свобода / издание З.М. Таланцева. – Казань: Центр. тип., 1906. – 24 с.; 17 см. – На чувашском языке. – 6 к.

1.7. Народное представительство и основные права граждан = Халăх хушшинчен суйланă шинсемпе халăха мёнле ирёлехсем тата ытти кирлэ япаласем шинчен / издание З.М. Таланцева. – Казань: Центр. тип., 1906. – 16 с.; 21 см. – На чувашском языке.

1.8. Именной высочайший указ правительствующему Сенату 9 ноября 1906 года = Сёр сынни сёре тытса тарассипе сёртен уса курасси шинчен калакан законри вырăнсене тултарас телёшпе

1906-мĕш сÛлти чÛк уйăхин 9-мĕш кунĕнче тытса тăракан Çаната панă аслă ятлă указ. – Казань: Типолитография Н.М. Чижовой, 1909. – 48 с.; 21 см. – На чувашском языке.

1.9. Крестьянское малоземелье и способы борьбы с ним = Са-хал сĕрлĕ хресченсене мĕнле майпа пулăшмалли сÛнчен / издание З.М. Таланцева. – Казань: Типолитография И.В. Ермолаевой, 1906. – 36 с.; 21 см. – На чувашском языке. – 8 к.

1.10. СÛлталăк кĕнеки. 1903 = Календарь. – Казань: Типоли-тография Императорского университета, 1903. – 40 с.; 22 см. – На чувашском языке. – 8 к.

1.11. СÛлталăк кĕнеки = Календарь на чувашском языке на 1904 год / составитель К. Прокопьев. – Казань, 1903. – 63 с.; 22 см. – Имеется портрет Н.И. Ильминского⁷.

1.12. Календарь на чувашском языке на 1906 г. = СÛлталăк кĕнеки. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1905. – 62 с.; 17 см. – 6 к.⁸

1.13. СÛлталăк кĕнеки. 1908 ç. = Календарь. – Казань: Цен-тральная типография, 1908. – 72 с.; 15 см. – 6 к.

1.14. СÛлталăк кĕнеки. 1910 ç. = Календарь. – Казань: Цен-тральная типография, 1910. – 48 с.; 22 см. – На чувашском языке. – 6 к.

1.15. СÛлталăк кĕнеки. 1911 ç. = Календарь. – Казань: Цен-тральная типография, 1911 (обложка 1910). – 48 с.; 24 см. – На чувашском языке. – 6 к., [10000 экземпляров].

Конвюлт 2 (т. 243):

2.1. [Прокопьев, К.] К истории просвещения инородцев Ка-занского края в XVIII веке / [К. Прокопьев]. – Симбирск: Типоли-тография А.Т. Токарева, [1905]. – 25 с.; 22 см.⁹

2.2. Никольский, Н.В. Народное образование у чуваш: исто-рический очерк / Н.В. Никольский. – Казань: Центральная типо-графия, 1906. – 86 с.; 22 см.

2.3. Никольский, Н. Родной язык как орудие просвещения инородцев / Н. Никольский. – Казань: Типолитография Импера-торского университета, 1904. – 36 с.; 22 см.

2.4. Яковлев, И. Современные вопросы инородческого про-свещения: сборник статей / И. Яковлев. – Санкт-Петер-бург: Типография М.А. Александрова, 1907. – 26 с.¹⁰ – В сборни-ке также: Из записок инородческого миссионера. – 8 с.

2.5. Начальное обучение. Ежемесячный педагогический журнал. – 1907. – № 10 (октябрь). – С. 346–400¹¹.

2.6. В защиту крещеных инородцев: ответ на статью г. Ст. Краснодубровского «Инородческая школа Казанского края». – 24 с.¹²

2.7. Священник С. Матвеев. Исповедь инородцев / С. Матвеев. – Уфа: Губернская типография, 1901. – 29 с. – Из «Уфимских епархиальных ведомостей» 1901 г., № 11 – 13.

2.8. Бобровников, Н. Нужны ли так называемые противомусульманские и противоязыческие епархиальные миссионеры в губерниях европейской России?: (по поводу отчета Казанского епархиального миссионера. «Известия Казанской епархии» № 42–46 за 1904 г. / Н. Бобровников. – Казань: Центральная типография, 1905. – 18 с.

2.9. Алтай. Его святыни. Миссионерство. Дивные пути Промысла Божия в обращении язычников в христианство. Воспоминания о почивших миссионерах / составитель протоиерей Михаил Путинцев. – 2-е издание. – Москва: Типолит. И. Ефимова, 1891. – 71 с.

2.10. Григорьев, Д. Первенец инородческого священства / священник Давид Григорьев. – Уфа: Губернская типография, 1905. – 28 с.¹³

2.11. Журналы Пастырско-миссионерского съезда духовенства Симбирской епархии, бывшего в январе 1906 года. – Симбирск: Типолитография А.Т. Токарева, 1906. – 109, 4 с.¹⁴

2.12. Русский миссионер у инородцев. – Санкт-Петербург, 1905. – 48 с.¹⁵

2.13. Восемь поучений о миссионерском деле / издание Православного миссионерского общества. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1898. – 69 с.

Конволют 3 (т. 244):

3.1. Казанский календарь на 1869 год, составленный И. Гавриловым / издание К.А. Тилли. – Казань: Лито- и типография К.А. Тилли, 1868. – 58 [20].

3.2. Золотницкий, Н.И. Заметки для ознакомления с чувашским наречием: Вып. 1: отд. звуковой / Н.И. Золотницкий; Братство святителя Гурия. – Казань: Университетская типография, 1871. – 64, [14] с.; 20 см.

3.3. Золотницкий, Н.И. Отрывки из чувашско-русского словаря: приставки лык и сар. Происхождение названия города Чебоксар и некоторых селений. Объяснение одного татарско-чувашского комплимента женскому обществу / Н.И. Золотницкий. – Казань : Губернская типография, 1871. – 11 с.; 20 см.

3.4. Золотницкий, Н. Отрывки из чувашско-русского словаря: 17. Татарско-чувашские девичьи пиры: сравнительные материалы для этнографии Казанской губернии / Н. Золотницкий. – Казань: Губернская типография, 1875. – 24 с.; 20 см.

3.5. Золотницкий, Н.И. Особенности чувашского языка, зависящие от изменения и выпуска согласных гортанных звуков: из лекций в Казанском миссионерском институте / Н.И. Золотницкий. – Казань: Университетская типография, 1877. – 15 с.; 22 см.

3.6. Добролюбов, А.И. Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка посредством разбора и перевода оригинальных чувашских статей / А.И. Добролюбов; под редакцией Н.И. Золотницкого. – Казань: Университетская типография, 1879. – 60 с.; 21 см.

3.7. Золотницкий, Н. Отрывки из чувашско-русского словаря: 14. Чувашские названия бога, неба и светил небесных, сравненные с таковыми же названиями у других народов; 15. «Ажа батман карчык кильне». Материалы к объяснению чувашских молитвословий и наговоров; 16. Сибирские шаманы и чувашские йомзи / Н. Золотницкий. – Казань: Губернская типография, 1874. – 48 с.

3.8. Золотницкий, Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен / Н.И. Золотницкий. – Казань: Типография Императорского университета, 1875. – VIII + 279 с.

Конволют 4 (т. 245):

4.1. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки = Чăваш кёнеки / Православное миссионерское общество. – Казань: Типография М.А. Гладышевой, 1880. – 54, [X] с.; 16 см. – [6000 экземпляров].

4.2. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки = Чăваш кёнеки / Православное миссионерское общество. – 5-е издание. – Симбирск: Типография А.Т. Токарева, 1886. – 156, [6] с.; 20 см. – 25 к. – 5000 экземпляров.

4.3. Букварь для чуваш = Чăваш кĕнеки / Православное миссионерское общество. – 14-е издание. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1900. – 29 с.; 22 см.

4.4. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки = Чăваш кĕнеки / Православное миссионерское общество. – 15-е издание. – Симбирск: Типография А. и М. Дмитриевых, 1902. – 240 с.; 21 см.

4.5. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки = Чăваш кĕнеки / Православное миссионерское общество. – 12-е издание. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1894. – 35 [2] с.; 22 см. – 3 к.

4.6. Букварь для чуваш = Чăваш кĕнеки / Православное миссионерское общество. – 13-е издание. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1897. – 47 с.; 22 см.

4.7. Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки = Чăваш кĕнеки / Православное миссионерское общество. – 14-е издание. – Симбирск: Типография И.С. Хапкова, 1900. – [242] с. ; 21 см. – 30 к. – Содержание: I. Чувашский отдел; II. Русский отдел (русские буквы, первоначальные разговорные уроки русского языка, материал для русского чтения).

4.8. Букварь для чуваш = Чăваш кĕнеки / Православное миссионерское общество. – 22-е издание. – Казань: Центральная типография, 1913. – 32 с.; 24 см. – 5 к., [7000 экземпляров].

4.9. Постановления съезда законоучителей, учителей и учительниц начальных училищ Чебоксарского уезда, бывшего в июле 1883 года. – Казань: Типография В.М. Ключникова, 1884. – 114, [3] с. – 24 см.

Конвюлт 5 (т. 246):

5.1. Урожайный год = Тырă пулнă çул: на чуваш. яз. – Казань: Типолит. Императорского университета, 1905. – 25 с. – 5 к.¹⁶

5.2. Вĕре çĕлен : [сăвăлла юмах] / в пересказе М.Д. – Казань: Центральная типография, 1912. – 24 с.; 17 см. – На чувашском языке. – 5 к., 200 экземпляров.

5.3. Эрех этем ёмёрне кĕскетет / Шихазанское общество трезвости. – Казань: Центральная типография, 1911. – 8 с.; 17 см. – На чувашском языке.

5.4. Падияров, П.А. Аташса кайнă çын = Человек, который заблудился: (о том, как пьяница стал трезвенником): [поэма] /

П.А. Падияров. – Казань: Центральная типография, 1912. – 16 с.; 17 см. – На чувашском языке. – 4 к., [1200 экземпляров]¹⁷.

5.5. Лермонтов, М.Ю. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова и другие стихотворения = Иван ёмпӹпе ҫамрӹк сыхлавҫӹ тата сатур Калашник хуҫа ҫинчен хунӹ юрӹ / М.Ю. Лермонтов. – Симбирск: Типография А. и М. Дмитриевых, 1908. – 32 с.; 20 см. – На чувашском языке. – 10 к., [1200 экземпляров].

5.6. Две сказки: Аленький цветочек (Аксакова) и Дикае лебеди (Андерсена) = Икӹ халап : Пӹри «Хӹрлӹ чечек», тепри «Акӹшсем». – Симбирск : Типография Ф.И. Сысоева, 1908. – 53 с.; 22 см. – В кн. также: Сказка «Иккӹн пӹртӹван». – На чувашском языке. – 15 к.

5.7. [Толстой, Л.Н.] Бог правду видит да не скоро скажет = Турӹ тӹрре курать те, анчах каласса час каламасть / [Л.Н. Толстой]. – Симбирск: Типография Ф. И. Сысоева. – 1907. – 16 с.; 21 см. – В кн. также: Солдаткино житье = Салтак арӹмин пурнӹҫӹ. – На чувашском языке.

5.8. Шершеневич, Г.Ф. Народные представители = Халӹхран суйласа янӹ ҫынсем / Г.Ф. Шершеневич. – Симбирск: Тип. А. и М. Дмитриевых. – 1906. – 23 с. ; 21 см. – На чуваш. яз. – 7 к.

5.9. Война с Германией, Австро-Венгрией, Турцией: I. Долг наш за кровь братскую; II. Три месяца войны: с картою / издание члена-учредителя Симбирского отделения Императорского Палестинского общества Н.П. Пастухова. – Симбирск: Типолитография Губернского правления, 1915. – 35 с.; 23 см. – На чувашском языке.

5.10. О войне = Вӹрҫӹ ҫинчен: (октябрь, ноябрь, декабрь и январь): [сборник статей и стихов]. – Казань: Центральная типография, 1915. – 50 с.: карта; 23 см. – На чувашском языке. [3000 экземпляров].

5.11. О войне = Вӹрҫӹ ҫинчен: (октябрь, ноябрь, декабрь и январь): [сборник статей и стихов]. – Казань: Центральная типография, 1915. – 50 с.: карта; 23 см. – На чувашском языке. [3000 экземпляров].

5.12. Пулӹшӹр = Помогите раненому солдату. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1905. – 4 с.; 24 см.

5.13. Т.К.К. Песни крестьян о своих трудах / Т.К.К. – Казань: Центральная типография, 1912. – 8 с.; 23 см. – На чувашском языке. – 3 к.

5.14. Песни чуваш Ядринского и соседних уездов / Общество археологии при Казанском университете; записаны И.Д. Никитиным (Юрки). – Казань: Типолиитография университета, 1908. – 30 с.; 25 см. – На чувашском языке с подстрочным переводом на русский язык.

Конвюлют 6 (т. 247):

6.1. Сергеев, С.С. Вёлле хурчёмсем: пыл хурчёмсене усрассипе йантарасси ҫинчен. – Казань: Центральная типография, 1907. – 35 с.: ил.; 22 см.

6.2. Беседы о земле и о небе / издание [газ.] «Хыпар». – Казань: Центральная типография, 1906. – 61 с.: иллюстрации; 17 см. – На чувашском языке.

6.3. Степанов, М.С. Как помочь земледельцу: (об артельной работе). – Казань: Центральная типография, 1908. – 8 с.; иллюстрации; 17 см. – На чувашском языке. – 4 к.

6.4. [Членов, М.А.] О дурной болезни или сифилисе = Усал чир ҫинчен / [М.А. Членов]; Санитарное бюро Симбирского губернского земства. – Симбирск: Типография А. и М. Дмитриевых, 1904. – 28 с.; 22 см. – На чувашском языке. – Автор указан в конце книги.

6.5. Яблонная тля и меры борьбы с нею = Улма йывăҫё ҫинчи вётё симёс пыйтăна епле пётересси ҫинчен / [перевод К. Макарова]. – Казань: Центральная типография, 1915. – 7 с.; иллюстрации; 22 см. – На чувашском языке. – 300 экземпляров.

6.6. Вёре ҫёлен: [сăвăлла юмах] / в пересказе М.Д. – Казань: Центральная типография, 1912. – 24 с.; 17 см. – На чувашском языке. – 5 к., 200 экземпляров.

6.7. Покровский, И.М. Казань и казанцы в истории воцарения дома Романовых на русском царском престоле: к 300-летию дома Романовых = Россия патшалăхёнче Романов йрăвё патшана ларнă вăхăтри Хусанпа Хусан ҫыннисен пурăнăҫё / издание Православного миссионерского общества, № 95. – Казань: Центральная типография, 1913. – 16 с.; 17 см. – На чувашском языке. – 5 к., 1200 экземпляров.

6.8. Милость Божия чувашам-переселенцам Сибири = Ҫёнё ҫёре куҫнă чăвашсем / перевод Т. Максимова. – Казань: Цен-

тральная типография, 1913. – 8 с.; 17 см. – На чувашском языке. – 1200 экземпляров.

6.9. Заикин, Ф. Хресчен хирёнче курăк акасси синчен / Ф.Заикин; В.И. Иванов куçарнă; Симбирское уездное земство. – 2-мёш изд. – Симбирск : Типография А. и М. Дмитриевых, 1910. – 12 с.; 17 см. – 1000 экземпляров.

6.10. [Филимонов, Д.Ф.] О грамотности = [Сырăва вёренесси синчен] / Православное миссионерское общество. – Казань: Типография Императорского университета, 1897. – 19 с.; 16 см. – На чувашском языке. – 5 к., [3000 экземпляров].

6.11. Советы матерям при оспопрививании детей = [Ачасене шатра каснă вăхăтра епле пăкса усрама кирли синчен]. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1897. – 9 с.; 15 см. – На чувашском языке. – 3000 экземпляров.

6.12. Чума, распознавание этой болезни, меры предосторожности и лечение против нее. – Казань: Типолитография Императорского университета, 1897. – 28 с.; 16 см. – На чувашском языке.

6.13. Устав Чебоксарской земской практической школы сельского хозяйства по применению его к условиям хуторского. – Казань: Литотип. И.Н. Харитонов, 1914. – 19 с.; 16 см.

6.14. Каким семенем сеять поля, чтобы получить хороший урожай? = Тырă лайăх пултăр тесен мёнле вăрлăх акас пулать? – Казань, 1911. – 4 с.; 15 см. – На чувашском языке.

6.15. [Касаткин, М.] Халер чирёнчен епле сыхланса пурăнасси синчен вёрендсе калани = Правила предохранения себя от холеры / [М. Касаткин]. – Казань: Центральная типография, 1908. – 4 с.; 18 см. [2400 экземпляров].

6.16. Селивановский, И. Как от болота хорошую пользу получить?: рассказ о первом торфщике в Вятской губернии: книжка шестая / перевод С. Фомина. – Казань: Центральная типография, 1913. – 32 с.; 17 см. – На чувашском языке. [2400 экземпляров].

6.17. Как улучшили свое хозяйство крестьяне Волоколамского уезда Московской губернии = Волоколам уезднчи сёр ёслекен хайсен пурнăçне епле аванлатни синчен. – Казань: Центральная типография, 1908. – 11 с.; 18 см. – На чувашском языке. [1200 экземпляров]¹⁸.

6.18. Высочайшие манифесты 6 августа, 17 октября и 3 ноября 1905 года, объяснения к ним и приложение / Симбирское общество людей порядка и законности, № 4. – Симбирск: Типолиотография А.Т. Токарева, 1906. – 83 с.; 22 см. – На чувашском языке. – Послесловие написано И.Я. Яковлевым.

6.19. Игнатъев, С.И. Куланайпа акцизем синчен = (О налогах) / С.И. Игнатъев; издание газеты «Хыпар». – Казань: Типолиотография И.В. Ермолаевой, 1906. – 16 с.; 17 см. – 3 к.

6.20. Сельский скотолечебник = Выльӑх-чӑрлӑх чирлесен епле имлемелли синчен. – Казань: Центральная типография, 1910. – 36 с.; 22 см. – На чувашском языке. – 6 к.

6.21. Селивановский, И. П. Сельскохозяйственные рассказы: книга 2 / И.П. Селивановский; Цивильское уездное земство Казанской губернии. – Казань: Центральная типография, 1910. – 48 с.; 23 см. – На чувашском языке. – [1200 экземпляров].

Конвюлют 7 (т. 248)¹⁹:

7.1. Петров, Д.П. Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк / Д.П. Петров. – Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1926. – 103 с.

7.2. Сбоев, В. Заметки о чувашах. – Казань, 1851. – 234 с.²⁰

7.3. Никольский, Н. В. Краткий конспект по этнографии чуваш / Н.В. Никольский. – Казань: Третья типография Губернского совета рабочих, крестьян и красных депутатов, 1919. – 103 с.

7.4. Павлов, Ф. Чуваши и их песенное и музыкальное творчество: музыкально-этнографические очерки / Ф. Павлов. – Чебоксары: Общество изучения местного края, 1926. – 58 с.²¹

Конвюлют 8 (т. 253):

8.1. Никольский, Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш / Н.В. Никольский. – Казань: Третья типография Губернского совета рабочих, крестьян и красных депутатов, 1919. – 646 с.

8.2. Никольский, Н.В. Конспект по истории народностей Поволжья / Н.В. Никольский. – Казань: Третья Типография Губернского совета рабочих, крестьян и красных депутатов, 1919. – 88 с.

8.3. Никольский, Н.В. Конспект по грамматике чувашского языка / Н.В. Никольский. – Казань: Типолиотография университета, 1919. – 16 с.

8.4. Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. – Казань: Типоли-тография Императорского университета, 1912. – Т. 28, выпуски 1–3. – 416 с.

Конволют 9 (т. 254 (55)²²:

9.2. Ашмарин, Н.И. Чăваш сăмахёсен кёнеки = Словарь чувашского языка: выпуск 1: а – алăк / Н.И. Ашмарин; Переводческая комиссия при Управлении Казанского учебного округа. – Казань: Типоли-тография Императорского университета, 1910. – 160, [9] с. – 1 р.

9.3. Букварь для чуваш = Чăваш кёнеки / Православное миссионерское общество. – 14-е издание (обложка 19-е). – Казань: Центральная типография, 1911. – 32 с.; 23 см. – 5 к.

9.7. Глазная болезнь трахома / Переводческая комиссия Православного миссионерского общества. – 3-е издание. – Казань, 1912. – 12 с.; 17 см. – На чувашском языке. – [5500 экземпляров].

9.8. Семья разрушилась от вина = [Эрех пирки кил-йыш саланса пётни] / издание инородческого духовенства Самарской епархии по случаю десятилетия святительского служения преосвященного Константина, епископа Самарского и Ставропольского. – Казань: Центральная типография, 1911. – 12 с.; 22 см. – На чувашском языке. – 1200 экземпляров.

9.11. Откровение святого Иоанна Богослова = Сăмах Турă çинчен вёрентнĕ св. Иоанн малашнехине кăтартса çырни. – Симбирск: Типоли-тография А.Т. Токарева, 1909. – 32 с.; 21 см.

Отсутствующие в конволюте документы:

9.1. Рассказы из русской истории на чувашском языке = Вырăс патшалăхин пурнăçĕ / Переводческая комиссия при Управлении Казанского учебного округа. – Казань: Центральная типография, 1909. – 57 с.; ил; 26 см.

9.4. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца / Переводческая комиссия 1-го благочиннического округа Цивильского уезда Казанской епархии. – Казань: Центральная типография, 1911. – 40 с.; 22 см. – На чувашском языке. – 1200 экземпляров.

9.5. Иовлев, И. Бог труды любит. Труд кормит, день портит = Турă тăрăшакана юратать. Тăрăшакан ырă курать: [сăвăсем] / И. Иовлев, Т.К.К. – Казань: Типоли-тография Императорского университета, 1912. – 52 с.; 17 см. – На чувашском языке – 5 к. [1200 экземпляров].

- 9.6. О ворожцах и шептунах... (?) – Казань, 1911. – 8 с. – 3 к.
- 9.9. Кириллов, Т.К. Песни о войне 1812 года: [19 февр. 1891 – 19 февр. 1911 г.: стихи] / Т.К. Кириллов. – Казань: Центральная типография, 1911. – 6 с.; 21 см. – На чувашском языке.
- 9.10. Евтихеев, Е. Эрех сиенё синчен = О вреде вина: проповедь / Е. Евтихеев. – Казань: Центральная типография, 1912. – 4 с.; 23 см. – 1200 экземпляров.
- 9.12. Первая книга для чтения после букваря на чувашском языке. – Симбирск: Типография А. и М. Дмитриевых, 1909. – 109 с.
- 9.13. [Кириллов, Т. К.] Урожайный год = Тырă пулнă çул: [поэма] / [Т.К. Кириллов]. – Казань: Центральная типография, 1911. – 27 с.; 16 см. – На чувашском языке.
- 9.14. Пушкин, А.С. Полтава: поэма / А.С. Пушкин, перевод Г.Т. Тихонова; Уфимское губернское земство. – Казань: Центральная типография, 1912. – 96 с.; портрет; 21 см. – На чувашском языке. – 25 к. [1200 экземпляров].
- 9.15. Т.К.К. Песни крестьян о своих трудах / Т.К.К. – Казань: Центральная типография, 1912. – 8 с.; 23 см. – На чувашском языке. – 3 к.
- 9.16. Григорьев, И. Жизнь чувашского мальчика до десяти лет / И. Григорьев. – Казань: Центральная типография, 1917. – 4 с.; 23 см. – На чувашском языке. [1200 экземпляров].

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы: конволюты достраивают сложную структуру чувашской книги дооктябрьского периода на внешнем уровне – архивном. Представляется, что их следует сохранить в том же виде, в каком они ныне хранятся в фондах Книжной палаты. Эти сборники с самого начала обладают дополнительным культурологическим смыслом, пока еще не до конца нами осознанном.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 11-14-21002 а/В.

² Рекомплект – общее название конволютов, аллигатов и подшивок.

³ Государственная книжная палата Чувашской Республики создана в 1931 г.

⁴ На чистом левом листе оборота обложки чернильная надпись: «Портрет Я.А. Абрамова Чуваша депутат[ата] Госдумы. Нива, 1906, № 24, стр. 380. Нива, 1906, № 25, стр. 398».

⁵ На титульном листе – подпись Н.И. Ашмарина.

⁶ Источник словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина. На обложке неразборчивая надпись карандашом и аббревиатура НА.

⁷ На обложке надпись чернилами, предваряемая подписью Н.И. Ашмарина сверху: «Все слова выписаны в словарь».

⁸ Чернильная надпись на обложке: «Все слова выписаны в словарь ЕТр» (?).

⁹ На первой странице зачеркнутая чернильная надпись: «Н.В. Никольский, Народное образование у чуваш. Казань, 1906 (?)» и ниже: «К. Прокопьев, 1905, Симбирск».

¹⁰ На титульном листе надпись карандашом: «Адресь для требований: Казань, Учительская Семинария, Ив. Вас. Яковлеву. Цена экземпляров. 20».

¹¹ Самостоятельный номер журнала, по идее должен быть включенным в аллигат – рекомплект, составные части которого объединены общностью содержания и формы.

¹² Без титульного листа и выходных данных.

¹³ Надпись чернилами на обороте титульного листа: «о. Антонию Иванову от автора. 1905 г. Июля 13-го дн.».

¹⁴ Журнал № 3 – о чувашах.

¹⁵ Надпись чернилами на обложке: «Глубокоуважаемому отцу Антонию Иванову на добрую память от автора». Автор неизвестен.

¹⁶ На обложке надпись: «Все слова выписаны в словарь и проверены Н.А.»

¹⁷ На обложке печать библиотеки Н.В. Никольского.

¹⁸ Надпись чернилами на обложке: «Из книг Д. Тумедова (? – Э.Ф.) № 143».

¹⁹ Надпись на корешке ручкой: «Сборник о чувашах».

²⁰ Книга без титульного листа, название и выходные данные написаны от руки чернилами.

²¹ Автограф Ф. Павлова на тит. л.: Дорогому моему руководителю при составлении настоящего очерка Виктору Федоровичу в знак особой признательности от автора. 31/III – 27 г. г. Казань. [Подпись].

²² На обороте переплета и следующей странице чернильный текст (Книжной палаты?) о содержании конволюта.

УРОКИ ПИСЬМА В СИМБИРСКОЙ ЧУВАШСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

В.Г. Хлебникова

*Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова,
г. Чебоксары*

В Симбирской чувашской учительской школе обучение письму начиналось в 1 классе. Сначала учащиеся писали элементы букв, постепенно переходили к написанию букв и отдельных слов. На начальном этапе они писали названия предметов, находящихся в классе, школе, дома и на улице, затем слова, обозначающие одежду, обувь, материал, из которого изготавливаются одежда, обувь, головные уборы. Затем переходили к названиям пищи, напитков, животных, к наименованиям предметов и орудий труда из дерева, камня, глины, металла, стекла и кости. Далее учились писать названия и качества (признаки) известных детям предметов и изделий, составляли предложения по темам из жизни детей и взрослых, о природных явлениях, о событиях в деревне.

В первые два года ученики младшего отделения тренировались в списывании с книг, переводили с русского на родной язык, писали под диктовку отдельные слова. Письменные упражнения на этом этапе имели следующие цели: во-первых, закрепить знания правил орфографии и грамматики, во-вторых, научить правильному и толковому письменному изложению мыслей. Для реализации первой цели служили диктанты и письменная работа по подбору примеров на разные грамматические правила, выполнению второй цели способствовали написание изложений по прочитанным в классе статьям и самостоятельные сочинения.

В старшем отделении систематически проводились диктанты. На четвертом году обучения письменные работы состояли из грамматических упражнений, переводов с русского языка на чувашский и наоборот. Как отмечал И.Я. Яковлев, учащиеся дости-

гали весьма хороших результатов в процессе усвоения русского языка. А.В. Годнев, преподаватель Симбирской чувашской учительской школы, вспоминал: «Внимание и усердие в классе были идеальны. Что, бывало, не объяснишь, по глазам видишь, понимают почти все. По-русски говорили все до единого хорошо и, что меня даже удивило, без акцента» [Канюков, 1968, 45].

По мнению преподавателя русского языка Д.И. Кочурова, «если ученики в достаточной степени научатся излагать чужие мысли, то переход к самостоятельным сочинениям не должен казаться им особенно трудным, потому что письменно им уже знаком процесс выражения мыслей в слово и закрепления их» [Кочуров, 1903, 503].

Учащиеся самостоятельно формулировали ответы на вопросы, поставленные учителем, писали изложение по прочитанным статьям сначала на чувашском языке, а затем и на русском. В процессе упражнений дети приобретали и закрепляли орфографические и пунктуационные навыки. Постепенно учащиеся начинали самостоятельно выполнять письменные упражнения. При выполнении письменных работ главное внимание обращалось на ясное и грамотное выражение учениками своих мыслей в письменной форме. В последний год обучения серьезное внимание уделялось упражнениям в составлении деловых бумаг, писем, документации.

В Симбирской чувашской школе большое внимание уделяли творческим работам учащихся. Уже во 2 классе воспитанники писали примерно 12 сочинений на разные темы. Темы сочинений называли за 10–15 дней до урока, что позволяло воспитанникам тщательно подготовиться к ним. Были выработаны следующие требования: прежде чем приступить к составлению сочинения, воспитанники должны были представить план сочинения с подробными объяснениями, затем черновики, из которых выборочно два-три разбирались в классе, указывались положительные моменты и недочеты, лишь после внесения коррективов можно было приступить к переписыванию набело. Как отмечает учитель-наставник по русскому языку С. Князев, «при таком ведении сочинений их не может быть написано большое количество, но зато исполнение будет отличаться более тщательной обработкой и будет заключать в себе меньшее количество недостатков, что, несомненно, гораздо важнее того, если бы ученики предъявили

большое количество не так тщательно обработанных сочинений» [Отчет, 1905, 55].

В отчете СЧУШ за 1899–1900 уч. г. отмечается, что по русскому языку во 2 классе были проведены творческие письменные работы на следующие темы:

1) Видит око, да зуб неймёт; 2) Петр Великий и Ибрагим по повести Пушкина «Арап Петра Великого»; 3) Петровские ассамблеи; 4) Святочные гаданья в нашей местности; 5) Наш класс; 6) Крестьянская усадьба; 7) Осень; 8) Остап (по повести Гоголя «Тарас Бульба»); 9) Бирюк (по рассказу Тургенева); 10) Хозяйство мужика ленивого и мужика трудолюбивого; 11) Для чего нужна грамота крестьянину? 12) Судьба Остапа (по повести Гоголя «Тарас Бульба»); 13) Званные обеды у древних бояр (классная работа); 14) Как я поступил в начальную школу (классная работа).

В 3 классе были проведены письменные работы на следующие темы: 1) Как аукнется, так и откликнется; 2) Автобиография; 3) Работы в школьном огороде; 4) Достопримечательность нашей местности; 5) Сочинение и его образование; 6) Польза от чтения книг; 7) Иван Андреевич Крылов; 8) Какие исторические события воспеваются народом в былинах? 9) Один из моих знакомых; 10) Примерный конспект по объяснительному чтению басни И.А. Крылова «Обезьяна»; 11) Конспект по объяснительному чтению естественно-исторической статьи; 12) Конспект по объяснительному чтению географической статьи; 13) Конспект разговорного урока по теме «Классные предметы и круг классных занятий»; 14) Конспект разговорного урока по теме «Земледельческие орудия, употребляемые в крестьянстве, работы, производимые посредством их»; 15) Попытки Евгения Онегина приняться за серьезный труд и причина их неудачи (классная работа) [Отчет, 1900, 8–10].

На занятиях по русскому языку в соответствии с программой обучали тому, как писать сочинения разных видов и т.п. Например, теория словесности содержала следующие вопросы:

О сочинениях вообще. Сочинение и его образование. А. Внешняя сторона сочинений (стилистика). Различные способы выражения мыслей: 1) Выражение простое и картинное; 2) Речь мерная и речь немерная.

Влияние на способ выражения мыслей, оказываемые языками: народным, старинным и иностранными. Б. Внутренняя сто-

рона сочинений. Элементы, из которых складывается содержание сочинений: 1) лирический элемент; 2) описание; 3) повествование; 4) рассуждение; 5) характеристика.

Понятие о прозе и поэзии. Деление сочинений на прозаические и поэтические и различие между ними. II. О сочинениях прозаических. А. Проза описательная. Путешествие. Б. Проза повествовательная: 1) летопись; 2) история; 3) исторические записки; 4) биография. В. Проза, в которой преобладающий элемент – рассуждение.

Научные курсы, научные сочинения, статьи публицистические, статьи критические. Произведения ораторские. Сущность ораторских произведений и их виды. III. О сочинениях поэтических. А. Поэзия эпическая. Понятие об эпосе. Эпос народный или устный: 1) сказки; 2) былины; 3) исторические песни; 4) загадки и пословицы.

Эпос литературный или письменный: 1) басня; 2) поэма; 3) баллада; 4) идиллия; 5) роман, повесть, рассказ.

Б. Поэзия лирическая. Понятие о лирике. Лирика народная или письменная и ее отличие от лирики литературной. Лирика литературная или письменная: 1) ода; 2) сатира; 3) элегия; 4) искусственные песни.

В. Поэзия драматическая. Понятие о драме. Виды драмы: 1) трагедия; 2) комедия; 3) драма в тесном смысле. Поэзия, как изящное искусство [Отчет, 1900, 12–14].

Чтобы вызвать у учащихся желание писать интересно, лучшие сочинения читались на литературно-музыкальных вечерах («Смерть моего двоюродного брата» Ф. Фролова, «Как я первый раз ездил в город Саратов» Р. Никифорова, «Пряники» А. Яковлева и др.).

В 1901 г. учитель русского языка С. Князев составил рекомендацию «О характере письменных ученических упражнений по русскому языку в Симбирской чувашской учительской школе», где говорилось:

При постановке в школе письменных упражнений, или так называемых ученических сочинений, можно иметь в виду или главным образом развитие способности отвлеченного логического мышления, или главным образом приобретение

умения письменно владеть правильным, живым, литературным языком.

Чем же должны быть письменные упражнения в руках учителя русского языка? Средством ли развития способности отвлеченного логического мышления, или средством приобретения умения владеть правильным, живым, литературным языком? Естественный путь возникновения сочинения состоит в том, что автор знакомится с «предметом» сочинения, изучает его; мысли, являющиеся плодом этого изучения предмета, и составляют содержание сочинения; автор планирует их и выражает в словах. Следовательно, процесс собственно сочинительства состоит в планировке уже имеющихся в голове мыслей и в их толковом выражении правильным, литературным языком, а не в искусственном изобретении содержания сочинения.

Таким образом, по мнению С. Князева, ни отвлеченные, ни моральные темы для ученических сочинений в инородческой школе не могут быть признаны удовлетворительными: «Главной целью письменных ученических упражнений (сочинений) должно быть усвоение литературных форм и правильного, живого, литературного языка». С. Князев доказывает, что учащиеся Симбирской чувашской школы – инородцы, для них русский язык – не родной, не язык мысли. Учиться русскому языку они начинают только в школе, когда уже хорошо говорят на своем родном языке. В школе они проходят науки и математические, и естественные, и исторические. Как известно, все науки, давая те или другие знания, дают ученикам и общее умственное развитие, развивают способность отвлеченного логического мышления. Развитие способности отвлеченного логического мышления является хотя и не единственной, но все же главной и специальной целью почти всех учебных предметов, тогда как приобретение навыков владения правильным, литературным русским языком является главной целью уроков русского языка. В рекомендациях, составленных С. Князевым, говорилось, что воспитанники 3 класса Симбирской чувашской школы в умственном отношении довольно развитый народ, а русским языком они владеют недостаточно хорошо, особенно письменным, поэтому задача педагогов – степень владения литературным русским языком довести до степени

умственного развития воспитанников. Будущему учителю необходимо овладеть живым русским языком: ему придется учить этому других. А чтобы учить, учителю необходимо самому основательно овладеть предметом, уметь воздействовать не только на ум, но и на чувства своих воспитанников и сделать обучение интересным.

Далее С. Князевым отмечалось, что при рациональной постановке обучения письменные работы должны вестись по каждому из учебных предметов. Так как математика, естественные науки и такие антропологические науки, как психология и логика, имеют громадное влияние на развитие отвлеченного логического мышления, письменные ученические работы по русскому языку (особенно в школах инородческих) должны быть средством усвоения правильного, живого, литературного русского языка, а письменные работы по другим учебным предметам – средством развития отвлеченного логического мышления. «Такое распределение ролей вытекает из существа самих учебных предметов» [Князев, 1901, 16–18].

С. Князев отмечает, что в 1900/1901 уч. г. в Симбирской чувашской школе во 2 классе было проведено 14 сочинений, а в 3 классе – 15, объем сочинений доходил иногда до 12 четвертинок писчего листа. Так как во 2 классе учится 45 человек, а в 3 – 33 человека, то всех работ во 2 классе исполнено $14 \times 45 = 630$, а в 3 классе $15 \times 33 = 495$, а всего в двух классах исполнено 1125 сочинений. Исправлять такое громадное количество сочинений ежегодно одному учителю русского языка физически невозможно. Если оставлять некоторые ученические работы без правки, то это может привести к тому, что работы будут исполняться учениками без надлежащего старания. Проведение большого количества сочинений он считает нецелесообразным [Отчет, 1901, 19 – 21].

При проведении письменных работ учитывалось и то, какие жанры художественных произведений в это время изучались. При чтении литературного произведения повествовательного характера писали рассказы, при чтении описаний – сочинения описательного характера. Практиковались также сочинения-характеристики и сочинения-рассуждения. Только после серьезной подготовительной работы воспитанники приступали к написанию сложных сочинений, которые содержали элементы и описания, и повествования, и рассуждения, и характеристики. Струк-

тура сочинений при этом вначале была аналогичной изученным образцам, постепенно она становилась все более и более свободной и наконец вполне самостоятельной. При обучении написанию сочинений учитывалась степень владения учащимися русским языком. Если в русскоязычных школах в то время сочинения служили в основном средством развития логического мышления и писались на «отвлеченные и моральные темы», то преподаватели русской словесности в Симбирской чувашской учительской школе полагали, что сочинения должны способствовать овладению живым литературным языком. В 1 классе самостоятельные сочинения писались на чувашском языке, чтобы воспитанники учились выражать свои мысли ясно и последовательно. В последующих классах с той же целью учащиеся работали над сочинениями на русском языке по тем же темам, что и на чувашском языке.

Сын И.Я. Яковлева Алексей вспоминал, что отец, желая всячески повысить мастерство написания сочинений, приглашал на свои частные средства лучших учителей семинарии [Яковлев, 1958, 92].

В старших классах практиковались сочинения не только по русскому языку, но и по другим предметам, особенно по педагогике, которую преподавал сам И.Я. Яковлев. Например, писали на такие темы: «Идеальное начальное училище», «Сознательное усвоение и его возможность в начальной школе» и др.

Литература

1. *Канюков В.Я.* И.Я. Яковлев в воспоминаниях современников. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. 150 с.
2. *Князев С.* О характере письменных ученических упражнений по русскому языку в Симбирской чувашской учительской школе в 1901 году // ЦГА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 288. Л. 16–21.
3. *Кочуров Д.И.* Записка о преподавании русского языка в I классе Симбирской чувашской учительской школы // Начальное обучение. 1903. № 12. С. 503.
4. Отчет Симбирской чувашской учительской школы за 1899–1900 учебный год // ЦГА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 288. Л. 14.
5. Отчет Симбирской чувашской учительской школы за 1904–1905 учебный год // ЦГА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1154. Л. 55–56.
6. *Яковлев А.И.* И.Я. Яковлев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1958. 92 с.

**«БУКВАРЬ ДЛЯ ЧУВАШ С ПРИСОЕДИНЕНИЕМ
РУССКОЙ АЗБУКИ» И.Я. ЯКОВЛЕВА КАК СРЕДСТВО
ПРАВСТВЕННО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ**

О.П. Терехова
*Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова,
г. Чебоксары*

Г.Н. Плечов в «Предисловии» к книге «Воспоминания» И.Я. Яковлева отмечает, что «сто с лишним лет назад в губернском городе Симбирске Иван Яковлевич Яковлев зажег первый огонек чувашского просвещения, организовал, будучи гимназистом, по своей инициативе и на собственные средства школу, ставшую впоследствии центром просвещения и культуры чувашей, подготовки учителей» [Яковлев, 1982, 5]. И.Я. Яковлев является создателем чувашской письменности на основе разработанного им алфавита, которым без значительных изменений пользуются и поныне. В первый же год учебы в Казанском университете И.Я. Яковлев совместно с русским студентом В.А. Белилиным, чувашом С.Н. Тимрясовым приступил к составлению чувашского алфавита. На основе созданного ими первого алфавита был написан и в 1872 г. вышел в свет букварь «Тъваш адизене сырѡва вьренмелли кнеге». Но этот алфавит оказался неудобным для практического использования, поэтому в начале 1872 г. И. Яковлев и В. Белилин его значительно упростили, из 47 букв оставили 27, на этом алфавите в том же 1872 г. был издан литографским способом «Букварь для чуваш», в конце 1872 г. авторы снова пересмотрели алфавит, оставили 25 букв и на основе измененного алфавита создали третий вариант букваря. С 1873 г. «Букварь для чуваш» состоял из двух разделов – чувашского и русского и стал называться «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки». Первая часть данного букваря ставила цель – помочь в основательном изучении чувашского алфавита на первом году обучения и в выработке навыков чтения и письма на чувашском

языке. Вторая часть букваря включала русскую азбуку, разговорные уроки на русском языке и материал для чтения по-русски.

В книге были даны краткие разъяснения для учителя. В двенадцати параграфах «Предуведомления» были изложены особенности третьего, последнего варианта алфавита и правила произношения и правописания.

При составлении букварей методической основой для И.Я. Яковлева служили принципы учебных книг «Детский мир», «Родное слово» К.Д. Ушинского, «Азбука», «Новая азбука» и четырех «Русских книг для чтения» Л.Н. Толстого, а также книг «Обучение грамоте по звуковому способу в связи с предметными уроками», «Уроки чтения», «Родной язык» Н.Ф. Бунакова и др.

В «Букваре для чуваш с присоединением русской азбуки», составленном выдающимся просветителем, много текстов, способствующих нравственно-экологическому воспитанию учащихся. Содержание учебных текстов отражает сезонный сельскохозяйственный труд крестьян (пахота, сев, сенокос, уборка хлеба, молотба), народные знания и приметы о погоде, предсказания урожая, описания хозяйственного и жизненного уклада, природы: «Тăман айне пулнă çын» («Человек, попавший в буран»), «Хĕллехи çил-тăманра» («В зимнюю вьюгу»), «Выртмара» («В ночном») и др. Например, текст «Хура вăрманти йывăçсем» («Деревья в лиственном лесу»), включенный в букварь, имеет большое познавательное значение:

Хура вăрманта тĕрлĕ йывăçсем үсеççĕ. Вĕсем пурте пĕрле пĕр ушкăнпа ешерсе ларнă чухне пурте илемлĕн курăнаççĕ, уйрăмăн-уйрăмăн үснĕ чухне ун пек мар: хăшĕ илемлĕрех пек, хăшĕ начартарах пек курăнаççĕ. Хурăн пит аван: унăн тураçĕсем лапçаркка, вулли шап-шурă, çулçи çутă симĕс, кулса тăнă пек йăлтăртатса ларать.

Çăка унтан та илемлĕ: вăл туп-түрĕ, кăтраланса ларать, çап-çаврака çулçаллă. Чечек кăларнă чух унăн шăрши пит тутлă, çулçисем çемсе, шупкарах симĕс. Çăка вăл хайĕн хупине хура халăха пушăт-мунчалалăх, хуплăх парса тăрать.

Сарлака çулçаллă вĕрене те начар йывăç мар, вăл çуллĕ, туп-түрĕ үсет; ăна çил вăрттăн пырса кăшт сĕртенсе кайсан вăл хайĕн çулçисене вылянтарса, çавăркаласа пăхса илет.

Темиҫе ҫёр ҫул пурӑнакан юман пит тымарла, пит тӑреклӗ; вӑл пуринчен те ҫирӗп йывӑҫ, унӑн вулли хулӑнӑшӗ темиҫе хӑлаҫ пулать. Хир варринче, ҫара ҫӑрте пат пӗчченех ларакан юман ҫӗллӗ, патвар ҫын пек аякранах курӑнать, ҫилпе кӑрлесе, шавласа ларни таҫта ҫитиех илтӗнет.

Ӑвӑсӑн илемӗ те ҫук, ҫирӗп те мар, хуралта та юрӑхсӑр, ҫавӑнпа ӑна чи начар йывӑҫ теҫҫӗ. Унӑн ҫулҫисем сарлака, ҫил чух пӑрин ҫумне пӑри шӑпӑл-шӑпӑл, шӑпӑл-шӑпӑл перӗнеҫҫӗ. Кӑрхи кун Ӑвӑс вӑрманӑна нумай илем кӑрет. Йывӑҫ ҫулҫи тӑкӑнӑ вӑхӑтра унӑн ҫулҫисем сарӑхса, хӑрелсе, хӑмӑрланса каяҫҫӗ, вара пӗтӗм вӑрман хӑрлӗн, саррӑн, хӑмӑррӑн курӑнса каять, пусма-тавар лавкки пек курӑнса ларать.

Деревья в лиственном лесу. В лиственном лесу растут разные деревья. Когда они все вместе одновременно зеленеют, все кажутся красивыми, но когда они растут отдельно, то непохожи – одни бывают красивее, а некоторые – похуже. Береза очень красивая: ветви пушистые, ствол белый-пребелый, листья светло-зеленые, кажется, будто она стоит, сияет улыбкой.

Но липа красивее ее: она стройная, кудрявая, листья круглые, во время цветения она очень душистая, листья нежно-зеленые. Липа своей корой обеспечивает людей лыком, мочалом.

Широколиственный клен тоже неплохое дерево; он высокий, стройный, когда ветер случайно слегка заденет его, он шевелит своими листьями, как бы рассматривая их.

Дуб, живущий несколько сотен лет, имеет крепкие корни, могуч, прочнее всех деревьев, толщина его ствола составляет несколько саженей. Растущий среди поля одинокий дуб, словно высокий, сильный человек, виден издали, шум и гул его при сильном ветре слышны издали.

У осины нет ни красоты, ни крепости, не годится она и для строительства жилища, поэтому ее считают плохим деревом. Листья у нее широкие, при дуновении ветра касаются друг друга и шелестят. Осенью осина украшает лес. В период листопада ее листья приобретают желтый, красный, коричневый цвет, и тогда весь лес кажется желтым, красным, коричневым, словно магазин тканей.

Немало текстов, помогающих развитию наблюдательности, находчивости, хозяйственности. Например: «Пёр енё – хир, тепёр енё – вәрман. Мён въл?» – Одна сторона – поле, другая сторона – лес. Что это? «Хаш йываҫ ҫирёпрех: ҫака-и, юман-и?» – Какое дерево крепче: липа или дуб? «Ҫулла ҫырмара шыв ашă, пусăри (ҫăлти) сивё, мёншён-ши въл?» – Летом вода в реке теплая, а в колодце (роднике) холодная, почему?

В «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки», изданный в 1904 г, включены тексты, рассказывающие о природе, о деятельности человека, связанной с временами года. Например, «Мăкăнь»:

Мăкăнь пахчара үсет. Чечекё унăн хёрлĕ те, шурă та пу-
лать, тăрри пукра пуҫĕ пек. Мăкăнĕн вăрри тутлă, анчах а́на
ытларах ҫисессĕн въл ҫывăрас килтерет.

Мак. Мак растет в огороде. Цветы у него бывают и крас-
ные, и белые, верхушка похожа на головку плевела. Зерна
мака вкусные, но если их есть много, то хочется спать.

Поучителен рассказ «Тăри»:

Аякран, ашă енчен, тăри вёҫсе килнĕ. Въл хайне валли
йăва ҫавăрнă та чĕпĕсем кăларнă. Чĕпписемпе пурăнма а́на
питĕ лайăх пулнă, чĕпписене те амăшĕ пур чух аван пулнă.

Пёр ача серепе хурса тăрие тытнă та килне илсе кайнă.
Тăри пуртре ёлĕкхи пурнаҫешĕн те, чĕпписемшĕн те пит
хуйхăрса пурăннă. Ача тăрие шыв ёҫтерме маннă та, тăри
вилнĕ. Амăшĕсĕр пуҫне чĕпписем те хирте вилсе пĕтнĕ.
Мёншён тытрĕ-ши тăрие въл ача!

«Жаворонок». Издалека, из теплых краев, прилетел жа-
воронок. Он свил себе гнездо и вывел птенцов. Жить с птен-
цами ему было очень хорошо, птенцам тоже при матери было
хорошо.

Один мальчик поставил силок, поймал жаворонка и по-
нес его домой. Птица, живя в доме, очень тосковала по про-
шлой жизни, о своих птенцах.

Мальчик забыл дать воды жаворонку, и жаворонок умер.
Без матери и птенцы в поле умерли. Зачем же этот мальчик
поймал жаворонка!

Текст «Курак җинчи сывлам» воспитывает любовь к родному краю и желание защищать природу:

Җулла, ирхине хёвел пәхнә вәхәтра вәрмана кайнә чух, хирте кураксем җинче алмаз пек пәрчәсем кураңаҗҗә. Җав пәрчәсем хёвел җинче симәссән-каваккан йәлтәртатса тәраҗҗә. Патнерех пырса, вәсем мән иккенне пәлес тесе чипертерех пәхсан унта сывлам тумламәсене курах каятән. Вәсем куракән виҗ кәтеслә җулҗи җине пухәнса ларнә та хёвелпе йәлтәртатаҗҗә иккен. Җулҗин тўнтер енә тәклә, мамак пек җеп-җемҗе. Ун тәраҗ тумламсем кускаласа анаҗҗә, хәйне пәртте йәпетмеҗҗә.

Җав сывламлә җулҗа ерипен татса илмессерен тумлам җап-җутә, җәп-җәмәр куска анать. Ана курак туни җумәнчен йәр юкса аннине курмалла та мар. Хуллен татса тумламне тута патне илсе пырса тутанса пәхсан җав тумлам пур әҗмелли япаларан та тутлә пек туйәнать.

«Роса на траве». Когда идешь в лес ранним утром после восхода солнца, на полях, на траве видны крупинки, похожие на алмаз. Эти крупинки на солнышке блестят зеленовато-голубым цветом. Если подойти поближе и рассмотреть внимательней, то увидишь росинки. Оказывается, они собрались на листочке треугольной формы и блестят от солнечного света. Обратная сторона листка мохнатая, мягкая, как вата. По нему соскальзывают капельки, не увлажняя его. Каждый раз, когда срываешь осторожно листочек с росой, скатывается светлая круглая капелька, даже не заметишь, как она быстро сбежит по стебельку. Когда, сорвав осторожно, листочек преподнесешь к губам и попробуешь каплю росы на вкус, то кажется, что эта капля вкуснее из всех имеющихся напитков.

Дидактические рассказы о временах года представляют собой интересный материал для воспитания у учащихся любви к природе, бережного отношения к ней, к родным местам. Сколько радости приносят детям весна, зима, лето, а осень дарит людям богатый урожай зерновых, овощных культур, лесные богатства: грибы, орехи, жёлуди, разные ягоды. В «Букварь» включены тексты, посвящённые временам года. Например, «Весна»:

Ѕуркунне ҫитсе килет. Хёвел ҫёре хытӑран хытӑ ашӑтӑть. Юр ирӑлет, шыв юхӑть. Кӑчӑкӑ та папка кӑлара пуҫларӑ. Ашӑ енчен вёсен кайӑксем вёҫсе килеҫҫӑ. Ҫынсем пурте савӑнӑ.

Приближается весна. Солнце прогревает землю сильнее и сильнее. Снег тает, течёт вода. На вербе начали набухать почки. Из тёплых краёв прилетают птицы. Люди радуются.

На последней странице «Букваря» в качестве обобщения темы дано стихотворение К. Иванова «Ѕулталӑк хушши» (Времена года).

И.Я. Яковлев большое значение придавал семье, не зря в «Духовном завещании чувашскому народу» семью называет «опорой государства». В «Букварь» включены рассказы о семье, о взаимоотношениях близких людей: «Варука аппӑш пыл панӑ. Варук пылне хӑй ҫимен: Симукпа Микулая панӑ. Вёсем савӑнӑ». Сестра Варе дала мёд. Варя не стала сама есть мёд, а угостила Симука и Мигулая. Они обрадовались.

В «Букваре» имеются тексты о значении учёбы, о владении грамотой. В то время крестьяне к школе, распространению грамотности относились ещё недоверчиво, поэтому такие тексты имели большое значение. Например, имеется такой текст:

Наҫтук ҫыру вёренсе килне таврӑнӑ. Килӑнче амӑшӑ анчах пулӑ. Наҫтук сӑтел хушшине ларӑ та кёнеке илсе амӑшне пӑр халап вуласа кӑтартӑ. Амӑш савӑнса итлесе ларӑ.

Настя после школы вернулась домой. Дома была только мама. Настя села за стол, взяв книгу, прочитала маме одну сказку. Мать сидела и слушала радуясь.

И.Я. Яковлев включал в буквари удачные рассказы, составленные воспитанниками. Например, рассказы «Пирӑн пӑрт ҫунни» (Как горел наш дом): «Марук вилӑмӑ» (Смерть Марук) и др.

Буквари И.Я. Яковлева содержат богатый фольклорный материал, в котором, по словам К.Д. Ушинского, как в зеркале, отразилась народная жизнь со всеми своими живописными особенностями. В учебном процессе они имеют важную воспитывающую роль. В букварь 1873 г. выпуска впервые были включены стихи и песни, прибаутки, отобранные из образцов народного творчества, лучшие,

с точки зрения И.Я. Яковлева, для реализации образовательно-воспитательных целей: критическое отношение к окружающей действительности, осуждение житейских пороков и утверждение разумного и прогрессивного в жизни. В «Букварь» включены народные песни: «Сём-сём вярман» (Темный лес), «Чёкеç юрри» (Песня ласточки), «Хурән ҫулҫи» (Березовый лист) и др. В нем много пословиц и поговорок, которые можно использовать для нравственного и экологического воспитания подрастающего поколения: «Тәрә шыв сыва усрать» (Чистая вода оберегает здоровье), «Йываҫёнчен улми аякка үкмест» (Яблоко от яблони недалеко падает), «Ҫу иртсен ҫырлана ҫүремесҫе» (Когда прошло лето, за ягодами не ходят).

Не ограничиваясь включением произведений устного народного творчества в букварь, И.Я. Яковлев приступает к их литературно-творческой обработке. На основе народных пословиц и поговорок, загадок, стихов и песен он начинает составлять короткие нравоописательные и нравоучительные рассказы. Его рассказы «Автан» (Петушок), «Чакак» (Сорока), «Арман туни» (Мельница), «Ўкёт» (Увещевание) и юмористические рассказы («Вихрь», «Калач», «Хураська») отвечают требованиям этического рассказа: они кратки, эмоциональны, доступны, соответствуют психологическим и возрастным особенностям детей младшего школьного возраста. По мнению М.Я. Сироткина, «эти оригинальные рассказы И.Я. Яковлева разносторонне отражают жизнь детей и взрослых, их быт и труд, обычаи и нравы, мечты и переживания, персонажами рассказов являются дети и взрослые, животные и птицы» [Сироткин, 1956, 27].

В «Букварь» были включены молитвы, в русской части «Букваря» приведены названия, связанные с религией (Бог, Троица, Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой, Творец, Вседержатель, ангел, Иисус Христос, мессия, распятый, воскресший, рай, иконы и др.) с целью воспитания положительных качеств у учащихся, внушения читателям выполнять обязанности перед Богом и ближними, соблюдать общечеловеческие моральные нормы.

И.Я. Яковлев рекомендовал учителям организовать обсуждение прочитанного текста, сопоставлять с фактами реальной жизни, развивать наблюдательность. Например, рассказ-зарисовка «Автан» (Петух) заканчивается вопросом: «Сирён автан ҫапла-и?»

(А каков ваш петух?). После текста дана загадка: «Пуçё тура, кучё сурла» (Голова как гребешок, хвост как серп).

Загадки на тему прочитанных рассказов помещены почти после каждого текста, потому что, по мнению автора, они развивают логическое мышление учащихся, произвольное внимание и наблюдательность.

В свой букварь И.Я. Яковлев включил также назидательные рассказы Л.Н. Толстого: *юптарса калани* (басня), *чӑн пулни* (быль), *халап* (сказка), *ӑнлантарса калани* (рассуждение, описание, объяснение): *ёлӑкхисем сырса хӑварни* (история), которые имели огромный потенциал убеждения, способность формировать чувства, переживания, правильное поведение воспитанников: «Арӑмпа чӑхӑ» (Баба и курица), «Лашапа тарçӑ» (Лошадь и конюх), «Пӑсара» (Хорек), «Суеçё» (Лгун), «Тинӑс» (Море), «Сёкекен ёне» (Бодливая корова), «Кураӑк çинчи сывлӑм» (Роса на траве) и т.п.

В букварь были включены рассказы и сказки из «Родного слова» К.Д. Ушинского: «Дедушка», «Трусливый Ваня», «Лиса и козел», «Как аукнется, так и откликнется» и другие, которые также имели большое значение для нравственного воспитания, формирования у учащихся таких качеств, как смелость, честность, справедливость, ум, уважительное отношение к ближним и ко всем окружающим.

Трудолюбие, как национальная черта чувашей, в яковлевских букварях, кроме средства нравственного воспитания, является также, как подчеркивают психологи, «средством формирования у ребенка чувства половой идентичности и других психологических качеств» [Немов, 1994, 23]. Через непосредственное наблюдение поведения мужчин и женщин дети учились, как себя должны вести мужчины, а как женщины. Например, в рассказе «Пирӑн кил-йыш» («Наша семья») описан труд мужчины в чувашском быту: «Атте хирте суха сухалать, тырӑ акать, хёле кёрсессён вутӑ турттарать» – Отец пашет в поле, сеет зерновые, зимой возит дрова. Рассказывается также о функции чувашской женщины: «Анне пирӑн сие-пуçа тирпейлет: çавать, сёлет; яшка-çӑкӑр пёсерет» – Мать заботится о нашей одежде: стирает, шьет; варит и печет».

И.Я. Яковлевым переработаны народные юмористические рассказы «Как мужик лошадь искал», «Старик и комары», «Сколько

стоит хомут», «На сенокосе», сказка «Сармандей», песни «Черная смородина», «Меня любят, уважают» и др. «Пользуясь образцами народного творчества и отбирая лучшие из них для букварей и книг для чтения, И. Яковлев стремился воспитать в читателях критическое отношение к окружающей действительности. Народные анекдоты, пословицы и поговорки развертываются им и его учениками в короткие нравоучительные рассказы, обличавшие невежество, косные формы быта, предрассудки и суеверия чувашских крестьян» [Сироткин, 1956, 29].

Включенные в русский отдел тексты на темы: «Человек», «Хлеба и травы», «Плоды», «Домашние животные», «Домашние птицы», «Деревья», «Дикие звери», «Дикие птицы», «Рыбы», «Грибы», «Земля, вода», «Минералы» способствовали нравственно-экологическому воспитанию учащихся. При изучении этих тем учителя проводили беседы, знакомили с правилами поведения в природе, рассказывали о пользе растений, грибов, лекарственных трав, рекомендовали бережно относиться к животному и растительному миру. Например, рассказ «Чиж»:

У Вари был чиж. Чиж жил в клетке и ни разу не пел. Вара пришла к чижу.

– Пора тебе, чиж, петь.

– Пусти меня на волю, на воле буду весь день петь.

Другой рассказ, включенный в «Букварь», – «Старик и яблони»: «Старик сажал яблони. Ему сказали: «Зачем тебе эти яблони? Долго ждать с этих яблонь плода, и ты не съешь с них яблочка». Старик сказал: «Я не съем, другие съедят, мне спасибо скажут».

Поучителен рассказ «Девочка и стрекоза»: «Девочка поймала стрекозу и хотела оторвать ей ноги. Отец сказал: «Эти самые стрекозы поют по зорям». Девочка вспомнила их песни и отпустила стрекозу».

Учебные тексты в книгах И.Я. Яковлева, отражавшие жизнь и быт чувашского народа, способствовали решению нравственно-экологических задач: 1) развитию у детей наблюдательности, умению получать знание и создавать понятие на основе непосредственного участия в окружающей природе и жизни, а также изучению предметов и явлений через учебные книги;

2) усилению интереса к своему родному краю и воспитанию любви к родине, бережного отношения к родной природе;

3) формированию положительного отношения к труду, к людям труда, бережливого отношения к хлебу, как к результату длительного, тяжелого земледельческого труда и др. [Андреева, 1999, 95].

Исследователи Н.Г. Краснов, Г.Н. Плечов, В.Я. Канюков, М.Я. Сироткин и др. подчеркивают, что буквари И.Я. Яковлева, изданные в разные годы, отражали социальный уровень жизни чувашского народа, его национальную систему воспитания, складывавшуюся веками под влиянием исторических условий.

Одним из главных направлений в педагогической системе выдающегося просветителя являлось воспитание любви к родному краю, бережное отношение к природе. И.Я. Яковлев хотел расширить раздел букваря и даже выпустить отдельный учебник по сравнительному изучению предметов и явлений окружающего мира, но не успел претворить эту мечту в жизнь. Идеи и опыт И.Я. Яковлева по экологическому обучению и воспитанию учащихся представляют важный вклад в сокровищницу классического педагогического наследия. Вклад этот не исчерпывается одним лишь историческим значением, взгляды и практические достижения выдающегося педагога и в настоящее время не теряют своей жизненности, приобретают особую ценность в связи с гуманизацией и этнопедагогизацией современного образования.

Литература

1. *Андреева Н.Н.* Этнопедагогические и этнопсихологические аспекты совершенствования И.Я. Яковлевым содержания «Букваря для чуваш»: Дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 1999. 281 с.
2. *Немов Р.С.* Психология: в 2-х кн. Кн. 2. М.: Просвещение, 1994. 236 с.
3. *Сироткин М.Я.* Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. 352 с.
4. *Яковлев И.Я.* Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки. Симбирск, 1873. 56 с. 1903. 160 с.
5. *Яковлев И.Я.* Воспоминания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. 272 с.

ЭЛЕКТРОНЛА ЧАВАШ ТЕКСЧЭСЕН ОРФОГРАФИНЕ ТЁРЭСЛЕС ЫЙТУ

Н.А. Плотников

*Chuvash.Org сайтăн администрацийĕ,
Шупашкар хули*

Чавашла электронла документсене хатёрленĕ май йăнаш çапасси¹, тёрĕс мар сырă сăмаха курмасăр сиктерсе хăварасси час-часах тĕл пулат. Тёрĕслев хатĕрĕ çукран текста темиçе хут вуласа тухма тивет – вăхăт та ахаль иртет, ĕсе те самай кансёрлет.

Электронла чаваш тексчĕсен орфографине тёрĕслес ыйтава тахçанах çĕкленĕ, вăл çивĕч пулнине палăртнă. 2006 ç. çăвăн 18–19-мĕшĕсенче Шупашкарта иртнĕ «Атăлçi халăхĕсен чĕлхисенчи вариантлăх» конференцире А.Н. Лукина тата А.В. Васильев йăнашсене тёрĕслеме май паракан хатĕре тума пуçласси пирки асăннă пулин те ĕç-пуç малалла каяйман.

Чаваш тетелĕн хастарĕсем ку хатĕре тăвас тĕлĕшпе темиçе çул тăрăшрĕç – икĕ-виçĕ çул хушшинче Hunspell² валли ятарлă словарь хатĕрлерĕç³. Константин Малышевăн (чи малтанхи сăмах пуххине пуçтарнă), Игорь Алексеевăн (1982 ç. тухнă чавашла-вырăсла словаре электронлатнă), Анатолий Мироновăн (йăнашсене юсанă) тата ыттисен ĕçне асăнмалла. Эпир вĕсен пулăшăвĕпе усă курса ĕсе тăрласа çитернĕ.

Чаваш чĕлхине электронла уçлăха кăларас тĕлĕшпе тумалли ĕçсем чылайчĕ [Дегтярёв, 2010, 397–398]: чаваш алфавичĕн уникодри кочĕсене палăртасси, чавашла текстсем çапма май паракан сарăм йĕркелесси, чаваш саспаллилĕ шрифтсем хатĕрлесси, чавашла компьютер терминĕсене тăвасси, тетеле чавашла текстсемпе пуянлатасси т. ыт. те. Электронла чаваш тексчĕсен орфографине тёрĕслеме пулăшакан хатĕре асталасси те çак ĕçсен шутнех кĕрет. Вĕсенчен хăшне-пĕрне юлашки вăхăтра пурнăçа кĕртме май килчĕ.

Ėсе пуçăнас умĕн Hunspell хатĕре суйласа илни çак сăлтавсемпе çыхăннă: ирĕклĕ те тĕлевсĕр усă курма май пурри⁴; чылай программа продукчĕсенче вырнаçтарма юрăхли⁵ тата

уникодпа туллин шайлашуллă пулни. Ун формачĕ ăнланма çăмăл пулни те ытти хатĕрсен⁶ хушшинче ăна суйлама хистерĕ.

Словарьти саспаллисен кочĕсене Чăваш чĕлхин пĕрлехи комиссийĕ 2009 ç. пушăн 12-мĕшĕнче тунă йышăнупа килĕшÿллĕн илнĕ. Сăлтав тупăнсан словаре уникодри урăх кодсем валли те⁷ ăсталама пулать. TimesET Chuv йышши⁸ «чăваш шрифчĕсемпе» çапнă текстсенчи йăнăшсене тĕрĕслеме ăна юрăхлă тума май çук.

Словарь паянхи кун тĕлне ăнсăртран илнĕ текстри 90–95% сăмаха паллать. Ытларах енĕпе пайăр ятсем унта кĕмеççĕ. Йывăрлăхсене илес пулсан çакăн йышшисене асăнма пулать:

1) Hunspell хăш-пĕр чухне камăнлăх аффиксĕ хушăннăран хупă сасăсен вăрăмланăвĕн морфологине кăтартма май памасть. Тĕслĕхрен: *хупă* – *хуппи*. Кунашкал формăсене уйрăм сăмахăн кĕртме тивет.

2) тĕрĕк чĕлхисен йышне кĕнĕрен, чăваш чĕлхинче агглюнативлăх уйрăмлăхне пула, аффикссем хуша-хуша питĕ вăрăм сăмахсем тума май пур, анчах вĕсемпе ахаль хутшăнура сайра усă кураççĕ. Çавăнпа та ку словаре унашкал сăмахсене кĕртмен⁹.

3) уйрăм е пĕрле сырас ыйтăва эфир хатĕрленĕ словарь татса параймасть. ăна 1992–1994 çç. усă курнă орфографии тĕпе хурса хатĕрленĕ – çавăнпа вăл, тĕслĕхрен, «утмăлтурат» сăмаха пĕрле сырнине йăнăш тесе шутламасть.

4) Hunspell, шел пулин те, дефиса сăмах кÿлепине йĕркелекен палласен шутне кĕртмест. Çапла май словаре мăшăр сăмахсене пайăн-пайăн кĕртме тиврĕ – словарь çавăнпа лексикара çук сăмахсемпе пуянланчĕ. Тĕслĕхрен, «çăп-çăмăл» сăмаха пĕлтерме уйрăммăн «çăп» (чĕлхере вăл çук пулин те) тата «çăмăл» тĕпсене хушнă. Çĕнĕрех версисенче, тен, дефиса тивĕçлĕ паллă шутне кĕртме те май пулĕ.

5) япала ячĕсен падежпа сыхăнман аффиксĕсене йышăнакан сăмах формисене те хальлĕхе словаре кĕртмен-ха – вĕсене уйрăм ушкăна пĕрлештерсе вырнаçтарас шухăшсем пур.

Орфографии тĕрĕслемелли хатĕре пĕтĕм сăмаха кĕртсен те вăл пур йăнăша тупаймассине шута илмелле — Hunspell кашни сăмаха уйрăммăн тĕрĕслет, сыхăнусене курмасть. Çавăнпа йăнăш сырнă сăмах та тĕрĕс тесе палăртма пултарать. Тĕслĕхрен: «сăна» та, «сана» та, «сăнă» та уйрăммăн сырнă чухне тĕрĕс¹⁰, анчах та

«сылтамран сәна вѣссе килчѣ» сәмах саврәнәшәнче «сәна» йәнәш пулни куçкѣрет. Офис программисенчи тѣрѣслев хатѣрѣсем йәнәш вырәнсене сахаллатма сѣс пултараçсѣ, текст сәпнә чухне вѣсене питех шанмалла мар.

Словарь малашләхри ёссене пурнәçа кѣртме пуләшу күрѣ. Унпа, сәмахран, электронлә тәлмача әсталанә чухне усә курма май пур – кашни сәмаха пулев пайѣсем тәрәх уйәрса тухнә. Словарән аффиксен файләнче кашни пулев пайән морфологине кәтартса панәран унпа морфологилле шырава хатѣрленѣ чухне усә курма пулать.

Hunspell хатѣр Microsoft Office программәра ёçлемест пулин те, ятарлә скрипт пуләшәвѣпе сәмах формисене¹¹ хатѣрлеме пулать – вѣсене вара халәх анлә усә куракан офис программине сәмәлләнах кѣртме май пур.

Литература

1. *Дегтярѣв Г.А., Алексеев И.В.* Проблемы компьютеризации чувашского языка // *Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра.* Чебоксары, 2010. С. 397–398.

Примечания

¹ Йәнәш сәпасси пѣр-пѣр сәмаха тѣрѣс сьрма пѣлменнинчен кәна мар, ытти сәлтавсенчен те килет: алә пүрни пускәч хәми сьнче сүмри түмене пусни те, түмене пусса ситерейменрен саспалли сәпәнманни те, офис программы тѣрѣс сьрнә сәмаха хәй тѣллән уләштарни те (вырәс орфографине кура түрлетнѣ май).

² Авторѣ – Ласло Немет (László Németh, Венгри). Myspell сьнче никѣсленет. Чи малтан венгр чѣлхи валли кәна тәвасшән пулнә пулин те хальхи вәхәтра (тѣрлѣ платформәра ёçлеме пултаракан хатѣрсене илес пулсан) чи анлә усә кураканни.

³ Словарьпе эсир <http://hunspell.chv.su> сайтра паллашма пултаратәр. Унтах Mozilla Firefox браузерпа OpenOffice офис программы валли хушәмсем уçласа илейретѣр. Сәк сайтрах эсир хәвәрән текстсене тѣрѣслеме, унти словаре сәнѣ сәмахсемпе пуянлатма пултаратәр.

⁴ LGPL лицензипе килѣшүллән.

⁵ Hunspell хатѣре сәк программәсенче усә курма май пур: Adobe InDesign (каләплав программы), OpenOffice (офис программы), Firefox (браузер), Opera (браузер), Google Chrome (браузер), The Bat! (почта программы), Emacs (текст редакторѣ) тата ыттисенче.

⁶ Орфографи тѣрѣслевән системисем нумай. Microsoft Office программәра, тѣсләхрен, вырәс текстри йәнәшсене шырама «Информатик»

пёрлѣх асталанă «Орфо» программăпа усă кураççѣ. Казах чѣлхи валли Sanasoft «Kaz Spelling» хатѣрленѣ. Чылай операци системинче ѣçлеме пултарақан хатѣрсене илес пулсан Hunspell-сăр пуçне Ispell, Pspell, Aspell, Myspell, Enchant (AbiWord валли тунă), Voikko (финн чѣлхи валли тунă), Zemberek (тѣрѣк чѣлхисем валли тунă) тѣрѣслев системисене асăнма пулать. Вѣсенчен хăшѣ-пѣри хальхи вăхăтра аталанмаççѣ.

⁷ Словарьпе тѣрѣсленекен текстри сас паллисен кочѣсем пѣрешкел пулмаллипе сыхăннă.

⁸ Сăлтавѣ «ă», «ѣ», «ç», «ÿ» сас паллисем валли «-», «+», «.», «,» паллăсен кочѣсемпе усă курнипе сыхăннă. Hunspell вѣсене сăмах тулашѣнче хăварать.

⁹ Турккă чѣлхи валли, тѣслѣхрен, ятарласа Zemberek проект асталанă – вăл тѣрѣк чѣлхисен агглюнативлăх уйрăмлăхне шута илме тивѣç.

¹⁰ Ку тѣслѣхре, унсăр пуçне, чăвашла электронлă текстсенче «ă», «ѣ», «ç», «ÿ» саспаллисем вырăнне «а», «е», «с», «у» çырма сѣнни çак сăмахсене уйрăма чăрмантарни лайăх курăнать.

¹¹ Хальхи вăхăтра 30 пине яхăн сăмах тымарѣнчен пурѣ 9 000 000 ытла сăмах форми йѣркеленет.

**И.Я. ЯКОВЛЕВАН «АЧА-ПАЧА КАЛАВЁСЕМ» –
КЁСЁН СУЛХИ АЧАСЕНЕ ПЁЛУ ТАТА ВОСПИТАНИ
ПАМАЛЛИ ПАХА МЕЛ**

Л.В. Маркова

Чăваш Республикин Елчĕк районĕнчи Энтене шкулĕ

Ўитĕнсе пыракан ҫамрăк ăрăва ҫирĕп те тарăн пĕлү парасси, ăна пур енлĕ аталанса ўсме пулăшасси – вĕрентекенĕн чи таса тивĕҫĕ. Юлашки вăхăтра шкулсенче уроксене тĕрлĕ технологипе, компьютерпа усă курса ирттересси анлă сарăлса пырать. Ку, паллах, уроксен пахалăхне ўстерме пулăшать, ачасен вĕренес туртăмне те ҫĕклет. Ҫавăн пекех шкул ачисем телевизор, Интернет урлă нумай информаци илеҫҫĕ. Анчах та, тĕпчевҫĕсем палăртнă тăрăх, телевизор, Интернет урлă илнĕ пĕлү ачасемшĕн ҫителĕксĕр. Ҫавăнпа та кĕҫĕн классенче вĕрентекенсен ачасене пĕлү тата тĕрĕс воспитани парас тесе нумай тăрăшса ёҫлемелле, мĕншĕн тесен вĕсем вĕрентўпе воспитани ёҫĕн никĕсне хываканĕсем. Паллă ёнтĕ, ҫуртăн никĕсĕ ҫирĕп пулмасан, вăл ишĕлет. Пирĕн, кĕҫĕн классенче вĕрентекен учительсен, пĕлү никĕсне ҫирĕп хывмалла.

И.Я. Яковлевăн «Ача-пăча калавёсем» кёнеки пире ёҫре питĕ пысăк пулăшу парать. Ҫав кёнекери калавсемпе юмах-халапсене 130–135 ҫ. каяллах ҫырнă. Вёсене ҫыракансем чăваш халăхне ҫутта кăларасшăн тăрăшса ёмёрне ирттернĕ паллă педагог Иван Яковлевичпа унăн ҫывăх юлташёсем тата вĕренекекёсем пулнă. Вёсенчен ҫаксене асăнма пулать: И.И. Иванов, А.В. Рекеев, И.С. Бюргановский, П.В. Васильев, И.Н. Юркин, Г.А. Кореньков т. ыт. те. Чылайăшĕ каярах пултаруллă писательсемпе поэтсем пулнă: К.В. Иванов, И.Н. Юркин, Г.Т. Тимофеев, Г.А. Кореньков, М.Ф. Акимов, Ф.П. Павлов, М.Д. Трубина т. ыт. те. Ку калавсемпе юмах-халапсем пурте тенĕ пекех чăваш ачисем валли ёлĕк тухса тăнă «Чăваш букварёнче» пичетленнĕ. Ҫак пĕчĕк калавсем, сăвăсем, юмахсем, юптарусем тăрăх чăваш ачисем тăван чёлхен пуянлăхёпе илемне тавҫарса илме, пурнăҫа кирлĕ пек ăнланма вĕреннĕ. Кёнеке «Автан» калавпа пуҫланать: «Пирĕн пĕр пысăк

хёрлѣ автан пур. Вѣл тѣр-кѣнтѣрла урапа сине хѣпаратъ те «кикирик-ку» тесе авѣтатъ. Сасси аван, хѣри илемлѣ, авѣна-авѣна тѣратъ. Кикирикѣ пысѣк, тѣклѣ ураллѣ, качи вѣрѣм. Сирѣн автан сѣпла-и?» Сѣкѣн пек хѣйлавсем ачасене сѣнама вѣренте сѣсѣ.

Халѣх сѣмахлѣхѣ литература никѣсѣ пулса тѣнине, вѣл ѣна чѣрѣ вѣй-халпа сѣткен парса тѣнине И.Я. Яковлев лайѣх туйнѣ. Ахаль мар хѣйѣн хѣйлавѣсенче халѣх пултарула хѣн тѣслѣхѣсемпе анлѣ усѣ курнѣ. М.Я. Сироткин сѣпла палѣртатъ: «Халѣх юмах-халапѣсен, юрри-сѣввисен чи лайѣх тѣслѣхѣсене вѣл е сѣв хальлѣнех илет, е тата, хѣй калас шухѣшне витѣмлѣрех кѣтартас тесе, вѣсене хѣйне май йѣркелесе ѣсталатъ. Сѣпла майпа вулакансен ѣсталѣхне аталантарма, вѣсене пурнѣсри тѣрлѣ ѣссем сине тишкерсе пѣхма, тѣрѣс хаклама вѣрентет. Сѣмахран, акѣ «Утѣра» (хѣш-пѣр кѣларѣмра «Ви сѣсѣн» ятлѣ) шѣт, «Лаша шырани» халап, «Сармантей» юмах т. ыт.те – пурте вѣсем фольклортан илсе ѣса вѣрентсе сѣрнѣ произведенисем пулса тѣрасѣсѣ. Сѣк майпа И.Я. Яковлев вулакансене тѣван чѣлхен хѣвачѣпе илемне туйма, ѣна тивѣслѣн хисеплеме вѣрентсе пынѣ» [Сироткин, 1956, 27].

Сѣк кѣнекери хѣйлавсене ачасене воспитани парас тѣллевѣ тѣпе хурса кѣртнѣ, вѣсем чѣваш ачисене чѣн-чѣн сѣн пулса ѣсчѣр, ѣсчен те хастар, ырѣ кѣмѣллѣ, сѣпайлѣ пулччѣр, ашшѣ-амѣшне, ваттисене, ял-йыша сума суччѣр, тѣрлѣ халѣх сѣннисемпе туслѣ пурѣнччѣр, тѣван тавралѣха юратчѣр, сѣтсѣнталѣка упраччѣр тесе вѣренте сѣсѣ.

Кѣнекери нумай хѣйлав ачасене таврари сѣтсѣнталѣкпа, сѣтѣннисен, ачасен ѣс-хѣлѣпе, пурнѣсѣпе паллаштаратъ. Сѣмахран, «Кѣсѣя», «Чѣке сѣ юрри», «Сѣркунне», «Чакак», «Кашкѣр», «ѣс сѣнче», «Утѣра», «Чѣлха сѣхни», «Арман туни», «Кулачѣ» калавсем ачасене ѣсен-тѣранпа, сѣтѣннисен ѣсѣпе паллаштарасѣсѣ, ѣсе юратса, пѣлсе тумаллине вѣренте сѣсѣ, чѣрчун тѣнчине сѣнама хѣнѣхтарасѣсѣ.

Тѣпрен илсен, калавсенче тѣп сѣнарсем – ачасем. Вѣсем, хѣйсене мѣнле тыткаламаллине, ашшѣ-амѣшне, ваттисене хисеплемеллине, пурнѣсри тѣрлѣ ыйтусене татса памаллине сѣтѣннисенчен вѣренсе пырасѣсѣ. Хѣш-пѣр чух ачасем кѣтмен сѣртен инкеке леке сѣсѣ, инкекрен хѣтѣлнѣ май пурнѣса сѣнама, йывѣрлѣхсене сѣнтерме, ашшѣ-амѣшѣсен, сѣтѣннисен ѣсне хак пама, ѣнланса илме хѣнѣхасѣсѣ. Тѣслѣхрен, «Сѣркунне» калавран пѣр сыпѣк:

«Эпир ачасемпе хăма татăкĕсенчен кимĕ пеккисем турăмăр та пĕр хытăрах юхакан ҫырманна ятăмăр. Хамăр: «Камăн иртет! Камăн иртет!» – тесе кăшкăркалашса кимĕсем хыҫҫăн чупса пыратпăр.

Ҫапла чупса пынăҫемĕн эпĕ хам умра мĕн пуррине курман та, шыв лупашкине лап! кĕтĕм үкрĕм. Кĕпем-йĕмĕм йĕп-йĕпе! Сивĕ, шăнтăм хам! Кĕпе-йĕм улăштарас тесе киле чупса кайрăм.

– Аҫта йĕпетрĕн? Епле йĕпетрĕн? – теме пуҫларĕ мана анне.

Эпĕ тўррипе каласа патăм.

– Ҫук сана кĕпе! Кай, кăмака ҫине улăхса лар! Ўлĕм умна-хыҫна чипер пăхса ҫўре! – терĕ.

Шывăн турачĕ ҫук теҫҫĕ».

«Нумай пĕтĕ, сахал ҫитĕ, пĕрле пурăннине мĕн ҫитĕ?» – тесе юрлаҫҫĕ ваттисем. Ҫакăн пек сăмахсемпе вĕҫленет «Эпĕ үкĕнни» калав. Алюшпа Кĕркури сăнарĕсем урлă автор ачасене туслă пурăнмаллине, килĕштерсе вылямаллине, хирĕҫме юраманнине кăтартса парать.

Тĕпчевҫĕсем мĕн ĕлĕкренех ҫавашсен ёҫченлĕхне, вĕсем ёҫе пĕлсе, тĕплĕн тунине палăртаҫҫĕ. Уйрăмах ял хуҫалăх ёҫĕсене пурнăҫланă чух питĕ тăрăшса, пĕтĕм вайран ёҫлеме тивнĕ. Кĕнекере ҫемье, ҫемьери хутшăнусем ҫинчен калакан калавсем – «Вырмара», «Арман туни», «Сёкекен ёне», «Кулачă», «Эпĕ үкĕнни» т. ыт.те.

Чĕрчунсем ҫинчен калакан хайлавсем питĕ нумай кĕнекере: «Автан», «Чакак», «Кашкăр», «Сёкекен ёне», «Хураҫка», «Шăрчăкпа кăткăсем», «Шăши», «Уҫалма тухнă шăши ҫури», «Тилĕ тус», «Икĕ йĕкехўре» т. ыт.те. Сăмахран, «Чакак» калав: «Чакак ҫулла вăрманта пурăнать, юр ҫусан яла пырать. Ҫулла вăрманта чĕпĕ кăларать, ялтан ҫăмарта вăрласа кайса чĕпписене тăрантарать. Хĕлле, сивĕ пулсан, йывăрлăх (крыша) ҫине ларать те: «Чак-чакак, чак-чакак», – тесе чакаклатасть».

Ачасене хăйсене мĕнле тыткаламаллине вĕрентсе каланă сăмахсем те кĕнекене йышлă кĕртнĕ. Сăмахран: «Ҫын аллинчи кукаль пысăккăн курăнать тесе ахаль каламан ҫав ваттисем», «Ёҫлесе ҫисен ҫакăр та тутлă, тăрансан пыл та йўҫĕ», «Нумай пĕтĕ, сахал ҫитĕ, пĕрле пурăннине мĕн ҫитĕ», «Ҫакăр-тăвар хире-

хирёс», «Нумая хапса́нсассан нимёнсёре́х та́рса юла́н», «Туман тихан пилёкне ан ху́с», «Ута па́хакан су́ран су́ремен, ватта па́хакан вы́са су́ремен те́ссе ваттисем».

И.Я. Яковлев калавёсем синчен Н.Н. Андреева сапла сырать: «... рассказы являются письменным связующим звеном между природой, материальной средой нации и ее народной системой воспитания. В учебных текстах отражаются сезонный сельскохозяйственный труд крестьян, пахота, сев, сенокос, уборка хлеба, молотба, основные виды традиционной хозяйственной деятельности и различные объекты материальной культуры, описания хозяйственного и жизненного уклада, природы, характера воздействия человека с силами природы: «Ёс синче», «Вилне чёпё чёрёлни» «Вуртмара», «Суркунне», «Сил-та́вал», «Хёветёр» и др.» [Андреева, 1999, 55].

«Ача-па́ча калавёсем» кёнекене вы́расларан ча́вашла ку́сарна хайлавсене те нумай кёртне. И.Я. Яковлев тата уна́н ве́ренекенёсем вы́рас сыравсисен кёске калавёсене, Юма-хёсене, юптаравёсене ытларах ка́малланя: Л.Н. Толстойа́н, К.Д. Ушински́н калавёсене, И.А. Крыло́ван юптаравёсене ку́сарна. Са́махран: «Суе́сё», «Йы́тапа уна́н ме́лки», «Уса́лма тухна́ шаши су́ри», «Ике́ йёкеху́ре», «Ша́рчакпа ка́ткасем», «Тилёпе та́рна», «Кашка́рпа путе́к» т. ыт.те.

И.Я. Яковлев хавхалантарса пынипе Чёмпёрти ча́ваш шу́лёнче ве́ренекенсем хала́х юрри-са́ввисене, юмах-халапёсене пухна́, хайсем те те́рле калавсем сы́рна. Са́в калавсенчен чи лайа́ххисене суйласа илсе И.Я. Яковлев «Ча́ваш букварьне», кайран «Ача-па́ча калавёсем» кёнекене кёртне. Те́пчевсёсем палартна́ та́рах, ве́сен шу́тне «Кулача́», «Нуша», «Йа́лантарни», «Хура́ска», «Вилне́ чёпё чёрёлни», «Туй ку́рма тарса кайни», «Марук вилни» тата ытти хайлавсем кёре́сё.

И.Я. Яковлева́н «Ача-па́ча калавёсем» – кёсён су́лхи ачасене пёлу́ тата воспитани памалли па́ха мел. Кёнекери хайлавсем ту́ре чу́нла, асла́, са́пайла́, мал ёме́тле пу́лма, ёсе юратма, ашше́-амашне, ваттисене хисепле́ме, Та́ван се́ршыва, та́ван че́лхене ха́к-лама ве́ренте́сё. Са́к ыра́ та уса́лла шу́хашсене са́мра́к ару патне си́тересси – пирён тивёс.

Литература

1. *Андреева Н.Н.* Этнопедагогические и этнопсихологические аспекты совершенствования И.Я. Яковлевым содержания «Букваря для чуваш». Дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 1999. 281 с.
2. *Викторов О.Н.* Яковлев еткерлӗхӗ тата ҫамрӑксене воспитани парасӗҫ. М.: Пресс-сервис, 1998. 52 с.
3. *Краснов Н.Г.* Иван Яковлевич Яковлев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. 270 с.
4. *Метин П.Н.* И.Я. Яковлев тата ҫӑваш ача-пӑча литератури // Яковлевские чтения по проблемам воспитания детей и молодёжи. Чебоксары: Изд-во ЧГПУ, 2007. С. 217–222.
5. *Сироткин М.Я.* Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. 460 с.
6. *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. М.: Республика, 1997. 696 с.

РАЗДЕЛ II

ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО И СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЛОРИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТОВ

Ю.Н. Исаев

*Чувашский государственный институт
гуманитарных наук,
г. Чебоксары*

Обзор истории изучения флористической терминологии мы начнем со статьи Б.В. Болдырева, где проанализированы соответствующие термины различных языковых групп, дана фономорфологическая характеристика ботанической лексики тюркских, алтайских, уральских и индоевропейских языков. Здесь же рассмотрены такие проблемные вопросы, как развитие корня, словообразовательная структура слов со значением «дерево» и «лес», приведены регулярная многозначность и изосемантические ряды слов, представлены семантические переходы «дерево» ↔ «лес», «дерево» ↔ «часть дерева» и др.

Б.В. Болдырев занимался изучением некоторых языков Сибири. На материале эвенкийского языка он описал арсенал аффиксов и суффиксов, обозначающих имена существительные, которые выражают названия растений. Автор рассматривает следующие продуктивные суффиксальные показатели:

-*кта*: *болгикта* «кедр-стланик», ср. *болгич* «кедровник»;

-*г*: существительные с этим суффиксом обозначают названия зарослей трав, деревьев и кустарников: *октаг* «заросли тальника»; в качестве общего элемента -*г* содержится в суффиксах: -*лиг*, -*киг*, -*хиг*, -*саг*, -*каг*, -*ваг*, -*маг*: -*мбсаг* ~ *мбхаг* «группа деревьев»; фонетической разновидностью суффикса -*г* является показатель -*к*: *ирэк* ~ *ирэг* «лиственный лес», ср. *ирэктэ* «лиственница» суф-

фикс *-к* содержится в качестве общего элемента в показателях *-бэк*, *-нак*, *-кик*: *каригинак* «березовая роща»; фонетической разновидностью суффикса *-г* является формант *-нг*: *ах̄нг* «ельник», ср. *ах̄кта* «ель»;

-вун: *лакамавун* «вяз»;

-ки: *нелики* ~ *неликэ* ~ *нелик* «высохшее дерево»;

-кун: *м̄охакун* «лес из крупных деревьев»;

-са ~ *ха*: *м̄оса* ~ *м̄оха* «лес» [Болдырев, 1976, 52–57].

Большинство из рассмотренных суффиксов образуют существительные с собирательным значением и присоединяются к именной основе.

Следующая работа нашего обзора – монография И.М. Стеблин-Каменского «Очерки по истории лексики памирских языков: названия культурных растений» представляет собой комплексное исследование названий культурных растений Памиро-Гиндукушского региона. Культурные растения, огородные культуры, плодовые культуры, другие съедобные растения рассмотрены в историко-лингвистическом аспекте, но автор широко привлекает также этнографические, исторические, историко-культурные, этноботанические и этимологические данные. В монографии впервые детально проанализировано возникновение этих терминов в связи с историей земледелия на Памире, определены три пути проникновения названий культурных растений в памирские языки. На основе исследования автор приходит к выводу, что большая часть названий культурных растений в памирских языках являются заимствованиями и относятся к словам культурного круга [Стеблин-Каменский, 1974, 1982]. Статья этого же автора, посвященная флористической терминологии, называется «Флора иранской прародины: этимологические заметки» [Стеблин-Каменский, 1974, 13].

В русском языкознании флористическая лексика описана В.А. Меркуловой. Ее монография «Очерки по русской народной номенклатуре растений» (1967) представляет большой интерес. Автора интересуют слова с затемненной этимологической структурой, они являются особым объектом исследования. Отдельные статьи В.А. Меркуловой посвящены принципам этимологии названий растений. Так, в статье «Несколько диалектных названий растений» автор пишет, что «иногда представляют интерес и такие слова, после которых нет пометы «неясно» и словообразовательная структура которых проста и понятна. Неясность возникает лишь при более внимательном взгляде на семантические от-

ношения производного и производящего, и простая этимология оказывается нуждающейся в дополнительной аргументации. Трудный случай для этимологии представляют слова, утратившие по каким-либо причинам родственные связи и подвергшиеся разного рода искажениям контаминации. Сложнее дело обстоит с заимствованиями, воспринятыми при непосредственном контакте двух языков [Меркулова, 1967, 153–160].

У исследователя есть отдельная статья под названием «К этимологии слова *пихта*». Автор не соглашается с мнением А. Преображенского, что «пихта – дерево *Pinus sibirica*; *пихтовый* (диал. сибирск. *пихтарь* ~ пихтовый лес) заимствовано из немецкого *Fichte* «ель», а также «сосна, пихта»; «заимствование народное» [Меркулова, 1960, 46–51]. Раньше такую мысль высказал Матценауер: *пихта* русск. *Pinus picea* «ель», «сосна» из немецкого *Fichte*. М. Фасмер придерживается того же мнения, ссылаясь на Преображенского и Матценауера.

Первое возражение автора сводится к тому, что, во-первых, пихтой в русском языке называется дерево *Abies sibirica*, а не *Pinus sibirica*, как пишет Преображенский, и не *Pinus picea*, как пишет Матценауер. Кроме того, *Fichte* в немецком «ель», в некоторых местах – «сосна», но не означает пихты.

Во-вторых, если предположить заимствование из немецкого языка, то оно могло произойти или через польское посредство, или прямо из немецкого языка. Но в других славянских языках, в том числе и в польском, слово *пихта* не отмечено. К тому же прямое заимствование из немецкого *Fichte* дало бы в русском *фихта*.

В-третьих, дерево *Abies sibirica* *пихта* встречается на территории России в северо-восточных областях и Сибири. В тех же областях отмечено наличие следующих дериватов: *пихтарник* «пихтовый лес»; *пихтач* «пихтовые деревья», «пихтовый строительный материал», *пихтарь* «пихтовая роща», а в Архангельской области встречается форма *пифта* (x~ф).

Мнение В.А. Меркуловой сводится к тому, что русские могли заимствовать слово *pink*, *pihku* в значении «большой густой лес» или «сосняк», «сосна» из западно-финских языков. В олонекских и архангельских говорах *пихта* встречается в значении «мелкая еловая заросль», *пиха* – «бор» и они легко могли быть перенесены на название дерева *пихта*. Ср. в финских языках *pink* – «большой густой лес», *pihku* – «сосна», *pihka* – «смола». В последнем примере *pihka* (где *-ка* воспринимается как суф-

фикс уменьшительности, т.е. *пивка* «мелкий частый молодой лесок», «густой мелкий лес») из фин. *pihka* [Меркулова, 1960, 46–51]. Выделяя суффикс *-ка* в качестве показателя уменьшительности, автор ни слова не упоминает об оставшейся части слова, т.е. корне.

Г.А. Богатова обратила особое внимание на историю существительного *древесина*. Слово *древесина* возникло в начале XIX в. как узкоспециальный естественнонаучный (ботанический) термин, термин анатомии растений. Несмотря на внешние «древние» показатели составных частей слова (корень *древес-*, включающий древний основообразующий формант *-ес-*, и один из старейших славянских суффиксов *-ин-*), история существительного *древесина* относится совсем к другой эпохе (XIX в.).

Другие славянские языки при наименовании древесины использовали чаще всего почти ту же самую словообразовательную модель или, по крайней мере, одну из составляющих ее частей: укр. *деревина* «древесина»; белор. *драўніна*; чешск. *drevovina*, словац. *drevovina* «целлюлоза», *drevina* бот. «древесина», но *drevo* техн. «древесина»; болг. *дървесина*, но польск. *drewnik* «древесина, целлюлоза» и *drewno* техн. «древесина, лесоматериалы».

Термином *древесина* примерно до 40-х г. XIX в. пользуются лишь в научных трудах по ботанике. В трудах иного назначения даже сами ботаники предпочитали слово *дерево* или неполногласный вариант его *древо*, первоначальной основой последнего в праславянском языке считалось *dervo*. Вместе с неполногласным *древо* из памятников церковно-богослужебной письменности попала на русскую почву основа *древес-* [Богатова, 1984].

Автор почему-то форму *древес-* считает корнем и притом глагольным, но тут же указывает, что *-ес-* – основообразующий формант. Естественно, корнем слова, как указывают этимологи, является *дер* < и.-е. **dru* «дерево».

Этимология названий деревьев, кустарников, ягод и некоторых географических терминов в мансийском языке описана Е. Ромбандеевой. Исследователь отмечает, что «манси исключительно точно и метко отмечают характерные особенности древесных объектов, их предназначение и пригодность в хозяйственной деятельности человека, что позволяет утверждать, как внимательны и наблюдательны были предки народа манси к своей окружающей среде, природе и верно умели определить ценность предмета» [Ромбандеева, 2000, 86–89].

Многие этимологии названий деревьев напоминают народную (ложную) этимологию. Например, *унльпа* «кедр» от манс. *унлуп* «древний, вековой» или от *унль* «прочный, устоявшийся», где *-па* суффикс причастия, букв. «древнейший», «устоявшийся»; ср. *унлуп вөр* «могучий, древний лес». Здесь *-па* не может быть суффиксом причастия, ибо *унль* – прилагательное, а не глагол; а *-па* – вовсе не суффикс причастия, а полнозначное слово *па* «дерево»; ср. мар. *пу* «дерево, дрова»; ср. мар. г. *люлпы* «ольха». В словах *лямйив* «черемуха», *пащарйив* «рябина» также есть полнозначное слово *ййв* «дерево», напоминающее первую часть чувашского слова *йыв(ăç)* «дерево». В слове *мāсыс ййв* «можжевельник» *ййв* написано отдельно, и словосочетание мотивировано так: от манс. *Мā* «земля», *сыс* «спина», «поверхность земли», *ййв* «дерево»; этот куст низкорослый, прижимается как бы к земле («спине» земли), букв. «земли спины дерево».

Композитное образование названий ягод: *суйпил* «брусника» от манс. *суй* «бор», *пил* «ягода», букв. «боровая ягода».

По мнению Е. Ромбандеевой, в фитонимах содержится всесторонняя характеристика отдельной части реалии: ствол, ветвь, качество древесины и др. Наиболее многочисленны номены, характеризующие качество древесины, её содержимого: 1) «дерево с длинным голым стволом с ветвями лишь наверху» – *тарыг* «сосна» от манс. *тāрыг* «журавль». Сосна – дерево светолюбивое, тянется вверх, ее нижние ветки сохнут и ломаются, ствол голый, лишь на верхней части ствола ветки с зелеными иглами. На расстоянии она смотрится как журавль на длинных ногах. Отсюда название сосны (оригинальный образец народной этимологии – Примеч. автора); 2) «дерево, обладающее липкой серой» – *нюлы* «пихта» от манс. *нюлт-ункве* «клясться, давать клятву». В прошлом серу пихты применяли при разрешении споров установлении чести и достоинства человека. Сера пихты липкая. Если участники спора грешны, то грех к ним «прилипает» вместе с серой пихты навсегда, не смыть греха, как и серу пихты; 3) «дерево, имеющее большие размеры» – *нāнк* «лиственница» от манс. *нāнк-ункве* «быть видным, могучим», «виднеться». В регионе расселения манси это дерево действительно видное, могучее, прочное, высокое [Ромбандеева, 2000, 86–89].

О флористической терминологии на материале бурятского, монгольского и калмыцкого языков пишет Ц.Б. Будаев. Автор подчеркивает: «Анализ флористических названий в монгольских языках показывает, что они даются по следующим признакам

растений: а) по цвету: *улаагана* «красная смородина» (от основы *улаан* «красный») (но вторую часть этого слова автор оставляет без объяснения. – Ю.И.); б) по форме; в) по вкусу; г) по месту и времени появления; д) по лечебным свойствам; е) по производному действию». В статье указаны не только мотивированные названия растений, но и немотивированные: монг. *жодоо* «пихта»; монг. *сухай*, бур. *хухай* «тамариск»; бур. *шасаргана*, монг. *чацаргана* «облепиха». Обратите внимание: элемент *-гана* встречается в словах *улаагана*, *шасаргана*, *чацаргана*, *шэвээт хялгана* «ковыль-волосатик»; образ, положенный в основу этих слов, стерся и забыт. Однако автор надеется, что «дальнейшее развитие науки о языке должно вскрыть внутреннюю структуру, характер связи между первоначальным смыслом подобных слов и их внешним оформлением»; ср.: *алтан хаггана* «карагана карликовая», *алтаргана* «карагана мелколистная»; *балшаргана* «чемерица»; фонетические варианты: *-гэнэ* (*зэргэнэ* «хвойник»), *-гоно* (*носоргоно* «репейник»).

Среди аффиксов (суффиксов), образующих названия растений, автор указывает: *-лзай(-лзой)*, *-аахай*, *-лдай*, *-лж(о)*: *улаалзай* «лилия узколистная», *халаахай* «крапива»; *боролж ~ боролжо* «береза кустарниковая», *шаралдай* «сурепица».

По поводу заимствований автор считает, что флористическая терминология пополняется за счет слов, пришедших из русского, тибетского и тюркских языков. Общемонгольскими автор считает слова: монг. *хус*, калм. *хусм*, бур. *хуһан* «береза»; монг. *хуш*, калм. *хошун мод*, бур. *хуша* «кедр»; монг., бур. *алим*, калм. *альмы* «яблоко». К статье приложен краткий словарь бурятско-русских названий флоры с приведением монгольских и калмыцких соответствий [Будаев, 1960, 80–88].

Особый интерес вызывает статья А.С. Львова «Славянские слова с корнем *chal-/chol-*», которая посвящена раскрытию этимологического корня. Слова *халуга*, *haluga* в форме ед. ч. известны ряду современных славянских языков с множеством значений: «густой лес», «бурьян», «пропасть, ущелье», «хворост», «морская трава», «частый кустарник», «водоросль» и т.д. В русском языке: *холудина* «жердь», *холудье* «мелкий лес», «кустарник», «хворост». Автор допускает, что *холудье* в прошлом *choldie*, т.е. образовано от основы *chalon* + суф. *-d* + суф. собират. *-ie*. Этимологически неясное *chalupa* «хижина, изба» относится сюда же, образовано присоединением к корню *chal-* + суф. *-ир-а*, что характерно для западноевропейских языков. От корня *хал-/хол-*

образованы: *халушиша* «длинная палка», *захолустье* «чаща в лесу», «глухое место в лесу», *холудье* «кустарник», «мелкий лес» и т.д. Во всех этих словах автор обнаруживает корень *хал-/хол-; chal-/chol-*, которые первоначально могли обозначать «кустарниковое растение», по-видимому, растущее у воды, гибкое, пригодное для строительства шалаша, хижины, изготовления плетенок и т.д.

Здесь возникает вопрос: почему А.С. Львов корень *хал-/хол-* везде указывает как глагол, хотя и говорит, что этот корень мог означать «кустарниковое растение», т.е. он представлен как именной корень, а не как глагольный.

Далее автор пишет, что славянское *chal-/chol-* не имеет соответствий в других индоевропейских языках в том виде, в каком этот корень зафиксирован в приведенных выше словах. Однако в своем первичном значении («прибрежное, легко гнущееся кустарниковое растение») этот славянский корень, несомненно, близок к лат. *salix* «ива». Автор допускает, что *chal-/chol-* могли восходить к **sōl-/ *sel-*, и тут же пишет: «Отметим, что слова с корнем *chal-/chol-* зафиксированы только в формах имени. Это понятно, т.к. от непроемных основ слов, являющихся названием растений, глагольные формы образуются исключительно редко, притом исторически поздно и обычно имеют переходное значение, подобно русскому глаголу *дубить*» [Львов, 1960, 27–38]. Сказано несколько оригинально.

Автор считает, что корень *chal-/chol-* в результате контаминации мог дать вариант *gal-/gol-*. В итоге он приходит к выводу, что славянский корень *chal-/chol-* возводится к лат. **sōl- *sel > salix* «ива». Но в русском слово *ива* в древности не являлось названием *salix*; ср. *ивка* «дубровка», сербохорв. *ивица* «тис», чешск. *yiva* «тис», латыш. *ёва* «черемуха», а в греческом это – «рябина» [Львов, 1960, 27–38].

В монографии А.К. Шагирова «Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков» есть раздел «Слова, связанные с растительным миром», где в позициях 109–122 даны этимологии слов *орех, слива, груша, колючка, просо, нива, яблоко, кустарник, пихта, дерево* (как материал), *бук, зерно, дуб, каштан, лес*.

Интерес для нас представляют названия деревьев и слова *дерево* и *лес*.

Как и во всех языках, одно и то же слово или его дериваты могут означать и «лес», и «дерево»:

– адыг. *мэзы*, каб. *мэз* «лес», убых. *мыдзэ* «ель», абх. *а-мза* «сосна»;

– абх. *а-бна*, абаз. *бна* «лес», каб. *банэ* «колючка, кустарниковые растения», убых. *бынэ* «лес» могло быть заимствовано из абхазо-абазинской подгруппы;

– абх. *а-пса*, абаз. *пса*, адыг. *псэйы* «пихта»; убых. *псы* «ель»; *псыс* «древесина ели»; *псыгъуыны* «ель (дерево)», где *гъуыны* – «дерево»; тут же автор приводит ложную этимологию: «У Диррамы находим *бзыгъуыны* «кипарис», где *гъуыны* «дерево». В первой части *псэгъуыны* (ср. у Месароша *псыгъуыны*) усматривается *псэ* «рыба». По автору, последнее могло быть использовано из-за внешней формы дерева» [Шагиров, 1982];

– адыг. *пхъэ*, каб. *пхъэ*, убых. **мышъ(э)*, абх. **мхъа* «дерево (как материал), древесина»;

– адыг. *тфэйы*, каб. *тхуей* «бук»; ср. абх., абаз. *пччийэ* «бук»; адыг. лит. *пчэйы*, каб. *бжсей* «чинара»;

– адыг. **чъы*, каб. **жы*, абаз. **джъы* «дуб»; в адыгских языках лексема вычленяется из *чъыгы/жыг* «дерево», первоначально означавшего «желудь» – «семя (плод) дуба» [Шагиров, 1982].

В монографии Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индо-европейский язык и индоевропейцы» (Ч. 1–2) исследуются теоретические проблемы сравнительно-исторического (диахронического) языкознания в сопоставлении с типологической лингвистикой и лингвистикой универсалий.

Первая часть работы представляет собой исследование индоевропейского праязыка, охватывающее широкий круг фактов и дающее достаточно полное представление о характере этого языка в его динамическом развитии и типологическом соотношении с другими языковыми системами. Особый интерес представляют вопросы, касающиеся структуры индоевропейского корня. По мнению авторов, «корневая морфема определяется, как та сегментная часть словоформы, которая остается после вычленения аффиксальных элементов в реконструированных архетипах соотносимых друг с другом слов родственных языков [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, I, 215].

В этой работе также разбираются проблемы формально-семантической реконструкции праязыковой лексики и выявления на этой основе картины культурно-исторических реалий среды обитания племен-носителей праязыковой системы. Праиндоевропейская лексика представлена по семантическим группам. Исследуются фрагменты индоевропейской культуры, а также культур-

но-исторические связи индоевропейской лексики со словами широкого круга языков древней Евразии. «Семантический словарь» общеиндоевропейских лексем составлен не в алфавитном порядке, а по смысловым группам, объединяющим слова общей семантики. В каждой словарной статье «Семантического словаря» рассматриваются не только формальные соответствия между родственными словами индоевропейских диалектов, но и все явления материальной и духовной культур. Затем на этом основании дается соответствующая реконструкция и для общеиндоевропейского уровня. Особую ценность и значимость для реконструкции по лингвистическим данным экстралингвистических факторов исторического существования носителей определенных языков приобретает формально-семантический анализ лексики, отражающей все основные моменты исторического существования носителей этих диалектов и языков.

В понятие исторического существования носителей диалектов и языков включается как экологическая среда (фауна, флора, географическое окружение и климат) их обитания и движения в этой среде, так и их культура в широком смысле (материальная и духовная). Семантическая реконструкция соответствующих лексем диалектов определенного языка позволяет представить картину основных моментов исторического существования носителей родственных диалектов.

Вторая часть монографии «Индоевропейский язык и индоевропейцы» включает главу под названием «Индоевропейские названия растений. Хозяйственное использование растений и их ритуально-культурная роль у древних индоевропейцев». Исследование начинается с описания лексем со значениями «дерево» и «дуб». Слово «дерево» является общеиндоевропейским – хет. *taru*, рус. *дерево, древо*, алб. *dru* «дерево», лит. *derva* «сосна», «смола», др. ирл. *daur* «дуб», др. сакс. *trio* «дерево», «бревно». Авторы приводят семантическое развитие лексемы со значением «дерево», «дуб»: «дерево, древесина»; «дерево, дуб» «прочный, верный, надежный»; «вера, убеждение»; «дерево, дуб» ~ «изделия из дерева, дуба»; «дуб, желудь».

В аналогичном порядке приведены названия: *береза, бук, граб, ясень, осина, тополь, ива, ветла, тис, пихта, ель, сосна, ольха, ореховое дерево, кизил, вишня, тутовое дерево, шелковица*. Далее описанию подверглись культурные растения и злаки: *виноград, зерно, ячмень, пшеница, просо, рожь, овес, лен, конопля*; кустарники: *вереса, роза, шиповник*.

Слова *буква*, англ. *book*, нем. *Buch* связаны с особым сакральным значением «бука» в германской традиции, т.е. с использованием букового дерева и гладкой его коры как материал и средство для письма, что и отражено в приведенных выше словах. Германское слово *bōka* «буква» заимствовано славянскими языками: ст. слав. *bukī* «буква». Связь названий деревьев – «береза (береста)», «бука», «граба» – с терминологией письма указывает на технику письменности и изготовление материалов для письма в древнейших индоевропейских культурах.

Семантический перенос «яшень» → «бук», «бук» → «дуб» входит в систему семантических сдвигов в семантическом поле названий деревьев, мотивированных специфическими экологическими и культурными условиями.

Лексемы типа *abse, apse* «осина» заимствованы из индоевропейских языков в тюркские языки: *ансак ~ аспак ~ айас* «осина, тополь».

Фитонимические названия типа рус. *ива* в ряде языков обозначают другие названия деревьев: «тис ~ ива» (др.-чеш.); «черемуха» (лит., латыш.), «виноградная гроздь» (лат.), «рябина» (греч.).

Во многих индоевропейских языках значения «яблоко» и «яблоня» выражаются одним и тем же словом. Составляя хет. *šam(a)lu* «яблоко» с группой индоевропейских слов для «яблока» и «яблони», авторы считают их соотносимыми друг с другом образованиями от общеиндоевропейской основы **šam(a)lu* в значении «яблоко». В тюркских языках древнеиндоевропейские **amlu* «яблоко» дает историческое **алма*.

Рассматривая процесс словообразовательного и семантического анализа флористической терминологии, авторы пришли к следующему выводу: в историческом отыменном словообразовании аффиксы (суффиксы) имели, как правило, значение уменьшительности, собирательности (иногда уподобления, но основа (корень) сохраняла свою семантику.

По признанию авторов, семантический словарь индоевропейских реконструкций является, в сущности, индоевропейским этимологическим словарем с расположением лексем не в алфавитном порядке, а по определенным семантическим группам [Гамкрелидзе, Иванов, 1984].

Литература

1. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М.: Наука, 1984. 255 с.

2. *Болдырев Б.В.* Словообразование имён существительных, обозначающих названия растений // Исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1976. С. 57.
3. *Будаев Ц.Б.* О флористической терминологии // Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып. 3. Улан-Удэ, 1960. С. 80–88.
4. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд. Тбилис. ун-та, 1984. Ч. 1. 428 с. Ч. 2. 1328 с.
5. *Львов А.С.* Славянские слова с корнем *chal-/chol-* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М.: Изд. Моск. ун-та, 1960. С. 27–38.
6. *Меркулова В.А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967. 251 с.
7. *Меркулова В.А.* Несколько диалектных названий растений // Этимология, 1965. М.: Наука, 1967. С. 153–160.
8. *Меркулова В.А.* К этимологии слова *пихта* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 1. М.: Изд. Моск. ун-та, 1960. С. 46–51.
9. *Ромбандеева Е.* Этимология названий деревьев, кустарников, ягод и некоторых географических терминов в мансийском языке // Финно-угроведение. № 2. 2000. С. 86–89.
10. *Стеблин-Каменский И.М.* Очерки по истории лексики памирских языков: названия культурных растений. М.: Наука, 1982. 165 с.
11. *Стеблин-Каменский И.М.* Флора иранской прародины: этимологические заметки // Этимология, 1972. М., 1974. С. 138–140.
12. *Шагиров А.К.* Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. М.: Наука, 1982. 164 с.

А. РОНА-ТАШ О РЕЗУЛЬТАТАХ ПОСЛЕДНИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЮРКСКОГО И ВЕНГЕРСКОГО РУНИЧЕСКОГО ПИСЬМА (ОБЗОР)

Ю. Дмитриева
г. Чебоксары

А. Рона-Таш в монографии «*A honfoglaló magyar nép*» (Венгерский народ эпохи обретения родины) (Будапешт, 1996) затрагивает и вопрос венгерского рунического письма. Среди археологических источников ранней истории венгров он анализирует (с. 110–115) рунические надписи игольницы позднеаварской эпохи с местечка Сарваш, а также Надьсентмиклошского сокровища. В главе XI «Новейшие исследования и труды» (с. 315–317) рассматривает памятники восточноевропейских рунических надписей, а на с. 335–341 под подзаголовком 5 анализирует секейскую рунику.

В местечке Сарваш в могильнике, датируемом второй половиной VIII в., была найдена игольница из кости, напоминающая брусок. На всех четырех сторонах игольницы имеется по одной строчке. Вся надпись состоит из 59 нацарапанных букв. Буквы надписи, по сути, тождественны с буквами другой важной находки эпохи – рунической надписи сокровища из Надьсентмиклоша.

Сокровище из Надьсентмиклоша представляет собой 23 золотых предмета, датировка и происхождение которых со времен обнаружения, т.е. с 1799 г., не были установлены. Предметы восходят к разным эпохам, многие из сокровищ имеют еще и копии. На находке имеется одна надпись на греческом языке, выполненная греческими буквами, далее следует надпись не на греческом языке, но на греческом алфавите, кроме этого имеются рунические надписи. Среди рунических надписей некоторые встречаются несколько раз. На предметах различаются всего 14 разных надписей, нацарапано также изображение шатров кочевников.

Одна надпись повторяется 5 раз, две надписи – по 2 раза. С помощью надписи из Сарваша (игольницы) мы имеем возмож-

ность датировать и надписи Надьсентмиклошского сокровища второй половиной VIII в.

При последнем исследовании сокровища удалось установить не только хронологию создания отдельных предметов, но и фазы переделок одного и того же предмета. Как отмечает автор, возможно, самым важным результатом исследования является то, что надписи были нанесены на предметы относительно поздно. На его взгляд, ясно, однако, что в некоторых случаях предмет и надпись относятся к одному времени. Надписи, встречающиеся много раз, тоже имеют одновременное происхождение по отношению друг к другу. Во всяком случае, по рассуждению автора монографии, история сокровища имела три фазы: «христианскую», «руническую» и «фазу переделки», когда предмет был приспособлен для подвешивания на пояс.

На надписи, сделанной греческими буквами, но не на греческом языке, хорошо читаются два имени и титула: *Bujla zoapan* и *Butaul zoapan*. Имена, несомненно, тюркского происхождения, однако язык надписи, так же как и язык рунических надписей, до сих пор не удавалось точно установить.

Все же можно утверждать: как надпись из Сарваша, так и надпись из Надьсентмиклоша были сделаны на языке одного из народов поздней аварской эпохи, и у этого народа имелся один не латинский шрифт или письмо. На этом языке писал тот народ, вожди которого носили тюркские имена и славянские титулы. Это – значительный шаг вперед к определению народности позднеаварской эпохи. Данная руническая надпись из местечка Надьсентмиклош, судя по ее типу, относится к семейству восточно-европейских рунических надписей.

За последние десятилетия увеличилось число археологических находок, имеющих на себе восточноевропейские рунические надписи. А. Рона-Таш классифицирует их следующим образом:

1. Северный Кавказ – Прикубанье
2. Волга–Дон
3. Добруджа
4. Восточная Болгария
5. Карпатский бассейн

Публикации более чем 100 коротких надписей оставляют желать лучшего. Из них всего лишь две надписи длиннее надписи на игольнице из Сарваша. Автор монографии уверен, что здесь

мы имеем дело со многими местными вариантами одного и того же письма. По его мнению, очевидно, данное руническое письмо появилось там, где находились хазары и оногуро-булгары. В Сибири, где были обнаружены восточнотюркские надписи, нашли недавно 3 надписи, принадлежащие не к восточнотюркскому, а к восточноевропейскому же письму.

Данное письмо имеет большое значение для изучения истории венгерского народа эпохи обретения родины хотя бы потому, что происхождение секейского рунического письма до сегодняшнего дня не расшифровано.

В венгерском языке как глагол *ír* 'писать', так и слово *betű* 'буква' имеют тюркское происхождение. В связи с этим можно предположить, что данный вариант рунического письма венгры заимствовали в тюркском, по всей вероятности оногуро-хазарском, окружении, т.е. там же, где и большинство тюркских заимствований венгерского языка. Однако секейское руническое письмо имеет и буквы греческого происхождения, а также и буквы, попавшие в него через славянское посредство, поэтому сегодня, в свете новых находок, мы уже ближе к решению этого вопроса [Róna-Tas, 1996, 110–115].

На двух страницах автор монографии излагает результаты новых исследований, перечисляя немногочисленные новые археологические находки, на которых обнаружены рунические надписи. Здесь же дается подробная литература их прочтения [Róna-Tas, 1996, 315–317].

Пятый подраздел главы XI посвящен секейскому руническому письму.

Первые упоминания о существовании секейского рунического письма относятся к концу XIII в. (в хронике на латыни Шимона Кезаи) и к концу XV в. (в хронике Туроци). Первые памятники, написанные секейским руническим письмом (6 штук), тоже восходят к концу XV в.

По мнению А. Рона-Таша, нельзя согласиться с утверждением, что секейское руническое письмо изобрели при дворе короля Матяша. Однако имеются доказательства, что там его знали и оно было популярным. Не исключено, что в то время на него была мода.

До сих пор неясно происхождение этого письма. На основе самого письма можно сказать, что на формы букв повлияло то,

Известно, как далее пишет А. Рона-Таш, что в позднеаварскую эпоху в Карпатском бассейне пользовались одним руническим письмом. Сегодня мы уже знаем его многочисленные памятники, и по двум самым значительным из них письмо названо надьсентмиклошко-сарвашским. Оно относится к семье восточноевропейских рунических писем. Несмотря на все это, не хватает звена, связывающего секейское руническое письмо с позднеаварскими и другими восточноевропейскими памятниками. А. Рона-Таш предполагает, что отсутствующие звенья – это знаки, нанесенные на кирпичах венгерских церквей XI–XII вв. В конечном итоге он считает, что венгры имели свою собственную письменность в промежутке между основанием государства и заимствованием латинского алфавита. Ее вытеснил латинский алфавит, но в эпоху Возрождения (XIV–XVI вв.) ее восстановили, как это случилось и с германским руническим письмом при дворе скандинавских правителей.

Автор монографии уверен, что секейская руническая письменность непосредственно связана с историей венгров эпохи обретения родины [Róna-Tas, 1996, 335–341].

Литература

1. *Róna-Tas A.* A honfoglaló magyar nép. Bevezetés a korai magyar történelem ismeretébe, Budapest: Balassi, 412 p. 8 t.

ЭТНОНИМ «СКИФ / АШГУЗ» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ И АККАДСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

З. Г. Гасанов

*Институт истории Национальной АН Азербайджана,
г. Баку*

О возможном происхождении этнонима «скифы». Вопрос о происхождении и правильном прочтении слова «скиф» является ключевым в скифологии. Существует мнение, что слово Σκυθης (скиф) (Σκυθαί – скифы) никогда не существовало и что оно было придумано греками для обозначения всех кочевников вне зависимости от их этнического происхождения (скиф = варвар). Это мнение основано на переводе фразы Геродота о том, что эти племена называются сколотами, а скифы – это имя, которое им дали греки. Данное мнение представляется безосновательным и не отражает текста Геродота по следующим причинам.

Во-первых, фраза Геродота, как правило, переводится «Эллины же зовут их скифами» [Геродот, 1972, IV, 6]. Разница между значениями слов «зовут» и «назвали» налицо. Во-вторых, ассирийские источники, как и Книга Бытия, сохранили корень этнонима в виде слова гуз. Тот факт, что это слово было зафиксировано за 200 с лишним лет до Геродота, говорит о том, что «скифы» (Σκυθαί) – не вымышленное определение, введенное греками, а название определенной группы племен. В-третьих, Геродот ссылается на работы еще более древних греческих авторов. Так, он упоминает Аристея, который в своей книге описывает, как скифы под нажимом исседонов были вынуждены покинуть свои земли и захватить земли киммерийцев, которые, в свою очередь, также покинули свои земли и заняли чужие территории [Геродот, 1972, IV, 16]. Аристей, посетивший скифские земли, имел возможность получить сведения, что называется, из первых рук. Идентичность описанных в поэме Аристея событий, происходивших со скифами и киммерийцами, а также фактов об ашгузях и гимирах в ассирийских источниках вкупе с идентично-

стью их имен дает нам основание полагать, что Аристей был компетентен в описании событий и имен. Гесиод, труды которого датируются VIII в. до н.э., мог быть другим греческим автором, основываясь на работах которого Геродот написал свою книгу. Т. Сулимирский считает, что Гесиод первым использовал слово «скиф» [Sulimirski, 1954, 282].

Еще до Геродота у эллинов бытовал миф о происхождении скифов от Геракла. Помимо этого у скифов и греков были и другие идентичные мифы, в частности миф о сыне Посейдона, крылатом коне Пегасе (этот вывод следует из скифских археологических находок с изображением Пегаса) [Erlich, 2007, 213], миф об одноглазом великане Полифеме и одноглазых аримаспах. Все это подтверждает мнение о том, что задолго до появления труда Геродота между греками и скифами существовали тесные связи.

Является ли этноним Σκυθαί (скифы) самоназванием этого этноса или это лишь форма обращения к ним эллинов? Неправильная трактовка и неверное прочтение исторических названий, в частности этнонимов, часто приводит к неправильным выводам о реалиях исторической действительности.

Версии прочтения этнонима «скиф». Наиболее оптимальным вариантом рассмотрения слова «скиф» представляется сопоставление известных нам записей, графических воспроизведений этого этнонима. Наиболее широко известная форма написания слова «скиф» встречается у Геродота: Σκυθης — *скузэс* (единственное число) или Σκυθαί — *скузай* (множественное число). Другой вариант известен по ассирийским и вавилонским источникам: *ашгузай* и *ишгузай*. В Библии скифы проходят под именем *ашгуз* [Дьяконов, 1956, 243]. Идентичность греческого и семитского написаний очевидна. Как мы видим, в обоих случаях корнем слова является *куз* или *гуз*. Идентичность прослеживается и в описании событий, происходивших со скифами (Σκυθαί) и киммерийцами (Κιμμεριοι) у Геродота и *ашгузай* (asguzaai) и *гимирай* (gimirrai) в ассирийских источниках, что также подтверждает версию об одном и том же народе [Minns, 1971, 42].

Встречающееся у Геродота Σκυθης на русском языке принято читать как «скиф», а на английском как «scyth» (*скиз/сиз*). Хотя английский вариант записи ближе к оригиналу, чем русский, он также неточен, о чем пойдет речь ниже. Попытаемся разо-

браться в принципах написания этого этнонима в языках, имеющих для нас особое значение.

Обращение к турецкой форме записи обнаруживает сохранение в этнониме компонента Σ «с», перед которым введен традиционный для турецкого языка гласный звук «и», характерный для слов, начинающихся со сдвоенных согласных: греческое «υ» прочитано как «и». В конце слова греческое θ (th) прочитано как «т», в результате чего *скиф* в турецком языке звучит как *искит*.

Что касается употребления этого этнонима в русском языке, то здесь наблюдается сохранение компонента Σ «с», греческое ι , прочитанное как «и», θ прочитанное как «ф». В результате получается «скиф». Слово «скиф» в азербайджанскую науку пришло из русской, в частности, советской науки.

В ассирийских текстах этот этноним приводится как *ашгузай*. (И.М. Дьяконов приводит также еще одну версию – *аскузай*.) Компонент Σ здесь появляется в виде *ас/аш*, подтверждая тем самым его истинную функцию, меняющуюся в зависимости от сферы применения языка. Корневым является самоназвание этноса в виде *гуз*. И. Алиев идентифицирует ишгузов с принятыми в азербайджанской науке скифами, но при этом дополнительно приводя и форму написания *шкуда* [Əliyev, 1998, 221].

И.М. Дьяконов идентифицирует греческое понятие «скифы» и ассирийское понятие «ишкузай». Он говорит, что в восточных источниках скифов называли *аш-гуза(й)*, *ас-гуза(й)* (ассирийские), *ишкуз-а(й)* (вавилонские) и *ашгуз* (древнееврейские) [Дьяконов, 1956, 242–243]. Далее Дьяконов приводит транскрипцию греческой формы написания термина «скифы» как *skuthai*. По нашим наблюдениям, так назывались именно те скифы, которые жили в Передней Азии и на Южном Кавказе, в частности в Азербайджане. Бросается в глаза то, что это название состоит из исконного корня *гуз/куз* и компонента *аш*, *ас*, *иш*. Ниже мы рассмотрим наличие в тюркских языках этих составляющих.

Компоненты «с» и «ск». Существует большое количество примеров искажений в греческих источниках иностранных имен, причем еще более искажались они при дальнейших переписываниях. К примеру, имя предводителя кавказских гуннов в «Хронографии» Малаласа в манускрипте «Codex Bezae Cantabrigiae» было записано как Τυραξ . У Теофанеса оно проходит как $\Sigma\text{τυραξ}$. Идентичный пример добавления буквы «с» перед согласным в начале

слова мы прослеживаем и у Геродота, в том месте, где он повествует о младшем сыне Таргытая, Колаксае (Κολαξαιν), который стал царем [Herodotus, 1921, IV, 5]. Далее в шестой главе Геродот отмечает, что от Колакся пошло племя паралатов, а от его братьев – племена авхатов, катиаров и траспов. Но затем Геродот указывает, что все эти племена вместе назывались «сколотами» (Σκολοτους) в честь их царя Колакся [Herodotus, 1921, IV, 6]. Близость имен Колаксай и Сколот очевидна. В обоих словах корнем является *кол* (κολ). Таким образом, корень *кол* (κολ) прослеживается в обоих словах. Но возникает вопрос о происхождении компонента «с» (Σ) в начале слова «сколот».

О греческой традиции добавлять к началу слова согласную «с» (Σ) российский историк конца XVIII – начала XIX в. С.С. Богуш пишет: «Мы уже заметили, упоминая о таковых различиях, причину перемен, введенных греками в произношение многих слов, которые они любили произносить пришептывая. Привыкшие к таковой нежности языка, они умягчили Д и Θ, примешивая к ним нечувствительно звук буквы «с», а иногда присовокупляли и сию согласную в начале некоторых иностранных имен, дабы сделать оныя по произволению их звучнее. Таким образом, из Кимвра Мердиса, Альпеса, Колие сделали они Скимвры, Смердис, Сальпие, Сколие; а из ГиѠа — СгийѠ и СкиѠ». По поводу употребления слова *гийѠ* (*гийѠ*) Богуш ссылается на Спартиана, который «писал в конце третьего века». Далее Богуш, ссылаясь на Платона «Кратила», делает следующее заключение: «Платон сказал именно, что греки приноравливали иностранные имена к свойству своего языка и что он не смел сам из уважения к своим сочинениям писать атлантических имен, не смягчив их произношение» [Богуш, 1806, 140–141].

Компоненты «аш», «ас», «иш». В тюркских языках *аш* означает «пересекать, переходить, преодолевать, переваливать (гору)». В памятнике «Кюль-тегина» *аш* приводится в контексте с упоминанием страны киргизов — *Аша кыргыз* [Древнетюркский словарь, 1969, 62] или *Ашкыргыз*. Если принять эту версию, то получается, что ашгузами были гузы, которые преодолели гору, т.е. пришли из-за гор (имеются в виду Кавказские горы).

Компонент *ас* в тюркских языках переходит в *аш*. *Иш* (кроме случаев, когда это слово означает «работа») переходит в тюркских языках в *еш* и употребляется в двух значениях: «грести» и

«скакать», «бежать» [Древнетюркский словарь, 1969, 59, 185]. Применительно к скифам, которые прибыли в эти места из Северного Причерноморья, это может означать и то, что они добились либо морем, либо сушей. Как значится в словаре Бадаи ал-лугат, со ссылкой на словарь Абушка, под словом *иш* понимается «сражение, бой» [Боровков, 1961, 115].

Применительно к нашему случаю можно допустить, что при этом *ишгузай* может означать «сражающиеся гузы» или же «гузы-завоеватели». Сведения о некотором отличии в названиях скифов Причерноморья и тех, что осели в Закавказье, мы встречаем и в наблюдениях И.М. Дьяконова: «Все восточные источники связывают скифов-шкуда с Манной и отчасти с Мидией... Помимо приведенного упоминания скифа Ишпакая в анналах Асархаддона... запрос делается по поводу намерений скифов, которые пребывают в стране Маннеев... один запрос посвящен перспективам союза с „Партатуа, царем (страны Ишгуза)“, местоположение которой не уточняется. Характерно, что ассирийцы, таким образом, считали главу скифов именно „царем“, и притом царем определенной „страны“, причем, конечно, мы не можем предполагать, что под „страной Ишгуза“ подразумевается родина скифов по ту сторону Кавказа» [Дьяконов, 1956, 246]. Эти наблюдения И.М. Дьяконова дают нам основание для выводов о том, что компонент *аш*, *иш*, *ас* в названии самих скифов и их страны был характерен не для скифов вообще, а лишь для скифов, прибывших из Северного Причерноморья в Закавказье и Переднюю Азию. Это подтверждается их объяснениями на тюркской языковой основе.

Почему же семиты называли скифов ашгузами, а не просто гузами? Э.Г. Миннс считает, что первая гласная в начале слов «ашгузай» и «ишгузай» добавляется в семитских языках, для того чтобы помочь прочесть комбинацию двух согласных в начале слова [Minns, 1971, 42]. Согласно И.М. Дьяконову, «это так называемый протетический гласный, требуемый перед двухсогласным началом по правилам семитской фонетики» [Дьяконов, 1956, 243]. Но мы не можем с абсолютной уверенностью утверждать, что так оно и было. В семитских языках слова «ишгузай» и «ашгузай» вполне могли быть записаны именно так, как они звучали в оригинале, за исключением звука «ш», поскольку, как пишет И.М. Дьяконов, в ассирийском «с» читалось как «ш» [Дьяконов, 1956, 242]. Компонент *аш* (или *ас*, *аз*, *иш*, *из*) в начале слова

вполне мог означать имя царя, возглавлявшего племя гузов. Подтверждением этому может служить имя скифского царя Ишпакая. Оно состоит из двух компонентов: тюркского *иш* и скифского *пак*. Но в то же самое время в ассирийских текстах «ишпакай» порой интерпретируется не как имя собственное, а как указание на происхождение — ишкузец, т.е. происходящий из Ишгузии. В 670-х гг. до н.э. Ишпакай уже упоминается как царь ишкузов.

Греческое υ читается как русское «и» или «у»? Существуют определенные различия между современным и древним греческими языками. К примеру, буква υ (заглавная Υ) в античный период читалась как русская «у».

Г.В. Смит указывает, что только после V в. н.э. в греческом языке звук «у» между двумя согласными стали передавать через дифтонг «оу» (ου) [Smyth, 1983, 13]. До этого греки звук «у» между двумя согласными выражали посредством буквы «υ». Э.Г. Миннс пишет, что по традиции русские расшифровывают древнегреческие тексты так, как будто они написаны на современном греческом языке. Древнегреческая буква υ в русских текстах читается как русское «и», в то время как в правильной древнегреческой транскрипции она должна читаться как русское «у» [Minns, 1971, XXI].

Сравнивая слово Σκυθης (скиф) с семитским написанием этнонима *ашгузай*, *ишкузай*, мы видим, что в корне слова Σκυθης стоит буква, воспроизводящая русский звук «у». Исходя из изложенного мы приходим к выводу, что буква υ в слове Σκυθης должна читаться как русское «у».

Греческое θ читается как русское «ф», «т», «д» или «з»? Рассмотрим три версии фонетической интерпретации последней буквы геродотовского термина. Русские прочли эту букву как «ф» и получили слово «скиф», турки — как «т» и получили слово «искит», англичане — как «th» и в результате получили *skyth*. Мы считаем, что русская и турецкая фонемные версии неприемлемы. Почему? Потому что в древнегреческом языке времен Геродота имеются и буква «т», и буква «ф». Если бы в этнониме были такие звуки, Геродот воспроизвел бы их в своем тексте соответствующими буквами. Однако сам Геродот использовал не эти буквы, а ту, которая наиболее близка из современных нам английскому фонетическому компоненту «th», но ни в коем случае не «т» или «ф».

Вполне очевидно, что во времена Геродота в алтайских языках было несколько родственных звуков, соответствующих «з», что и дало основание Геродоту использовать этот сложный звук, а не «з» или же «ф».

Махмуд Кашгарлы в своем словаре приводит примеры наличия в тюркских языках звука, похожего на английский звук *th* [Mahmut Kaşgarlı, 1939, I, 8–9]. П.М. Мелиоранский рассматривает тюркский звук *th* в памятниках Кюль-Тегина [Мелиоранский, 1899, 53–57]. В.В. Радлов приводит свидетельство наличия звука «д+з» в одном из современных ему тюркских языков [Радлов, 1893, XIII]. Н.Н. Поппе склоняется к тому, что тюркские и монгольские языки имели в своей первооснове фрикативный звук **ð* [Поппе, 1924, 25–29]. Он отмечает, что праязыковой звук **ð* (в конце слова) в монгольском переходит в *d*, в большинстве тюркских языков > *t/d/z*, в чувашском языке > *r*.

Свидетельством перехода всех этих звуков в древнетюркских языках являются имеющиеся в науке этимологии слова *огуз*. Существует много различных версий его этимологии.

Н.А. Баскаков, этимологизирующий слово *оғуз* как «мудрый», пришел к выводу, что названия *оғуз*~*оғур* представляют собой варианты одного и того же слова, различающиеся фонетическим соответствием *г*~*з*. В данной связи он приводит названия болгарских племен (предков чувашей), таких как *оноғур* «десять огуров», *котриғур* «тридцать огуров» и др. [Баскаков, 1982, 88–90].

Л. Лигети, Ю. Немет, О. Притцак, А.Н. Кононов и другие считают, что *-уз* в этнониме *оғуз* является аффиксом множественного числа [Ligeti, 1925, 369–383]. А.Н. Кононов приводит следующую этимологию *оғ* (*ок*) «род», «племя», *-(у) з* – аффикс множественного числа. В результате он приходит к этимологии «племена», «объединение племен». По мнению А.Н. Кононова, позднее данное название превратилось в этническое имя с собирательным значением. В качестве доказательства этой версии он приводит этнонимы *tokuz оғуз* «девять племен», *üç оғуз* «три племени». Что касается происхождения имени легендарного прародителя огузов Огуз-хана, то А.Н. Кононов считает, что здесь произошла персонификация этнонима, которая указывает на необычность носителя этого термина – племенной аристократии [Кононов, 1958, 83–84].

Некоторые исследователи сопоставляют слово *огуз* со словом *угуз* «молозиво» [Кононов, 1958, 83]. Д. Синор и многие другие производят термин *огуз* от *öküz* «бык» [Sinor, 1950, 1–14]. Мои собственные исследования показывают, что данное слово имеет полисемантическую этимологию. Семантика всех перечисленных здесь версий этимологии слова *огуз* описана в повествованиях об Огуз-хане [Гасанов, 2002, 282–288].

Важно отметить, что *-z* в слове *öküz* «бык» также является показателем множественности. В тюркских языках суффикс *-z* является показателем двойственного (парного) числа. Наличие двойственного числа определяется на примере слов, передающих значение парных предметов: *göz* «глаз», *buynuz* «рог», *öküz* «бык», *ekiz* «близнец» и т.д. [Cəlilov, 1988, 199].

Что касается перехода звуков *t* и *z*, о которых мы говорили выше, то наряду с суффиксом *-z* в значении множественного числа в тюркских языках также присутствует суффикс **-t*, который восходит к суффиксу множественного числа **-t+гласное* в алтайских языках [Poppe, 1952, 68–69; Starostin, Dybo, Mudrak, 2003, 184].

Из информации, собранной Н.Н. Поппе, следует, что суффикс множественного числа *-t* в основном прослеживается в древнетюркском на примере слов, объединенных семантикой воинов и высшего дворянства: *alpağut* – «смелые мужи», *urungut* – «воины», *bayağut* – «богатые мужи», *türküüt* – «тюрки», *tarqat* – «дворяне высшего ранга», *tigit* – «принцы» [Poppe, 1952, 68–69].

***Σκυθης* читается как «скиф» или «скуз»?** В приведенном Геродотом слове *Σκυθης* буква *Σ* читается, как русское «с», буква *κ* – как русское «к», буква *υ* – как русское «у». Буква *θ* аналогична английскому звуку «th». Если это слово привести целиком, то получается «с-к-у-з». Последние две буквы *ης* являются греческим суффиксом и могут принимать различные формы в зависимости от падежа, числа, времени, когда был записан текст и др.

Логика некоторых исследователей основывается на том, что скифы не могут быть гузами, потому что последние появились значительно позднее скифов. Думается, подобные вопросы не могут быть решены без учета этнического самоназвания. Если вместо этнонима *скиф* употребить фонетическое *гуз* (т.е. этническое самоназвание), то получится следующий парадокс: скифы не могут быть гузами, так как они появились значительно позднее

скифов, т.е. тех же гузов. Данное обстоятельство можно проиллюстрировать на примере вывода А.Н. Кононова, который, обсуждая версию С.П. Толстова о том, что этноним *oğuz* восходит к названию массагетского племени аугассиев~аугалов [Толстов, 1950, 49–54], пишет: «Приняв предположение С.П. Толстова, пришлось бы пересмотреть все основанные на исторических фактах представления о происхождении и составе огузов» [Кононов, 1958, 83].

Слова-понятия *скиф*, *искит*, *шкуда*, *ашгуз*, *ишкузай*, *ашгузай*, *аугасси* в своей основе имеют то же фонетическое звучание, что и название тюркского этноса гуз. Ключевой тезис нашего исследования, как явствует из проведенного анализа, состоит в том, что принятый в русской и азербайджанской советской науке этноним скиф (в английской – *scyth*, в греческой – *Σκυθης*, в турецкой – *искит*) – это не что иное, как этноним *гуз*.

Литература

1. *Баскаков Н.А.* К этимологии *oğuz*, *oğuz-qağan* // Советская тюркология. № 1. Баку, 1982. С. 88–90.
2. *Богуш С.С.* История Царства Херсонеса Таврийского. История о Таврии. СПб, 1806. 876 с.
3. *Боровков А.К.* Бадаи ал-лугат. Словарь Тали Имана Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961. 265 с.
4. *Гасанов З.* Царские скифы: Этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов. New York: “Liberty Publishing House”, 2002. 486 с.
5. *Геродот.* История. Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972. 600 с.
6. Древнетюркский словарь. М.; Л., 1969. 676 с.
7. *Дьяконов И.М.* История Мидии. М.; Л., 1956. 480 с.
8. *Кононов А.Н.* Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази, хана хивинского. М.;Л., 1958. 192 с.
9. *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XII. СПб., 1899. С. 1–144.
10. *Поппе Н.Н.* Чувашский язык и его отношение к монгольским и тюркским языкам. Известия Российской Академии наук. Т. XVIII. СПб., 1924. С. 289–314.
11. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. СПб., 1893. 1915 с.
12. *Толстов С.П.* Огузы, печенеги и море Даукара // Советская этнография. № 4. 1950. С. 49–54.

13. *Cəlilov F.* Azərbaycan dilinin morfonologiyası. Bakı, 1988. 286 s.
14. *Erlich V.R.* Die Fürstengräber und Heiligtümer von Ulj ap // Im Zeichen des Goldenen Greifen: Königs Gräber der Skythen. Herausgeber W. Menghin, H. Partzinger. «Prestel», 2007. S. 204–219.
15. *Əliyev İ.* Kimmer və skif (şkuda) tayfalarının Azərbaycan və ön Asiya ərazisinə baskınları. Midiya (Mada) və Skif Çarlıqlarının yaranması // Azərbaycan Tarihi. I cild. Bakı «Elm», 1998. S. 221.
16. *Herodotus.* Books III–IV, Loeb Classical Library, Translated by A.D. Goodley. Harvard University Press, 1921. 448 p.
17. *Ligeti. L.* Die Herkunft des Volksnamens Kirgis // Körösi Csoma Archivum 1. 1925. S. 369-383.
18. *Mahmut Kaşgarlı.* Divan-i Lügat-it-Türk, I. Ankara, 1939. 530 s.
19. *Minns E.H.* Scythians and Greeks. New York, 1971. 720 p.
20. *Poppe N.* Plural suffixes in the Altaic languages // Ural-Altische Jahrbücher, 24. 1952. P. 65–83.
21. *Sinor D.* Oğuz Kağan Destanı Üzerine Bazı Mülahazalar. (Çev. A. Ateş), İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi. Tarih Dil ve Edebiyat Dergisi, IV, 1–2. İstanbul, 1950. S. 1–14.
22. *Smyth W.H.* Greek Grammar. Harvard University Press. 1983. 784 p.
23. *Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A.* (with the assistance of *I. Gruntov* and *V. Glumov*). An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Handbook of Oriental Studies. Section 8: Uralik & Central Asian Studies. “Brill Academic Publishers”. 2003. 1556 p.
24. *Sulimirski T.* Scythian Antiquities in Western Asia, *Artibus Asiae*, Vol. XVII, 3/4. 1954. P. 282–318.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КАТАЛАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Э. Алос и Фонт

*Чувашский государственный педагогический университет,
г. Чебоксары*

1. Средневековье

Каталанский язык представляет собой продукт эволюции латинского языка, процесс которой происходил по обе стороны западных Пиренейских гор. По причине экспансии Арагонского государства во времена позднего Средневековья каталанский язык распространялся переселенцами на территории современной южной Каталонии, Балеар, Валенсийской страны (далее – Валенсия) и некоторых городов островов Сицилия и Сардиния. Из двух последних упомянутых островов данный язык сохранился только в городе Альгеро (Сардиния).

Первые сохранившиеся тексты на языке, который сегодня называется каталанским, датируются XI в. Тем не менее в придворной поэзии, появившейся уже в следующем веке, поэты-каталонцы использовали окситанский язык. Окситанский язык, который назывался также провансальским, был первым литературным романским языком и считался одним из самых престижных в литературе Западной Европы в течение XII–XIII вв. Кроме того, окситанский язык очень близок каталанскому и в целом понятен любому его носителю. До начала XV в. он продолжал использоваться каталонцами как единственный язык поэзии. Тем не менее количество каталанизмов в языке поэтов постепенно растёт в течение XIV в. Вследствие этого влияние окситанского языка на литературу оставалось весьма значительным.

С другой стороны, проза на каталанском языке немного отстала в своем развитии относительно других языков романской группы, развивавшихся по соседству. Но когда она все же появилась, оказалась удивительно богатой как в количественном, так и в качественном отношении. По значимости своего вклада Раймунд Луллий (1232/33–1316) считается основателем письменного

литературного языка. Использование королевской канцелярией каталанского языка наряду с латинским и арагонским языками привело в результате к появлению его письменного варианта. XV в. явился вершиной для средневековой каталанской литературы. Самыми выдающимися авторами этого периода были, прежде всего, валенсийцы, благодаря тому, что Валенсия в споре с Неаполем заняла место Барселоны, считавшейся до этого момента основным городом короны.

Следует указать, что средневековая проза, включая Р. Луллия, без особых проблем понятна современникам, говорящим на каталанском языке. Изменения в языке, бесспорно, менее значительны, по сравнению с изменениями, появившимися на протяжении того же периода во французском, английском и русском письменных языках. По этой же причине разница между диалектами, даже ярко выраженная, не создаёт сложности во взаимопонимании.

2. Упадок

В начале XV в. смена династии привела первых королей кастильского происхождения на трон Арагона. К концу века объединение династий Арагона и Кастилии и, немного позже, открытие Америки и восхождение на трон Габсбургов отодвинули центр власти от территории каталанского языка. Большинство дворянства кастилизировалось и, так как литература тогда была тесно связана с представителями знати, письменность на каталанском языке пришла в упадок. Кроме того, недавнее изобретение печати дало большое преимущество испанскому языку (тогда ещё кастильскому), так как на нем говорило большинство населения, покупающего печатную продукцию. Следовательно, каталанский язык, обладая в прошлом богатейшей литературой, перешёл в разряд языков со слабо развитой литературой менее чем за полвека. С другой стороны, ослаблялись связи между странами, где использовался каталанский язык, в результате чего диалекты языка постепенно удалялись друг от друга. В целом, период с начала XVI в. до первой половины XIX в. традиционно называют **упадком**.

Несмотря на эти процессы, каталанский язык продолжал использоваться в качестве административного до второй половины XVII в. в северной части Каталонии (аннексирована Францией в 1659 г.)¹ и до начала следующего века на других территориях. В это время и во Франции, и в Испании властвовал абсолютизм, ко-

стриализация, приватизация церковных земель, (либерализация) колониальной торговли и начало бюрократизации государства, определяли изменения в социальных классах совместно с языковым сдвигом. Подъём по социальной лестнице означал постепенную испанизацию, в результате чего прерывалась передача языка из поколения в поколение. Языковой сдвиг был самым ярким внешним показателем социального подъёма. Особенностью Каталонии стала индустриализация городских и полугородских районов. Это вызвало переселение из деревень в города и обучение грамоте на испанском языке одноязычных носителей каталанского языка. Парадоксально, что в результате таких социальных изменений и искоренения традиционной культуры родился по контрасту феномен превращения в миф каталаноязычной сельской культуры как настоящей идентификации страны. В самом деле, обучение грамоте повлекло погружение в идеологические и политические основы либерального государства, а также создало условия для того, чтобы масса населения, только что научившаяся писать и читать тексты, почувствовала необходимость иметь собственные культурные референты. Этот процесс осуществлялся лишь в Каталонии и сочетался с возникновением элиты, имеющей самосознание, способной руководить политической эволюцией поиска своей собственной идентичности» [Ferrando, Nicolás, 2011, 322].

Так, в данных обстоятельствах, под влиянием романтических европейских течений того времени, проповедовавших сопоставление «языка» и «отечества», писатель Жоаким Рубио и Орс² (1818–1899) создал в 1841 г. манифест, который можно считать началом т.н. **возрождения** каталанской литературы.

С 1859 г. ежегодно проводились Цветочные игры, возродившие литературные конкурсы, учрежденные в Тулузе в 1323 г. и с 1393 г. также проходившие в Барселоне. Новые Цветочные игры превратились в основную движущую силу литературного возрождения каталанского языка. Тем не менее, это возрождение не всеми было воспринято благосклонно. Руководитель кафедры литературы университета Барселоны Мануел Мила и Фонтаналс (1818–1884) выразил свою неудовлетворённость развитием каталанской литературы в статье под заглавием «Культивирование провинциальной литературы» (1854): «Использование лишь деревенских оборотов местных диалектов для философских, космо-

политических, универсальных мыслей нам кажется равным требованиям от крестьянки выражений, характерных для «Раздумий» Ламартина или «Идеала» Шиллера» [цит. по: Marcet, 1987, II, 68]³.

В течение более полувека литературный язык в большой степени был ненормализованным. С точки зрения орфографии сказывалось большее влияние испанского языка, чем средневековой манеры письма. В морфологии и лексике постоянно существовало колебание между использованием средневековых форм, более или менее вышедших из употребления, и форм современных. Среди последних многие писатели не различали результаты эволюции собственного языка и грубые испанизмы, которые использовали в городах лишь социальные классы, тесно контактирующие с носителями испанского языка. В то же время между собой конкурировали разные диалектные формы в лексике и морфологии. В результате этого началась оживлённая дискуссия между сторонниками «академического» каталанского языка и приверженцами каталанского, «на котором говорят сейчас». Также существовали всевозможные промежуточные мнения. Практически каждый писатель имел свой взгляд на то, каким должен быть литературный язык, или даже на то, необходима ли общая норма. Это было большой проблемой, так как число людей, которые начинали писать на каталанском языке, стало значительным. В течение второй половины XIX в. каталанская литература возникла вновь с завидной жизнестойкостью. Сначала появились только поэзия и популярный комический театр, но вскоре репертуар расширился за счёт прессы, драматического театра и прозы.

Основным писателем периода возрождения был, несомненно, поэт Жасинт Вердагер (1845–1902). Он использовал современный язык, замещая испанизмы при помощи как диалектных, так и классических форм. Его бесспорное мастерство помогло построить будущий стандартный язык на основе предложения П. Фабры.

Рост периодических изданий на каталанском языке был удивительным, прежде всего в Каталонии. Особенно во второй половине XIX в. появляется большое количество газет только на каталанском языке. Первым был еженедельник («*Lo Vertader Català*» – «Истинный каталонец», 1843). Первая ежедневная газета («*Diari Català*» – «Каталанская газета») была издана также в Барселоне

(1879). По числу и тиражу выделяются сатирические и политические газеты.

В науке каталанский язык также начинают использовать в различных трудах. Можно упомянуть перевод на каталанский язык «Путешествия натуралиста вокруг света» Ч. Дарвина (1879).

Наконец, нужно обратить внимание на создание богатых лексикографических трудов, прежде всего двуязычных каталанско-испанских словарей. Но их основной целью все же часто было лишь облегчить овладение испанским языком носителями каталанского, а не помочь созданию литературного каталанского языка. Несмотря на это, некоторые из этих сочинений стали базой для создания больших словарей каталанского языка в следующем веке.

Каталанский язык постепенно входил в элитные двуязычные общества барселонской буржуазии, которые фактически укрепляли свою диглоссию в течение XIX в. Таким образом, в 1895 г. драматург Анжель Гимера (1845–1924) произнёс речь на каталанском языке в качестве нового председателя Барселонского Атенея (общественной культурной организации) перед удивлённой публикой, привыкшей только к испанскому языку на совещаниях и торжественных мероприятиях. Половина слушателей в раздражении покинула зал.

Однако было бы грубым упрощением думать, что процесс создания национального письменного языка шел по восходящей, был обдуман заранее и предрешен. Ж.Л. Марфань предупреждает, что, наверно, в начале своего процесса литературное возрождение было «символическим жестом компенсации перед преднамеренной ликвидацией ещё действующего языка». Это сделала «развивающаяся буржуазия, которая с энтузиазмом работала на построение испанской нации» [Marfany, 2008, 273–274]. Фактически эта буржуазия, которая, главным образом, развивала литературное возрождение, в то же время, в течение XIX в. перестала использовать каталанский язык в таких областях, как счетоводство или нотариальные акты. Но развитие событий в результате эволюции «политического каталанизма» было не таким, каким создатели Возрождения в середине XIX в. его видели.

Политические процессы. В 1880 г. прошёл Первый каталанистический конгресс. В 1892 г. союз сил каталанизма учредил первый проект политической автономии для Каталонии после ут-

раты органа самоуправления в начале XVIII в. В 1901 г. Региональный союз победил на выборах, и в последующие годы каталанисты управляли провинциями Каталонии. В 1914 г. правительства этих провинций создали совместный орган управления – Союз Каталонии, который являлся первым полуавтономным каталонским управлением за два века. Этот орган настаивал на использовании каталанского языка во всех сферах жизни, в том числе и в образовании⁴.

С другой стороны, политическая ситуация в Испании была совсем иной. С 1830-х гг., подражая Франции, политики стремились к построению унифицированного национального государства. Использование каталанского языка запрещалось во всё больших сферах, включая даже и разговоры по телефону (1896). Утрата последних заокеанских колоний (1898) ещё в большей степени способствовала нарастанию радикализма части властных структур и интеллигенции к ультранационализму и ассимиляции. Однако испанский национализм не сумел достигнуть внутреннего единства. Консерваторы и либералы на протяжении XIX и XX вв. защищали разные национальные символы (флаг, гимн) и различные взгляды на историю Испании. Это происходило во взрывоопасной политической атмосфере, при смене нескольких династий, между двумя республиками и десятками путчей. Все это вылилось в существование 70 разных правительств с 1824 г. по 1875 г., в три гражданские войны в XIX в. и одну в XX в., при этом не было ни одного короля за два века, который последовательно наследовал бы у предыдущего трон и передал бы власть своему наследнику. Таким образом, несмотря на крайний авторитаризм значительной части испанского национализма, его позиции оказались слабее, чем в других соседних странах [Riquer, 2000].

В данной ситуации валенсийская буржуазия, которая экономически гораздо больше, чем барселонская, была связана с Мадридом, практически прекратила возрождение каталанской литературы в Валенсии. Буржуазия Валенсии в течение XIX в. активнее, чем буржуазия в Барселоне, принимала испанский язык как разговорный, хотя преимущественно каталаноязычная среда и близость каталанского и испанского языков⁵ не позволяли окончательно забыть каталанский язык. Таким образом, большинство валенсийских писателей сочиняли на двух языках. Как сказано в

труде по истории каталанского языка, «это двуязычие сразу имело следствием разделение литературных жанров; валенсийские писатели использовали каталанский язык для написания стихов, а прозу (эссе, повести, романы и т.д.) писали на испанском языке. Посредством поэзии было очень трудно создать широкую и стабильную читательскую аудиторию» [Marcet, 1991, II, 126–127].

Балеары были намного прочнее связаны с Каталонией: так как там не было университетов, много зажиточных островитян посещали университет Барселоны. Таким образом, положение на Балеарах было чем-то средним между ситуациями в Каталонии и Валенсии.

В свою очередь, в Северной Каталонии после создания обязательного бесплатного государственного образования в 1880-х гг. гонение на каталанский язык было жестоким. Способы были разные: надписи в школах как «Будьте чистыми, говорите на французском» или «Запрещено плевать и говорить на каталанском»; системы наказания за использование родного языка, которые не только нагнетали страх, но и стимулировали возникновение доносов среди одноклассников; посещения преподавателями семей, где они советовали перестать использовать каталанский язык дома, и другие способы воздействия. Эти действия могли бы привести в Северной Каталонии к исчезновению в XX в. каталанского языка. Подобные средства использовались и в Испании, но не с той силой, размахом и продолжительностью, как во Франции.

4. Современный стандартный язык

Во время Возрождения существовали разные попытки орфографической стандартизации каталанского языка. Однако ни одна из них не увенчалась успехом из-за отсутствия, с одной стороны, выдающихся лингвистов, глубоко знающих диалекты и старый язык, и, с другой стороны, достаточно сильной политической власти, которая могла бы их поддержать.

Лингвист и политик встретились в короткий период политических побед каталанизма в начале XX в., который закончился, когда каталанский язык снова был запрещён диктатурой генерала Примо де Ривера (1923–1930) в административной деятельности, учебных заведениях и общественной жизни. Этим лингвистом был Помпеу Фабра (1868–1948), а политиком – Энрик Прат де ла Рибба (1870–1917).

Затем создание стандартного каталанского языка будет происходить на основе модели языковой стандартизации Э. Хаугена [Naugen, 1983]. Согласно этой модели, существуют четыре фазы процесса: 1) выбор диалекта или диалектов в качестве основы будущего стандартного языка; 2) кодировка стандартного языка, т.е. создание орфографических и грамматических правил и словаря стандартного языка; 3) распространение стандартного языка в обществе через его изучение и расширение употребления; 4) обработка языка с точки зрения модернизации терминологии и стилистической эволюции⁶.

Выбор. Каталанский язык состоит из пяти основных диалектов, которые делятся на две группы. Восточной группе принадлежат северный диалект (в Северной Каталонии), центральный (Восточная Каталония, в том числе и Барселона) и балеарский. К западной группе относятся северо-западный диалект (Западная и Южная Каталония) и валенсийский. Внутри каждого диалекта, несомненно, существуют субдиалекты и переходные районы между диалектами. Основной является фонетическая разница, но существуют также и морфологические, и лексические отличия.

Возможным выбором было создание современного стандартного языка на основе средневекового. Такой выбор защищала, между прочим, группа, собранная вокруг Цветочных игр. Но большинство не принимало такой вариант, который казался слишком далеким от тогдашнего языка. С другой стороны, выбор стандарта на основе современного языка поставил много проблемных вопросов, среди них – выбор между диалектными формами и обработка испанизмов.

Экономический и политический вес, который был у Барселоны, определил центральный диалект в качестве основы будущего стандартного языка. Так, например, определённый артикль *el/la/els/les* из центрального и валенсийского диалектов был принят как стандартный, хотя *lo/la/los/les* использовался в письменности со Средневековья до конца XIX в. и является обычным для северо-западного диалекта (и окситанского языка). Необходимо добавить, что именно центральный диалект стоит дальше от средневекового языка, чем валенсийский или балеарский. Это, несомненно, затруднило выбор нового стандарта.

Однако усилия П. Фабры были направлены на поиски, по возможности, наддиалектного единства. Для этого он использо-

вал орфографию, базирующуюся на формах, которые позволяют получить представление о разном произношении. Так, например, в течение XIX в. существовала полемика о том, как лучше писать формы множественного числа слов женского рода с окончанием *-a*, *-as* или *-es*, как в *casa* («дом») > *casas* / *cases*. Формой произношения в западных диалектах является [ˈka.zes], а в восточных – [ˈka.zəs]. Так как систематически все неударные [e] редуцируются в [ə] в восточных диалектах, возможность выбора формы *cases* является предпочтительной, потому что носители каждого диалекта могут истолковать её согласно своему произношению.

В тех случаях, когда с помощью предыдущего способа нельзя решить проблему, П. Фабра предлагал допускать разные синонимичные лексические и, что более важно, морфологические формы на основе диалектов. Это открыло дорогу для субстандартов каталанского языка в двух других исторических регионах: в Валенсии и на Балеарах⁷. Этот принцип играет важную роль в глагольной морфологии, где сосуществуют в письменном языке разные диалектные формы, например: *canto* (Каталония), *cante* (Валенсия) и *cant* (Балеары) («я пою»)⁸. Об этом П. Фабра писал: «Каталанский язык является достаточно гомогенным для принятия разных диалектных форм, что не подвергает серьёзной опасности единство письменного языка» [цит. по: Vibiliotti, 1997, 118].

Кодировка. В 1907 г. в Барселоне был основан Институт каталанских исследований как высший центр научных исследований, прежде всего, для всех элементов каталанской культуры. В 1911 г. был создан филологический отдел, который получил заказ на выработку орфографических норм. Они были опубликованы в 1913 г. и состояли из 24 правил, содержащихся на 14 страницах, после больших усилий по согласованию между всеми 20 членами Института. В 1917 г. уже под редакцией П. Фабры опубликован «Орфографический словарь», где закреплялась орфография и флексия 40 000 слов. В 1918 г. П. Фабра опубликовал свою «Каталанскую грамматику», которую Институт принял как официальную. Также в 1932 г. он публикует «Общий словарь каталанского языка». Данный толковый словарь был бы черновым вариантом будущего словаря Института, но он предпочел тотчас издать его, опасаясь, что диктатура генерала Примо де Ривера впоследствии может запретить публиковать его. Последующая диктатура генерала Франко, при котором Институт был наполовину

тайной организацией, привела к тому, что Институт принял словарь как официальный, и словарь Института не публиковался до 1995 г.

Как обычно случается в процессах языковой стандартизации, орфография, из-за её символизма, стала узловым вопросом в дискуссиях. Напротив, морфологические аспекты, которые являются намного более сложными, играли второстепенную роль.

По Г. Бибилони [Bibiloni, 1997, 113–117], кодификация П. Фабры опирается на пять принципов: 1) современность: необходимо, чтобы база каталанского стандарта была разговорным языком. 2) чистота: необходимо, чтобы язык был очищен от влияния других языков, которые повредили бы его сущности. 3) единство и разнообразие: необходимо, чтобы стандартный каталанский служил везде, но иногда возможно допустить использование разных форм, имеющих одинаковое значение, согласно употребляемым на разных территориях. 4) функциональность: целесообразно включать в стандартный язык различия, которые сохраняются в некоторых диалектах, чтобы использовать максимальную способность для выражения различий и нюансов⁹. 5) универсальность: по отношению к книжным словам являются предпочтительными общие формы с наиболее распространёнными европейскими языками. При помощи этих принципов П. Фабра доказывает, как пишет М. Сегарра, «его намерение строить действующий язык для всех функций каталанского языкового сообщества, который, кроме облегчения связи между всеми членами этого сообщества, смог бы действовать и как связующий элемент членов сообщества, и как их отличительный элемент» [Segarra, 1991, 183].

Из пяти принципов принцип чистоты языка оказывается основным. Г. Бибилони так описывает ситуацию: «В момент, когда [Фабра] начинал свое творчество, каталанский язык южнее Пиренеев находился в состоянии глубокой испанизации... Вся лексика, которая вошла в каталанский с XVI в., пришла из испанского языка, и... все слова латинского или греческого происхождения... имели обусловленную испанским языком форму» [Bibiloni, 1997, 120]. В этих условиях П. Фабра, «используя средневековый язык, рассуждал, какая была бы эволюция языка без времен упадка и подчинённости его испанскому языку» [Segarra, 1991, 183]. Если использовать слова Г. Бибилони, в отличие от сторонников ката-

ланского языка – такого, «каким история сделала его», П. Фабра склонялся к такому каталанскому языку, который «сделала бы другая история при определённом процессе стандартизации, и этот процесс также мог быть историей» [Bibiloni, 1997, 139].

В самом деле, стремление к чистоте является главным для способности к выживанию языка. К. Кастельянос сообщает: «В положении языковой подчиненности лексическое заимствование, прежде всего, если оно проявляется массово и без контроля, может оказаться важным путём для проникновения интерференций, которые приведут к исчезновению языка» [Castellanos, 2000, 70]¹⁰. Со своей стороны Г. Бибилони замечает, что носители языка, не ощущающие его как «полный и самодостаточный язык», т.е. как язык, «который может обеспечивать каждую коммуникационную нужду, и, следовательно, ни в коем случае не будет нужно обращаться к более способному или более полному языку», будут склонными к принятию другого языка, который будет удовлетворять эти нужды [Bibiloni, 1997, 31–32]. Кроме того, М. Сегарра добавляет более прагматичную причину: «Фабра смог бы кодифицировать язык на основе барселонского говора, со всеми его специфическими морфологическими элементами, со всей его исконной и заимствованной лексикой, с его собственными и заимствованными синтаксическими конструкциями, и получил бы язык, который чувствовали бы как свой, если немного повезёт, жители города и пригорода. Говорю «если немного повезёт», потому что без выбора и разработки, целью которых является отличие этого барселонского варианта языка от стандартного испанского языка, даже барселонцы не приняли бы его как референтный язык. Им не был нужен другой. У них уже существовал такой язык, который они изучали в школе: испанский» [Segarra, 1991, 184].

Итак, для «очищения» языка, по терминологии П. Фабры, он глубоко изучал и сопоставлял друг с другом 1) разные диалекты каталанского языка во всех их аспектах: фонетика, лексика, морфология, синтаксис и даже стилистика; 2) классический язык, также во всех его аспектах; 3) самые распространённые романские языки. В результате того получился подробный анализ феноменов языковых контактов на основе влияния испанского языка на каталанский [Lamuela и Murgades, 1984, 62–65; Voix и Vila, 1998, 227]¹¹.

Критический аспект интерференций из доминирующего языка в подчинённый – это его влияние на адаптацию книжных слов, слов иностранного происхождения и неологизмов. В частности, в каталанском языке есть огромное количество слов, которые пришли посредством испанского, и это облегчило процесс всех возможных фонетических и морфологических интерференций. П. Фабра не только хотел избежать интерференций, но он также был горячим защитником процессов деиспанизации и рекаталанизации каталанского языка. Например, в неологизме *deporte* («спорт»), из такого же испанского слова, ему было недостаточно поверхностной каталанизации «*deport*», но он ввел *esport* в стандартный язык на основании референтных европейских языков (с эпентетическим *e* каталанской фонетики). С другой стороны, в таких книжных словах как *literatura* («литература») он не принял форму *lliteratura*, которая не является международной, считая её гиперкорректностью, хотя почти всегда в лексике исконного происхождения каталанского языка начальный звук [l] был [λ] (орфографически «ll»). Фактически, как замечает Г. Бибилони, П. Фабра совсем не был против заимствований из других языков, но только в том случае, если эти заимствования не происходят из одного и того же источника [Bibiloni, 1997, 56].

Итак, как пишет Г. Бибилони, «Фабра всегда был сторонником деиспанизации. Фабра был радикалом и революционером, предлагающим пускать в обращение слова и формы, которые тогда никто не использовал» [Bibiloni, 1997, 121]. Эту точку зрения П. Фабра оправдывал во многих работах, например, когда он написал: «Синтаксис и лексика легко подверглись многочисленным изменениям под разрушительным воздействием другого языка. Также легко они сейчас оказываются податливыми к восстановлению. У нас есть такой опыт: большинство введённых в письменный язык новшеств вошли или находятся в процессе включения в устную речь» (1927) [цит. по: Segarra, 1991, 185]. Конечно, в то же время, П. Фабра имел необходимую умеренность и избегал заходить слишком далеко: «При равном положении между словами нужно, чтобы наша настойчивость в введении новшества зависела от выигрыша для языка: необходимо продолжать испытания новшества, если оно исправляет серьёзный недостаток в языке, но, если это не так, нужно быстро убирать его, потому что

нельзя создавать слишком большую разницу между письменным языком и устной речью» [цит. по: Segarra, 1991, 185–186].

Несомненно, во времена П. Фабры спорным публичным вопросом было, где лучше расположить границу замены испанизмов¹². Необходимо иметь в виду, что всякий стандартный язык – искусство. Когда читаем или слушаем публичную речь на нормализованном языке, нас не пугает дистанция между разговорной речью и языком, который использует оратор. Причины никак не связаны с лингвистическими характеристиками языка, но опираются исключительно на социальные факторы. Социальное распространение стандартного языка позволяет ощущать его использование как норму в некоторых ситуациях и использовать естественным образом в этих случаях. Наоборот, использование других языковых вариантов в данных контекстах вызывает неожиданность или даже раздражает, как показал выше пример А. Гимеры. Поэтому процесс восстановления языка влечет за собой весьма широкое распространение стандартной нормы.

Распространение. Новые орфографические нормы были быстро восприняты большинством писателей. Существовало небольшое противостояние им, но оно практически исчезло в начале 30-х гг., когда большая часть валенсийских писателей, учёных и общественных организаций подписала т.н. «нормы из Кастельо», которые принимают нормы Института каталанских исследований, допуская некоторые специфические валенсийские языковые характеристики.

Благодаря новому стандарту языка, издательское дело испытало удивительный рост в 20-х и 30-х гг. Вопреки тяжелой политической ситуации, началась публикация разных крупных литературных коллекций как каталанских авторов, так и переводов¹³. В этих успехах, которые повторялись в разные сложные для языка периоды, большую роль играли как меценатство буржуазии, так и большая самоотдача писателей наряду с преданностью публики. Кроме художественной литературы, с 1900 по 1936 гг. насчитывалось 1 200 периодических изданий на каталанском языке.

Но всё это, прежде всего, исходило от гражданского общества. С точки зрения же государственной деятельности, положение было совсем другим из-за политических обстоятельств.

В период Союза Каталонии (1914–1923) каталанский язык не был признан официальным. Образование, которое зависело от

правительства Испании и католической церкви, по-прежнему было только на испанском без изучения каталанского языка. Однако в Барселоне создавались отдельные школы, использующие каталанский язык по инициативе и за счёт муниципалитета.

Диктатура генерала Примо де Ривера (1923–1930) снова запретила использование каталанского языка в учебных заведениях¹⁴ и на мероприятиях; названия улиц снова стали только на испанском; «сардана», танец-символ Каталонии, была запрещена, так же как и каталанский флаг; тысячи книг на каталанском в библиотеках были уничтожены и др. Но все же издание литературы на каталанском не было запрещено.

Во время существования II Испанской Республики (1931–1939) Каталония получила особый автономный статус, и каталанский язык стал официальным. Тем не менее образование снова зависело от правительства Испании, которое не сменило язык обучения, хотя обещало ввести образование на родном языке. Каталонское правительство создало школы, использующие каталанский язык, но это было за его счёт. Кроме того, появление университета, где каталанский был основным языком, помогло развитию научной терминологии. Независимо от недостатков короткий период республики и самоуправления был исключительно важным моментом для социальной нормализации каталанского языка.

Одной из важнейших целей диктатуры генерала Франко (1939–1975) было, напротив, уничтожение каталанского языка [Benet, 1973; Ferrer, 1985]. Для того чтобы избежать гибели или заключения в тюрьму, большинство каталанской интеллигенции было вынуждено эмигрировать, включая П. Фабру, который умер в ссылке. Тем не менее от строгого запрета на издание на каталанском языке или на представление пьес на нём постепенно отказывались, и даже наказания за разговор на нём на улице постепенно, очень медленно, на протяжении 40 лет, смягчались, диктатура переходила к терпимости. «Терпимость» означала, что власти и немалая часть испанской интеллигенции милостиво согласились, чтобы каталанский стал «ограниченным» языком, сохраняемым для «самых элементарных и искренних ситуаций» [Marías, 1966, цит. по: Branchadell, 2006, 129]¹⁵. Однако осуществившаяся эволюция стала возможна как благодаря некоторому иностранному давлению на режим (прежде всего с 50-х гг.), так и

из-за его неспособности содержать репрессивную систему, которая обратила Испанию в одну из самых бедных стран Европы. Итак, используя все возможности, гражданская общественность, иногда действительно героически, вновь начинала создавать издательства и центры по обучению языку¹⁶.

Таким образом, после смерти Франко (1975) положение каталанского языка южнее Пиренеев радикально отличалось от того, что было в начале века: 1) все жители владели испанским языком, и, напротив, немалая часть населения не знала каталанский; 2) из-за массовой иммиграции Каталония увеличила население с 10,5% жителей Испании в 1900 г. до 15,5% в 1975 г. Вследствие этого процесса, хотя каталонцы передавали язык из поколения в поколение, носители каталанского языка стали меньшинством в Каталонии. В то же время распределение языков среди социальных классов было неравным: средние и высшие классы являлись главным образом каталаноязычными. Кроме этого, с 1950-х гг. испаноговорящие мигранты начали компактно жить в кварталах городов или в пригородах, где они составляли большинство населения. Это затруднило переход к каталанскому языку второго поколения, как было у предыдущих миграционных волн; 3) обучение на испанском, создание радио и телевидения на нём и его ежедневное использование вследствие совместной жизни с испаноговорящим населением сильно увеличили количество интерференций испанского языка в каталанском; 4) в Валенсии жители двух самых крупных городов (Алаканта и, в меньшей степени, Валенсии) передавали испанский язык детям; 5) малое количество каталаноязычных жителей могло читать и писать на каталанском; 6) престиж каталанского языка, главным образом в Каталонии, был высоким: большинство жителей хотели, чтобы их дети владели им.

К этой картине необходимо добавить радикализацию испанского национализма в Валенсии во второй половине 1970 гг. Часто под формой валенсийского регионализма, он отрицал единство языка Валенсии, Каталонии и Балеар и создавал разные варианты новой орфографии самостоятельного валенсийского языка, хотя и предоставляя ему второразрядные функции. Представители экстремистской части этого движения подложили три взрывных устройства с 1978 по 1981 гг. для покушений на известных филологов, защищающих целостность языка. Вследствие этих терактов

никто не был арестован. С другой стороны, более умеренная часть использовала предлог для сохранения преимущества испанского языка в обществе. В результате всех этих действий позиции политиков, благосклонных к уравниванию веса языков, стали более постепенными и слабыми.

Итак, попробуем описать итоги социального развития каталанского языка южнее Пиренеев с 1975 г.¹⁷:

1) Каталанский язык стал официальным в Каталонии, Валенсии и на Балеарах. В Каталонии он является повседневным языком государственной администрации. Почти все государственные служащие в Каталонии и на Балеарах, от вахтёров до врачей, должны владеть им на уровне С («Свободное владение») в соответствии с «Общеввропейскими компетенциями владения иностранными языками». К этому принуждена только часть служащих в Валенсии, хотя преподавателям начальных и средних классов необходимо владеть обоими государственными языками.

2) Владение каталанским языком стало обычным для новых поколений. В Каталонии государственная начальная школа (с 6 до 12 лет) практически использует только каталанский язык, а испанский преподаётся в качестве предмета с первого года обучения; в средних школах ученики учатся на двух государственных языках. Преподавание на каталанском языке ведётся в университете в 66% случаев в Каталонии, 50% – на Балеарах и 15% – в Валенсии. Сюда включен и Университет Барселоны, который является по международным классификациям лучшим университетом Испании.

3) Представленные выше факты явно демонстрируют различия между языковыми политиками, проводимыми правительствами разных каталаноязычных территорий. Наиболее амбициозную языковую политику осуществляли все последующие правительства Каталонии. В Каталонии не только планируется овладение языка на более глубоком уровне, чем в Валенсии и на Балеарах, но и планируется повышение его статуса¹⁸. Напротив, в Валенсии нет цели хотя бы сравнить статус каталанского и испанского языков, наоборот, там присутствует желание поддерживать превосходство испанского языка. Со своей стороны в Каталонии языковая политика пользовалась широкой поддержкой политических партий и общества. Однако она постепенно породила непонимание, несогласие и даже противостояние на испаноязычных

территориях Испании, особенно с 90-х гг., по мере того как испанский национализм (часто под самоназванием «не национализм») пробуждается после периода слабости по окончании диктатуры Франко¹⁹.

4) Связь гражданского общества с социальной нормализацией языка является очень тесной особенно в Каталонии и в меньшей степени на Балеарах. В Каталонии и на Балеарах основным язык больших гражданских организаций, которые включают в себя тысячи обществ, – это каталанский, нередко являющийся действительно единственным деловым языком.

5) Полностью или большей частью на каталанском языке вещают 10 каналов телевидения (не считая городских) и десятки радиостанций. Среди них есть как государственные, так и коммерческие. В Каталонии канал телевидения на каталанском и радиостанция вновь стали самыми популярными в 2010 г. Количество газет, издающихся полностью на каталанском, – 11. На сегодняшний день все газеты, издающиеся в Каталонии, публикуются только на каталанском языке или как на каталанском, так и на испанском, или они используют оба языка на своих страницах.

6) Художественная литература переживает лучший момент в своей истории. В 2010 г. издано 7 897 книг на каталанском языке в Испании (10,4% книг Испании)²⁰. Существование широкой и верной читательской аудитории показывает тот факт, что международные бестселлеры обычно издаются одновременно на каталанском и испанском языках; также часто издаются переводы с испанского. Тем не менее необходимо добавить, что книжные издания на каталанском языке получают экономическую помощь каталанского правительства.

7) Политическое раздробление создало три отдельных коммуникационных пространства, в большей степени вследствие действий валенсийского правительства, для которого одной из основных политических целей является образование закрытого пространства, зависящего от него. Кроме того, с 80-х гг. новое поколение популярных писателей и газеты из Барселоны предпочитают использовать нестандартные формы, типичные для города или центрального диалекта. По этим же причинам межрегиональная разница диалектов мало уменьшается, а увеличиваются различия в письменном стандартном языке. С другой стороны,

стираются различия между диалектами внутри каждой из трёх территорий.

8) Демографическая ситуация с каталанским языком является противоречивой. В Испании носителей языка насчитывается около 4,5–5 млн, т.е. 10% населения Испании. Кроме того, ещё 5 млн владеют языком в качестве неродного²¹. Никогда не было столько владеющих каталанским языком. Кроме того, в Каталонии наблюдается небольшой переход жителей от испанского к каталанскому как основному и семейному языку, но в Валенсии продолжается обратный процесс, хотя медленнее, чем во время диктатуры. С другой стороны, новая иммиграционная волна увеличила население трёх территорий с 11 млн жителей в 1998 г. до 13,7 в 2009 г., т.е. на 25% в течение 11 лет. На сегодняшний день более 15% жителей Каталонии и Валенсии – иностранцы; на Балеарах – более 20%. В результате этого процесса процент носителей языка является самым низким в истории: 35% в Каталонии, 23% в Валенсии и 53% на Балеарах [ВСС, 2010, 27], ощущается снижение комфортности использования каталанского языка в магазинах и торговых заведениях. Скорее всего, даже если иммиграция остановится, процент ещё упадёт из-за различной рождаемости среди социальных групп. Необходимо добавить, что часть каталанской интеллигенции видит в этом новом разнообразии шанс для языка. По их мнению, есть больше возможностей для сохранения языка в условиях мультилингвизма, чем с социальным билингвизмом. Например, лингвист К. Жунент писала: «Подчинённые языковые сообщества, которые исторически сумели сохранить свои языки, были теми, которые характеризовались либо монолингвизмом (и, следовательно, изолированностью), либо мультилингвизмом. Лишь недавно, когда распространилась теория необходимости общего языка, заострились и процессы языкового сдвига» [Junyent, 1998, 175].

9) Испанский язык, несомненно, сохраняет свое преимущество в обществе, хотя и каталанский язык стал необходимым элементом для социального подъёма и для полноценной жизни в обществе. Сегодня возможно, но трудно жить в Каталонии, используя активно лишь каталанский язык; с другой стороны, возможно, но очень некомфортно жить в Каталонии, не понимая каталанский язык. Несмотря на то, что понимание каталанского языка стало почти универсальным и отчётливое большинство на-

селения владеет им и активно, властвует «языковой навик» (фр., англ. *habitus*) [Bourdieu, 1980, 88; Bastardas, 1994; Bastardas, 1995]. Навик использования испанского языка с незнакомыми людьми и в определённых ситуациях является сильно укоренённым, хотя, очевидно, постепенно ослабевает.

10) Качество разговорного каталанского языка, несомненно, снижается. Хотя новые поколения устранили ряд грубых лексических испанизмов старых, их каталанский является в намного большей степени интерферируемым испанским в фонетике, лексике, морфологии, синтаксисе и стилистике. Является очевидным распространение кальки: семантические поля каталанского языка приближаются к испанским, и в то же время каталанский начинает делать различия там, где их делает испанский язык, напротив, не делать там, где испанский это не делает²². Необходимо иметь в виду не только то, что носители языка находятся постоянно в контакте с испанским, но и то, что половина говорящих на каталанском языке – это носители испанского. Благодаря тому, что каталанский наряду с испанским действует как общественный язык, получается парадокс – в то же время он испанизируется, так как на сегодняшний день большинство населения является носителями испанского языка.

Обработка. После создания орфографии, грамматики и словаря необходима ещё большая лингвистическая обработка стандартного языка для того, чтобы язык смог использоваться в качестве делового во всех сферах жизни в современном развитом обществе. Для этой цели необходимы два типа работ: терминологическая модернизация и стилистическое развитие. Оба являются тесно взаимосвязанными. Например, с одной стороны, для использования подчинённого языка в судах необходимо развивать юридическую терминологию, но, с другой стороны, это является почти бесполезным без создания моделей для десятков типов документов, существующих в суде, – от заявления до приговора. Для этого в Каталонии созданы лингвистические отделы в практически всех министерствах, университетах и государственных предприятиях, которые создают эти модели, исправляют тексты, разрешают языковые сомнения работников и, в общем, работают над внедрением каталанского языка в отделы и организации. Действительно, изменение языка делопроизводства на такой территории, как Каталония, с ВВП Дании и 7,5 млн жителей, является не-

лёгкой задачей, но она в большой степени осуществилась в 80-х гг. и начале 90-х и с тех пор решается во всех новых сферах, которые постепенно переходят в ведение каталанского правительства, например полиция и суды.

Работа над терминологией начиналась одновременно с созданием современного стандартного языка. Вместе с филологическим отделом Института каталанских исследований были учреждены также отдел наук (нефилологических) и историческо-археологический отдел. Потом Институт присоединил другие общества в качестве филиалов. В результате этих действий Институт создал до диктатуры Франко разные терминологические комиссии и издания, включая целые научные коллекции: по ботанике, зоологии, математике, физике, химии, биологии, метеорологии, философии и др.

После диктатуры правительство Каталонии и Институт каталанских исследований совместно учредили терминологический центр TERMCAT в 1985 г. В 2010 г. его бюджет был 1,6 млн €. В нём были заняты 52 сотрудника и 7 стажёров. Его база данных, которую можно свободно использовать через Интернет [<http://www.termcat.cat>], содержит более 900 000 наименований, часть которых включена в 43 онлайн словаря [http://www.termcat.cat/ca/El_TERMCAT/Centre_De_Terminologia/#Xifres]. Важно подчеркнуть, что TERMCAT не только занимается научными словарями, но и прежде всего такими терминологическими сочинениями, которые необходимы для ресоциализации каталанского языка. Например: «Лексикон баров и кафе» (1990 г., 1 000 терм.), «Лексикон ресторанов» (1990 г., 1 500 терм.), «Основной словарь универмагов» (1998 г., 2 000 терм.), «Словарь полиции» (1994 г., 1 600 терм.), «Основной лексикон посещения врача» (1990 г., 15 300 терм.) и т.д. Следует добавить, что, действуя по примеру Квебека, TERMCAT сегодня уделяет большое внимание и анализу внедрения созданной терминологии [Montané, 2007; Vila, Nogué и Moreno, 2007]. Помимо этого, TERMCAT издал и десятки плакатов с разной терминологией для школ, предприятий и частных лиц.

Разные издательства и фонды, в сотрудничестве с TERMCAT, создали такие терминологические словари, как, например, словарь медицины с 60 000 терминами, который можно свободно использовать через Интернет [<http://www.medic.cat/>]. Таким же образом пол-

ная актуализированная Каталанская энциклопедия (24 тома) свободно доступна в Интернете [<http://www.enciclopedia.cat/>], как и многотомные энциклопедии по множеству областей. Интересно заметить, что разные издательства конкурируют не только за большие всеобщие энциклопедии, но и за специализированные, например, 8-томная энциклопедия музыки издательства Enciclopèdia Catalana и 13-томная – издательства Edicions 62²³.

По отношению к компьютерам и Интернету, так же как и к сотовым телефонам, необходимо добавить, что каталанский находится на уровне таких языков, как шведский, датский или чешский [Pellerejo, Sorolla, Nogué, 2011]. Существуют каталанские версии Windows, Office, Google, Facebook, Mozilla, Ubuntu, Debian, Open Office и т.д., между прочим, благодаря волонтерской организации Softcatalà, на чьем сайте находится более 150 программ на каталанском языке [http://www.softcatala.org/wiki/Història_de_Softcatalà]. В июне 2011 г. Википедия на каталанском языке занимала 13-е место по количеству статей, благодаря 340 000 статьям и 6000 сотрудникам. Состояние Википедии и переводов многих программ и сайтов еще раз демонстрирует вовлечённость и способность каталаноязычного сообщества организоваться на основе волонтерства²⁴.

Большое внимание каталанского сообщества к языку доказывается и действиями научного сообщества. Так, все университеты создали заметные проекты в разных областях прикладной лингвистики, особенно в компьютерной лингвистике, социолингвистике²⁵ и терминологии. Помимо этого, университеты Валенсии выделяются своими действиями в защиту языка. Среди прочего, они не раз противостояли валенсийскому правительству в суде (и выигрывали).

5. Выводы

Сегодня (если не учитывать маленькое государство Андорра) можно утверждать, что каталанский среди языков без государства находится в лучшем состоянии в Европе. Этот успех достигнут вопреки тому, что язык не располагает особым демографическим весом: у него нет большого числа носителей, доля его носителей не является наибольшей в Испании или Франции. Кроме того, относительный успех пришёл в необычайно тяжёлых условиях, иногда даже и трагических. Кроме граждан Андорры, остальные каталонцы живут в государствах, которые в течение последних

двух веков почти постоянно утверждали, что каталанский является диалектом, даже патуа; кроме того, они и сегодня все равно отрицают свою мультинациональность. Результат длительной политики, направленной против языка, очевиден, особенно в Северной Каталонии и городах Валенсии.

Несомненно, сегодня каталанский язык в социолингвистическом аспекте занимает как бы промежуточное положение. Он не находится, например, на уровне чешского языка, чей процесс социальной нормализации наблюдала каталанская интеллигенция в 20-х и 30-х гг. XX в. Почему сегодня каталанский язык не имеет такую степень социального развития, как чешский, понятно. Намного интереснее узнать, почему каталанский язык, в целом, не стоит на уровне, например, окситанского, пьемонтского, нижне-немецкого, татарского или чувашского языков. Надеемся, что наша работа смогла помочь продвинуться хоть ненамного в понимании этого.

Литература

1. *Алос и Фонт Э.* Чăваш чĕлхин социаллă нормализацийĕ хăш мелпе пулатъ? URL: <http://ru.chuvash.org/blogs/comments/1533.html>, 2009. (Перевод: Kie staras la normigado de la ĉuvaŝa lingvo? / URL: http://www.cv-haval.org/sites/default/files/attachs/festival2009_alos_eo.pdf.)
2. *Алос и Фонт Э.* Эсперанто, чувашский язык и языковые ресурсы в Интернете. URL: <http://www.chuvash.org/blogs/comments/1556.html>, 2011.
3. ИКС [Институт каталанской словесности]. 800 лет каталанской литературы. Барселона, 1994 (Веб-версия URL: <http://cultura.gencat.net/ilc/literaturacatalana800/ru/index58284.htm>).
4. *Нарумов Б.* Социолингвистика в Испании // Крючкова Т., Нарумов Б. Зарубежная социолингвистика: Германия, Испания. М., 1991. С. 73–151.
5. *Bastardas A.* Persistència i canvi en en el comportament sociolingüístic: La planificació sociolingüística // *Treballs de sociolingüística catalana*. № 12, 1994. С. 31–39.
6. *Bastardas A.* Language management and language behavior change: policies and social persistence // *Catalan Review*. Т. 9. № 2. С. 15–38.
7. ВСС. Coneixements i usos del català a Catalunya el 2010: dades del Baròmetre de la Comunicació i la Cultura. URL: <http://www.fundacc.org/docroot/fundacc/includes/noticies/fitxers/entrada11827/fitxer1326/dieta-llibres.pdf>, 2011. 38 с.
8. [Benet J.] Catalunya sota el règim franquista. Informe sobre la persecució de la llengua i la cultura de Catalunya pel règim del general Franco. París, 1973. 469 с.

9. *Bibiloni G.* Llengua estàndard i variació lingüística. València, 1977. 149 c.
10. *Boix i Fuster E., Vila i Moreno F.X.* Sociolingüística de la llengua catalana. Barcelona, 1998. 381 c.
11. *Bourdieu P.* Le sens pratique. Paris, 1980. 475 c.
12. *Branchadel A.* L'aventura del català. De les «Homilies d'Organyà» al nou estatut. Barcelona, 2006. 189 c.
13. *Bruguera J.* Constatacions lingüístiques enutjoses // Colón G., Martínez Romero T., Perea M.P. (ред.) La cultura catalana en projecció de futur: homenatge a Josep Massot i Muntaner. Castelló de la Plana, 2004. C. 117–126.
14. *Castellanos C.* Llengua, dialectes i estandardització. Barcelona, 2000. 128 c.
15. *Cooper R.L.* Language planning and social change. Cambridge, 1989. 216 c.
16. *Ferrando Francés A., Nicolás Amorós M.* Història de la llengua catalana (Nova edició revisada i ampliada). Barcelona, 2011. 552 c.
17. *Ferrer i Gironès F.* La persecució política de la llengua catalana. Barcelona, 1985. 316 c.
18. *Finestres J. u òp.* La negació de la repressió de la llengua catalana // Butlletí Virtual. Segle XXI. № 3. URL: <http://www.cercle21.cat/butlleti/03/index.html>.
19. *Haugen E.* The implementation of corpus planning: theory and practice // Covarrubias J., Fishman J.A. (ред.) Progress in language planning. Berlin, 1983. C. 269–289.
20. *Junyent C.* Contra la planificació. Barcelona, 1998. 187 c.
21. *Lamuela X.* Estandardització i establiment de les llengües. Barcelona, 1994. 175 c.
22. *Lamuela X., Murgades J.* Teoria de la llengua literària segons Fabra. Barcelona, 1984. 301 c.
23. *Marcet i Salom P.* Història de les llengua catalana (в 2 тт.). Barcelona, 1987. 400 + 227 c.
24. *Marfany J.-Ll.* La llengua maltractada. El castellà i el català a Catalunya del segle XVI al segle XIX. Barcelona, 2001. 543 c.
25. *Marfany J.-Ll.* Llengua, nació i diglòssia. Barcelona, 2008. 301 c.
26. *Mariás J.* Consideración de Cataluña. Barcelona, 1966. 175 c.
27. *Montané March A.* Anàlisi de la implantació de la terminologia normalitzada en llengua catalana: un enfocament qualitatiu // Fargas Valero F.X. Espais Terminològics 2007. Neologia terminològica: el tractament dels manlleus. Vic-Barcelona, 2007. C. 177–189.
28. *Montoya B.* Normalització i estandardització. Alzira, 2006. 140 c.
29. *Moreno Cabrera J.C.* El nacionalismo lingüístico: Una ideologia destructiva. Barcelona, 2008. 223 c.
30. *Pradilla i Cardona M., Sorolla Vidal N.* (ред.) Informe sobre la situació de la llengua catalana. Barcelona, 2011 URL: <http://www.demolinguistica.cat/arxiu/web/informe/informe2010.pdf>.

31. *Pellerejo B., Sorolla N., Nogué M.* La dimensió de les llengües a la Wikipedia i la seua relació amb els moviments socials // *Digithum* № 13, maig 2011. С. 37–49.

32. *Riquer i Permanyer B. de.* Identitat contemporànies: Catalunya i Espanya. Barcelona, 2000. 277 с.

33. *Segarra M.* Història de l'ortografia catalana. Barcelona, 1985. 463 с.

34. *Segarra M.* Història de la normativa catalana. Barcelona, 1985. 222 с.

35. *Segarra M.* Història de la normativa i dels models lingüístics de la llengua catalana // *Martí i Castell J.* (ред.) *Processos de normalització lingüística: L'extensió d'ús social i la normativització.* Barcelona, 1991. С. 179–188.

36. *Strubell M., Boix-Fuster E.* (ред.) *Democratic policies for language revitalisation: The case of Catalan.* London, 2011. 254 с.

37. *Vila i Moreno F.X., Nogué Pich M., Vila i Moreno I.* *Estudis d'implantació terminològica: Una aproximació en l'àmbit dels esports.* Vic-Barcelona, 2007. 262 с.

Примечания

¹ Далее в тексте эта часть называется Северная Каталония, а часть, находящаяся под испанским подданством, просто Каталония.

² В Испании люди получают две фамилии: первую фамилию отца и первую фамилию матери (женщины не теряют свои фамилии после свадьбы). Каталонцы часто добавляют «и» (с тем же значением как в русском языке) между фамилиями. Вторая фамилия может сократиться в неофициальных ситуациях. Кроме того, нет отчеств.

³ Необходимо добавить, что впоследствии мнение М. Мила и Фонтаналса изменилось на более благосклонное в отношении литературы на каталанском языке.

⁴ Конечно, всегда существовала партия, благосклонная к ассимиляции, хотя она была в меньшинстве. Ещё в 1902 г. каталанский депутат Франсеск Маспонс и Англазель предлагал закон, согласно которому «отстранялись бы от должности все председатели муниципальных советов, не владеющие испанским языком» (хотя он сам признал, что такое решение «обезглавило бы 90% муниципальных советов Каталонии») [цит. по: Ferrando и Nicolás, 2011, 322]. Со стороны трудящихся, имеющих исключительную важность в индустриальной Каталонии, также существовали сторонники ассимиляции под знаменем интернационализма.

⁵ Каталанский и испанский языки, как соседние романские языки, являются, несомненно, близкими, но не взаимопонятными. Португальский язык стоит ближе к испанскому, чем каталанский. Кроме того, уже более века продолжается искусственная, бесплодная дискуссия о том, что было бы предпочтительнее включить каталанский язык в иберийскую или французскую подгруппы романских языков.

⁶ Более подробно о модели Хаугена с анализом состояния чувашского языка на его основе см.: [Алос и Фонт, 2009].

⁷ Необходимо добавить, что развитие событий привело к тому, что сегодня для каталанского языка существуют три равноправных стандартных варианта: для Каталонии, Валенсии и Балеар. Возможно добавить и четвертый вариант, для Северной Каталонии. С другой стороны, в Валенсии, правительство области создало в 1998 г. организацию, регулирующую язык, Валенсийскую академию языка, которая является независимой от Института каталанских исследований в Барселоне. В результате этого, хотя две организации сотрудничают, каталанский язык стал полицентрическим языком, так же как и португальский, испанский, немецкий и другие языки.

⁸ Позже добавилась и форма Северной Каталонии *canti*.

⁹ Например, П. Фабра сохраняет в стандартном языке различие средневекового языка между «его/её» и «их», которое сохраняется только в северном диалекте. Следует указать, что этого же различия не существует в испанском языке, но оно есть во французском; это, по всей вероятности, вызвано тем, что различие исчезло южнее Пиренеев, но сохранилось севернее. Во всяком случае, возможно, этот принцип дал небольшое число жизнеспособных форм в стандартном языке.

¹⁰ Кастаньянос ставит в пример языковую политику бывшего Советского Союза с поощрением систематических заимствований из русского языка для обеспечения неологизмов нерусским языкам Союза как «прямой способ для сохранения подчинённой связи» [Castellanos, 2000, 70].

¹¹ Следует указать, что сделанные позднее анализы, благодаря более исчерпывающему и глубокому изучению средневекового языка, ставят под сомнение некоторые решения П. Фабры, когда он считал отдельные лексические, морфологические или синтаксические элементы испанизмами и, следовательно, устранял их из стандартного языка [Bruguera, 2004].

¹² Фактически вновь с 80-х гг. XX в., наряду с вопросами создания большинства сегодняшних аудиовизуальных средств массовой информации и популярных газет и преимущества устного языка перед письменным, этот вопрос находится в центре оживлённой дискуссии.

¹³ Для понимания количества переводов: только одна коллекция, созданная с 1923 по 1936 г., содержала произведения 84 классиков с латинского и греческого языков с высококачественными параллельными текстами на каталанском. Кроме того, публиковались непосредственные переводы десятков авторов с английского, венгерского, итальянского, немецкого, русского, французского и чешского языков.

¹⁴ Между прочим, П. Фабру освободили от руководства кафедрой каталанского языка и изгнали из университета.

¹⁵ Для обзора испанского т.н. языкового национализма, см.: [Moreno Cabrera, 2008].

¹⁶ Характерный пример: с 1968 по 1980 г. публиковалось 15 томов Каталанской энциклопедии под пристальным вниманием диктатуры. Первый директор этого исторического для каталанского языка сочинения был изгнан из Испании властями в 1972 г.

¹⁷ Для актуального обширного обзора и противопоставления языковых политик в отношении каталанского языка см.: [Strubell, Voix-Fuster, 2011].

¹⁸ Понятия «планирование овладения» (англ. *acquisition planning*) и «планирование статуса» (англ. *status planning*) ввёл Р.Л. Купер [Cooper, 1989], сегодня они широко используются в литературе по языковой политике.

¹⁹ Эта эволюция, которая продолжается и сегодня, связана с историческим ревизионизмом и включает в себя отрицание преследования каталанского языка [Finestres и др., 2005]. Ярким примером являются слова короля Хуана Карлоса в речи от 2001 г.: «Никогда наш язык не навязывался силой, напротив, он помогал находить общий язык; никого не заставляли говорить на испанском языке, но множество народностей сделало своим языком в результате абсолютно свободного выбора именно язык Сервантеса» [цит. по: Branchadell, 2006, 145].

²⁰ Количество упало в результате экономического кризиса. В 2008 г. было 9 926 книг, т.е. 12,0% книг Испании (данные Испанского института статистики. URL: <http://www.ine.es/jaxi/tabla.do?path=/t12/p401/a2010/l0/&file=00005.px&type=pcaxis&L=0>).

²¹ Pradilla, Sorolla [2011, 12] насчитывают 9 659 тыс. говорящих на каталанском языке в Каталонии, Валенсии и на Балеарах.

²² Чтобы объяснение стало яснее, предлагаем некоторые примеры: 1) На испанском языке есть различия между *bolsa* («сумка») и *bolso* («дамская сумка»). Эти различия на стандартном каталанском языке, так же как и на русском, необязательны, но в каталанском разговорном языке существует чёткая тенденция калькировать эту разницу с помощью испанизма *bolso*. 2) Испанский язык не различает «ничто» и «несколько» (катал. *res* и *gens*) или два слова для «много» в утвердительных и отрицательных фразах (катал. *molt* и *gaire*). В результате этого в разговорном каталанском языке эти различия исчезают. Этот тип интерференции особенно важен в системе местоимений, где целых три местоимения (*en*, *hi*, *ho*), кажется, постепенно исчезают. 3) Как на испанском, так и на каталанском языках существуют два глагола «быть»: *ser* и *estar*. В стандартных языках есть случаи, в которых на каталанском нужно использовать *ser*, но на испанском – *estar*. Эти различия исчезают в разговорном языке.

²³ Согласно современным тенденциям такие издания сегодня переносят в Интернет.

²⁴ О важности волонтерства для создания языковых ресурсов в Интернете см.: [Алос и Фонт, 2011].

²⁵ Для анализа каталанской и валенсийской социолингвистики с середины 60-х до конца 80-х гг. см.: [Нарумов, 1991, 79–136]. Не случайно эта часть занимает 75% его обзора по социолингвистике в Испании.

ВАРИАЦИЯ В ПОСЛЕЛОЖНОЙ СИСТЕМЕ ВОЛЖСКИХ ЯЗЫКОВ

С. Сааринен

Университет Турку, г. Турку (Финляндия)

В настоящей работе рассматривается послеложная система в волжских языках с точки зрения вариативности. Когда мы говорим о вариации послелогов, чаще всего имеем в виду лексическую вариацию. Это значит, что два или более разных элемента (в нашем случае послелога) выполняют одну и ту же функцию. При лексической вариации можно говорить и о синонимии, поскольку эти элементы являются синонимами по отношению друг к другу. Однако, кроме лексической, в послеложной системе марийского и мордовских языков наблюдается и морфологическая вариация.

Послелого характерны для всех финно-угорских языков, и в некоторых случаях их количество достигает нескольких десятков. Они дополняют падежную систему, выражают локальные, точнее, различные оттенки местных значений и пространственных отношений, а также грамматические отношения. Употребление послелогов свойственно агглютинативным языкам, где порядок слов SOV (т.е. субъект – объект – глагол), но они существуют и в тех финно-угорских языках, в которых порядок слов изменился в SVO (субъект – глагол – объект) и в которых уже используются и предлоги (как, например, в финском языке). Послелого существуют также в тех финно-угорских языках (например, в саамском и эстонском), которые по характеру не являются чисто агглютинативными.

Послелого образуются в финно-угорских языках чаще всего от существительных – правда, нередко через формы наречий. Реже встречаются послелого, образованные от глаголов, точнее от их инфинитных форм. Таких послелогов как в волжских, так и в других финно-угорских языках несколько, и они представляют собой новый пласт. Хотя послелого чаще всего относятся к несклоняемым частям речи, в финно-угорских языках они изменя-

ются хотя бы по нескольким падежам; послелогои, выражающие место, наличествуют во всей серии местных падежей, иначе говоря, отвечают на вопросы где? куда? откуда? Полной парадигмы падежей у них, естественно, не может быть. Неполное склонение по падежам является прямым следствием именного происхождения послелогов. Хотя они семантически отделились от корневого слова, содержащиеся в них падежные окончания, которые выражают локальные и прочие отношения, сохраняют свои функции.

В марийском языке 73 послеложные основы. Часть из них склоняется по многим падежам, так что общее количество послелогов значительно больше производящих основ.

В мордовских языках послеложных основ 57, но и там общее количество послелогов гораздо больше благодаря падежным формам, образованным от одной и той же основы. Конечно, следует помнить, что эти цифры неустойчивые, так как класс послелогов в финно-угорских языках является открытым.

Система послелогов является идеальным объектом для исследователей грамматикализации. Под грамматикализацией понимается лингвистический процесс, в течение которого слово постепенно теряет свое первоначальное лексическое значение и превращается в грамматический элемент. В этом процессе может редуцироваться фонетический облик слова. Однако фонетические изменения необязательны.

Установлены интереснейшие примеры такого развития. В венгерском языке девять местных падежей, и восемь из них возникли путем полной грамматикализации первоначальных имен существительных. Часть этих имен стала послелогоми уже тысячу лет назад, и они были задокументированы уже в текстах того времени. В течение нескольких веков послелогои превратились в падежные окончания. Эти падежные окончания, тем не менее, содержат в себе, кроме послеложной основы, в фонетически сокращенном виде и те первоначальные падежные суффиксы, которые стояли в конце послелога – имени существительного.

Развитие марийских и мордовских послелогов не дошло до суффиксации, и результатом грамматикализации имен существительных стали послелогои, которые лишь частично содержат семантику первоначального субстантива. При этом и имена существительные продолжают свою самостоятельную жизнь в языке.

(Так, между прочим, случилось и в венгерском языке: часть имен существительных, которая перешла через форму послелого в падежный суффикс, еще функционирует в языке.) Если послелог не разошелся с именем существительным фонетически, т.е. не имеется редуцированных изменений, то он отличается от субстантива лишь семантикой и не содержит всех оттенков значения имени существительного. Отличительным фактором является и синтаксическая черта послелого: по сравнению с существительным послелог не может получить атрибут.

В финно-угорских, в особенности мордовских, языках переход имен существительных в послелого является важным элементом послеложной системы. В этом мордовские языки очень похожи на прибалтийско-финские. Результатом многих грамматикализаций в послеложной системе мордовских языков является наличие большого количества вариаций, т.е. в них много синонимичных элементов.

Возьмем, к примеру, мордовские послелого, которые выражают отношения 'у', 'к', 'от'. Обычно эти функции можно передать с помощью одной и той же основы в разных падежах, т.е. 'у' с окончанием инессива, 'к' с суффиксом иллатива и 'от' с окончанием элатива. Но основ, которые встречаются с этим значением, в мордовских языках много – больше десяти. Перечислим часть из них.

Падежные формы слова *бока*, русского по происхождению, превращались в послелого, у которых чаще всего уже нет первоначального значения 'рядом' или буквально 'у бока', 'к боку', а лишь 'у, к': *бокав / боку* 'к', *бокава / бокова* 'по, вдоль', *бокас / бокс* 'к, до', *бокасо / бокса* 'у', *бокасто / бокста* 'от'. Падежные формы финно-пермского слова *ёжо / ёжа* 'кожа', по-видимому, первоначально выражали отношения 'на поверхности чего-либо', букв. 'на коже', но теперь значение этих послелогов уже довольно близко к значению предыдущего послелого с основой на *бока*. С таким же значением употребляются и послелого, образовавшиеся от финно-волжского имени существительного *вакс* 'пядь' и от финно-волжского имени прилагательного *виде* 'прямой, ровный', например, *кудо вакссо* 'у дома' или мокшанский *вирнять видеса* 'у леса'. Финно-угорское по происхождению слово *кедь* 'рука' тоже перешло в послелог с частично таким же значением, например, мокшанский *эрямс брадонь кядьса* 'жить у брата'.

Уральское по происхождению слово *пеле* ‘сторона’ также употребляется в функции послелого, например, в лативе в мокшанском *молемс ялгань пяли* ‘идти к другу’. Финно-волжский по происхождению субстантив *чире* ‘берег; край’ имеет в функции послелого те же значения, например, мокшанское *молемс вирть шири* ‘идти к лесу’.

Упомянутые выше послелогои развились от имен существительных или прилагательных, но переход наречия в послелог – процесс более короткий. Среди послеложных основ со значением ‘у’, ‘к’, ‘от’ встречается и основа первоначального наречия финно-волжского происхождения: *мала-* ‘близкий, близко’, например, *кудонть маласо* ‘у дома’, *кудонть маласто* ‘от дома’. Кроме перечисленных послелогов финно-угорского происхождения, в мордовских языках в таких же функциях встречаются и два слова татарского происхождения: имя существительное *ён* ‘ум; сторона, направление’ и наречие-послелог мокшанское *утор* ‘навстречу; до; у, около’. *Ён* изменяется по падежам, например, *леенть ёндо* ‘от реки’, но *утор* имеет лишь две формы, в которых нет падежных окончаний, т.е. *утору* и *утора*: *Митреень утору* ‘к Дмитрию’ и *колхоздь правлениянц утора* ‘у правления колхоза’. Кроме значения ‘у’, ‘к’, ‘от’, разные формы всех упомянутых послелогов имеют, безусловно, и другие значения и оттенки. Таким образом, они не являются полными синонимами. Но в функциях, описываемых выше, они выступают как варианты.

В марийском языке грамматикализация, переход имен существительных в послелогои, не является продуктивным явлением. Среди марийских послелогов много древних локальных основ, которые обычно изменяются в так называемых непродуктивных местных падежах, но среди них также довольно много заимствований. Например, установлено 12 разных основ послелогов со значением ‘у’, но только шесть из них встречаются на всей языковой территории (*дене, кутлаште, лишне, пелен, шураште, воктене*), кроме того, два в лугово-восточном литературном языке (*күдылнӧ, торешне*), два в восточном диалекте (*тагылыште, тапкырыште*) и два в горномарийском языке (*сага, тервен*). Это значит, что вариативность внутри диалектов все-таки не такое распространенное явление, как может показаться с первого взгляда. Из этих 12 послеложных основ три заимствованы из татарского и одна из чувашского. Среди послелогов финно-

угорского происхождения со значением ‘у’ нет ни одного имени существительного, и все они имеют локальные основы, которые склоняются в местных падежах и встречаются в функции или послелога, или наречия.

Посмотрим другую группу послелогов в финско-волжских языках. Это послелог со значением ‘из-за чего-либо’, т.е. послелог, указывающие на причину. В марийском языке их девять, но лишь четыре из них встречаются на всей языковой территории: *гыч* финно-угорского происхождения со множеством значений, *пелдык* неясного происхождения, *верч* финно-волжского происхождения и *лүмеш* уральского происхождения (т.е. датив от слова *лүм* ‘имя’). В лугово-восточном литературном языке, кроме указанных, употребляются послелог *кõра* татарского происхождения (управление которого также заимствовано, т.е. определяемое слово в дативе), *лийын* финно-угорского происхождения (буквально ‘будучи’, т.е. деепричастие от глагола *лияш*; также с этим послелогом определяемое слово часто стоит в дативе: видимо, здесь наблюдается влияние предыдущего послелога) и *шумлык*, который заимствован из татарского. В горномарийском языке также используется *гишйӓн* и в северо-западном диалекте *мацын*, происхождение которых не установлено.

В мордовских языках существует вариация послелогов в функции ‘из-за чего-либо’. На всей языковой территории употребляются два послелога со значением ‘из-за’: *кувалма*, производное от слова *кува* ‘длинный’ финно-волжского происхождения и *марто*, первоначальное значение которого ‘с’. Мордовскими языками также заимствован татарский послелог *кõрӓ* в форме *коря*, но он имеет значение ‘из-за’ лишь в эрзянском языке; в этой функции послелог всегда стоит в иллативе – *коряс*. Лишь в мокшанском встречается послелог *инкса*, происхождение которого неясно. То же значение имеют эрзянские *кис*, *кисэ*, *кине* – падежные формы (иллатив, инессив и аллатив) от слова *ки* ‘дорога’, также неясной этимологии.

В предыдущем примере видна еще одна морфологическая черта, которая нередко встречается как в мордовских, так и в марийских послелогах. Это вариация падежей без изменения значения, т.е. морфологическая вариация. Выше приведены примеры послелогов, которые изменяются в местных падежах. Выбор падежа в этих случаях зависит не от послеложной основы, а от гла-

гола предложения. Например, в эрзянском языке от основы *бока*: с иллативом *самс кудо бокас* ‘идти к дому’, с инессивом *сон ашти озадо кудо бокасо* ‘он сидит у дома’, *туемс кудо бокасто* ‘уйти от дома’. Или в марийском от основы *вокте* -: с непродуктивным иллативом *каяш кудо воктеке* ‘идти к дому’, с непродуктивным инессивом *кошташ кудо воктене* ‘ходить у дома, около дома’, с непродуктивным элативом *лекташ кудо воктеч* ‘уйти от дома’. Так как выбор падежа зависит от глагола предложения, вариации падежей здесь, конечно, не может быть. Морфологическая вариация падежей обычно встречается в послелогох, которые не выражают местные отношения. Это было уже видно в примере с эрзянским послелогом *кис, кисэ, кине* (с падежными окончаниями иллатива, инессива, аллатива), который имеет значение ‘из-за’. Хотя у этих падежей разные и довольно точные значения, которые невзаимозаменяемы, в этой функции (‘из-за’) они все-таки взаимозаменяемы. Обратимся к другим примерам как в мордовских, так и в марийском языках.

В мокшанском и эрзянском языках в значении ‘вместо чего-либо’ употребляются разные послеложные основы: в мокшанском от имени существительного *васта* ‘место’ (финно-волжского происхождения) и эрзянское *тарка* ‘место’ (с неясной этимологией). Оба слова встречаются и в иллативе, и в инессиве с тем же значением, т.е. мокшанское *вастс* или *вастоса* и эрзянское *таркас* или *таркасо*. Лишь в мокшанских диалектах существуют послелогох, образованные от слова *эрьгя* ‘сила, мощь’ с помощью падежных суффиксов, это иллатив *эрьгас*, транслатив *эргакс* и пролатив *эрьгава*. Все эти послелогох с разными падежными суффиксами имеют то же значение – ‘вместо чего-либо’.

В марийском языке можно наблюдать то же явление с тем же послелогом ‘вместо чего-либо’. Может быть, самый фреквентный послелог с этим значением образован от финно-волжского по происхождению слова *вер* ‘место’. Встречается он в двух падежах: или в лативе *вереш*, или в непродуктивном элативе *верч* с таким же значением ‘вместо’. В горномарийском языке, кроме упомянутых послелогох *верч* и *вӱреш*, в этой же функции употребляются и послелогох *шакшеш* и *шакшым*. В этих словах основа та же (неясная по происхождению), но падежные суффиксы разные: латив и аккузатив.

Лексическая вариация в мордовских языках возникла главным образом путем грамматикализации, перехода разных имен существительных в послелого. Но грамматикализация не является единственной причиной, вызвавшей лексическую вариацию. В марийском языке много синонимичных локальных основ, которые употребляются в одной и той же функции. В марийском языке также много послелогов, заимствованных из тюркских языков, хотя послелого с идентичным значением уже имелись в языке. Морфологическая вариация встречается в послелогох, в которых можно альтернативно употреблять два или более разных падежных суффикса без изменения значения или функции. Морфологическая вариация в послеложной системе марийского и мордовских языков – не такое частотное явление, как лексическая вариация.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ И ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СМЕШАННЫХ МОРДОВСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Н.А. Агафонова
*Мордовский государственный университет,
г. Саранск*

Вопрос о местоимениях представляет значительный интерес для любого языка. Своеобразный характер этих слов всегда привлекал внимание исследователей, и мы находим в научной литературе много работ, посвященных описанию местоимений.

Местоименные формы в смешанных говорах мордовских диалектов отличаются от соответствующих форм литературных языков новообразованиями и более древними чертами, отсутствующими в последних, вариантною форм в парадигмах, сложностью самих парадигм.

В современных финно-угорских языках, в том числе и мордовских, различают две группы местоимений: первостепенные и второстепенные (мы пользуемся терминами, предлагаемыми К.Е. Майтинской). Неопределенные местоимения относятся к второстепенным местоимениям. Все разряды местоимений второстепенной группы возникли после разложения языка-основы [Майтинская, 1979, 187]. Они появились на основе первостепенных местоимений в результате сложения одного прауральского местоимения с другим; осложнения местоимения суффиксальными и префиксальными элементами; заимствования местоимений из других языков и прономинализации неместоименных слов.

Неопределенные местоимения в исследуемых говорах сформировались несколькими путями: во-первых, при помощи осложнения вопросительных местоимений вопросительными местоимениями; во-вторых, осложнением вопросительных местоимений эмфатическими частицами; в-третьих, осложнением вопросительных местоимений элементами, заимствованными из других языков.

В смешанных говорах выявлены следующие неопределенные местоимения: 1. *meže-meže* «что-нибудь» (букв.: что-что), *kije-kije* «кто-нибудь» (букв.: кто-кто), *kona-kona* «который-нибудь» (букв.: который-который), *kosa-kosa* «где-нибудь» (букв.: где-где), *kosti-kosta* «иногда» (букв.: откуда-откуда); 2. *kijek / kivek / kijak* «кто-нибудь», *mežik / mežijak / mežijek* «что-нибудь», *žarijak / žňarijek / žarevêk / ňarijak* «сколько-нибудь», *žňardijak* «когда-нибудь», *kodamijek / kodamijak* «какой-нибудь», *konajak / konajek* «который-нибудь», *kovgak* «куда-нибудь», *kojkak* «так себе»; 3. *ki-bj'd'i / ki-bud'i / ki-but'i / ki-budimks* «кто-то», *meži-bid'i / meži-bud'i / meže-but'i / meži-bud'imks* «что-то», *kodamo-budi / kodamo-bud'imks* «какой-то», *žňari-bid'i* «сколько-то», *koli-bud'em* «когда-то», *kojmeže* «кое-что», *kosti-bid'i* «откуда-то».

Все неопределенные местоимения лишь приблизительно указывают на предмет или его качество, свойство, сам предмет или его признак в ряду подобных остается невыясненным, неизвестным, неопределенным [Грамматика, 1980, 265].

В неопределенных местоимениях изменению подвергается только местоименная основа. Эмфатические частицы *-ek / -vek / -ak / -ik* и элементы, заимствованные из других языков *-bidi / -biti / -budi / -budimks*, *koj-*, присоединяются к падежным морфемам без изменений. Местоименные основы неопределенных местоимений изменяются по типу вопросительных местоимений.

Так, неопределенные местоимения, осложненные эмфатическими частицами (*kijak* «кто-то», *mežejak* «что-то», *konajak* «который-нибудь» и др.) склоняются только по основному склонению, как вопросительное местоимение *ki* «кто». Косвенные падежи множественного числа этих местоимений грамматически не различаются, они совпадают с формами косвенных падежей единственного числа.

Местоимения с элементами *koje-*, *-bud'imks / -bud'i / -but'i / -bid'i* изменяются по типу вопросительного местоимения *meže* «что» по основному и указательному склонениям, принимая падежные суффиксы существительных. В основном склонении множественное число имеет только номинатив, в указательном – все косвенные падежи: *mežešt' -bud'imks / mežňe-bud'imks* «чего-то», *mejste* «*st-bud'imks / mešňesta-bud'imks* «из чего-то» и т.д. По такому же образцу склоняются остальные местоимения этого типа. Нередко данные местоимения могут присоединять к себе лично-

притяжательные суффиксы, кроме неопределенных местоимений с местоименной основой *ki / kije* «кто»: *mežem-but'i šeřed'i* «Что-то у меня болит» (Подстепки); *konat-but'i sovaš kuc* «Который-то твой вошел в дом» (Новое Урметьево); *kodamozo bud'imks paro/no avol' veše* «Какой-то у него хороший, но не все» (Сиделькино) и т.д.

Любопытно, что местоимения типа *takodamo* «какой-то», *taki* «кто-то», часто встречающиеся в речи эрзянского населения на территории Мордовии, в исследуемых говорах отсутствуют. Это объясняется, по-видимому, тем, что для мокшанского языка и его говоров данные местоимения не характерны. Возможно, эрзянское население на первых порах в своей речи их использовало, впоследствии под влиянием общей системы неопределенных местоимений мокшанского языка они были вытеснены. В анализируемых говорах не встречаются и неопределенные местоимения чисто мокшанского образования типа *kat'i-kije* «кто-то», *kat'i-meže* «что-то».

Неопределенные местоимения, осложненные эмфатическими частицами *-ek / -vek / -ak / -gak*, в предложениях отрицательного типа выступают в функции отрицательных местоимений: *veše do-brot toso/mežejak ešt' saje* «Все добро твое там, ничего не взяли» (Лопатино); *kiňak a kunsoli son* «Никого не слушает он» (Новое Урметьево); *ton hvat'it' /konajek iz saje teňek* «Ты заметила, никто не приехал к нам» (Верхнее Санчелеево).

Э. Беке, посвятив исследованию неопределенных местоимений обширную статью, пришел к выводу, что в финно-угорских языках, как и в индоевропейских, в функции собственно неопределенных местоимений использовались первичные вопросительные местоимения, произнесенные без вопросительной интонации [Беке, 1913]. Положение, высказанное Э. Беке, верно, так как у преобладающего большинства современных финно-угорских языков в собственно неопределенных местоимениях выявляются корни вопросительных местоимений, которые могут выступать в чистом виде или с разными добавлениями.

Ряд неопределенных местоимений в смешанных мордовских диалектах ширится в основном не путем абстрагирования полнозначных слов или заимствования готовых местоимений, а прежде всего заимствования формальных элементов, т.е. частиц или префиксов. Причина в том, что финно-угорские языки не нуждались

в создании специальных слов для неопределенных местоимений, т.к. уже в языке-основе имелись местоимения, которые использовались как в качестве вопросительных, так и в качестве неопределенных местоимений. По мнению К.Е. Майтинской, необходимость заключалась в дифференциации оттенков значения неопределенных местоимений. А для таких целей очень удобно было использовать не только элементы своего языка, но и заимствования из неродственных языков.

По К. Виклунду, местоимения обычно не заимствуются, за исключением пестрой группы так называемых неопределенных местоимений, к которым относят также отрицательные и определительно-обобщительные местоимения [Wiklund, 1907, 4–8].

К разряду определительных местоимений в смешанных мордовских говорах относятся: *íst'amo / stama / ekst'ama* «такой», *líja / líje* «другой», *šembe* «все», *ladom* «все», *veše / veši* «все», *eřva* «каждый», *kazdaj / kaznij* «каждый», *šakoj / šakaj* «всякий», *samaj* «самый». Данный разряд местоимений в основном образован использованием первостепенных местоимений, осложненных суффиксальными элементами. Рассмотрим каждое местоимение, входящее в эту группу, отдельно: *íst'amo* «такой, такая, такое» (Лопатино, Сиделькино, Сускан, Старое Эштебенкино). Диахронно в нем можно выделить четыре элемента: 1. *i-* (ф.у.**i*-овая местоименная основа); 2. *še-* (< финно-угорская *sÿ*-овая местоименная основа); 3. *ta-* (<* *-t*-овый местоименный суффикс прамордовского происхождения), 4. *-mo* (**m* – прамордовский именной суффикс, продолжением которого в современных мордовских языках является словообразовательный суффикс *-ma / -mo*, образующий новые слова от глагольных основ: *soda-mo* «зять», от *soda* – знать, узнать, познать; *nalkše-ma* «игра» от *nalkše* – играть; *stama* «такой, такая, такое» (Верхнее Санчелеево, Нижнее Санчелеево; Подстепки, Шелехметь, Торновое) <**íst'amo*. Местоименная основа *i-*, которая сохранилась в слове *íst'amo*, в данном случае оказалась утраченной. Такое же явление наблюдается во многих мокшанских диалектах: *ekstama* «такой, такая, такое» (Новое Урметьево, Чувашское Урметьево, Узюково). Местоимение *экстамь* «такой» зарегистрировала в городищенском диалекте мокша-мордовского языка Т.И. Ломакина. По ее мнению, источник происхождения местоимения един с эрзянским местоимением *íst'amo*, представляющим собой сложное образование из

местоименных основ и суффиксов. Так ли это? Для нас в этом местоимении весьма любопытным является элемент *-ek*. Если даже допустить, что *e-* – это *i*-овая местоименная основа, то откуда же взялся элемент *-k* в этом местоимении? Возможно, что *-ek* можно сопоставить с марийским элементом *ikt-*, обнаруживаемым в неопределенном местоимении *иктаж(е)* «кто-нибудь, кто-либо», *иктажлан* «кому-нибудь, кому-либо» [Марийско-русский, 1956, 129]. Исследователи марийского языка считают, что слово *иктаже* происходит от числительного *икте* «один» [Пенгитов, 1961, 147], осложнившись лично-притяжательным суффиксом третьего лица единственного числа *-же* [Галкин, 1964, 71], используемым в усилительно-выделительном значении. Возможно, что элемент *ek-* в местоимении *ekstama* восходит к древней форме прамордовского числительного *vejke / fkä* «один», употребляемого наряду с прямым значением числительного и в неопределенном значении как артикль.

Эти местоимения указывают на степень качества имени существительного или прилагательного, употребляются со значением «подобный»: *ist'amo čuda kudosonok arašel' / čiganavat čotiresta šemd'išit rublej salašt' šifonercta* «Такого чуда у нас в доме (букв.: в доме нашем) не было, – цыганки четыреста семьдесят рублей украли с шифоньера» (Лопатино); *miñ stama šeršt' a mutama žardijek* «Мы такую шерсть никогда не найдем» (Верхнее Санчелеево); *ton mežeñ tejter ekstamiš / šiveld'e af jarsaj* «Ты что за девушка такая, мясо не ешь (Новое Урметьево); *poraš ekstama / dolžin tujeme akša panktak* «Пора такая, должны и белые грибы быть (букв.: пойти)» (Узюково).

Šembe «все» (Подстепки, Торновое, Верхнее Санчелеево). Основой образования данного местоимения является прамордовское указательное местоимение *še* «этот, тот», осложненное суффиксом *-mb*, используемым когда-то в качестве морфологического средства образования сравнительной степени. В мордовских языках это местоимение является единичным примером, где сохранился суффикс сравнительной степени *-mb* финно-угорского происхождения. Местоимение *šembe* имеет собирательное значение: *bazaru kemiñčka lomañ jakañek / šembe cuzojšt'* «На базар человек десять нас ходило и все чужие» (Верхнее Санчелеево); *šembe neda puttama / a potom kočktana ešet* «Все это сажаем, а потом собираем

их (Торновое); *sembe kel'neñ sodasiñde* «Все языки знает» (Подстепки).

Определительные местоимения в смешанных говорах мордовских языков ко всему прочему образованы путем прономинализации местоименных слов. В результате данного процесса появилось местоимение *lija* «другой». Х. Паасонен сопоставляет это местоимение с финским прилагательным *liika* «лишний, излишний» [Paasonen, 1909, 89]. В мордовских языках появление *-j* вместо прежнего *-k* обусловлено его расположением в интервокальном положении. Этот процесс для прамордовского языка был обычным.

На наш взгляд, К.Е. Майтинская права, считая, что мордовское определительное местоимение *lija* – не что иное, как переход полнозначного слова, в частности имени прилагательного, в местоименное значение. То, что местоимение *lija* было изначально прилагательным, подтверждается многочисленными примерами из родственных языков: карельским *liiga*, венгерским *līg*, эстонским *liig* (генитивная форма *liia*), ливским *le×iga*, *lüga*, саамским *lü'kē* «лишний, излишний, ненужный». По мнению авторов финского этимологического словаря, это слово – балтийское заимствование. В настоящее время слово *liika* в латышском и латвийском языках сохранило значение прилагательного, ср.: латышское *liēks* «лишний, ненужный», литовское *liēkas* «непарный, не имеющий пары» [Toivonen, 1983, 292–293]. Мордовское слово *lija* «другой», перешедшее в разряд определительных местоимений, по своему значению очень близко к этим прилагательным, а также в предложении чаще всего замещает функции имен прилагательных. От местоименной формы *lija* / *lij* путем метатезы образовалась форма *ile* (в том же значении) [Juhász, 1961, 18; Майтинская, 1964, 43].

Определительное местоимение *lija* имеет обобщенно-выделительное значение и обозначает отличное среди себе подобных: *te'eže popravilsi i soñ napravili odu fpiridovuju vojovama / a soñ vastizinja ladešt' lijat dreñnat-be'reñnat* «Отец мой поправился, и его снова направили на передовую воевать, а на его место (на кухню) поставили других плохоньких (после ранения) (Верхнее Санчелеево); *aščik sčas vancašk lijandzjak* «Подожди, сейчас посмотрим и другие его» (Нижнее Санчелеево);

В мордовских языках, как и в смешанных мордовских диалектах, для выражения семантики «каждый», «всякий» используются эрзянское *e'ŕva*, мокшанское *jär', är'*. Этому местоимению соответствует марийское *ar* «каждый». По поводу происхождения местоимения *e'ŕva* у ученых-лингвистов нет единого мнения. Одни считают его заимствованием из тюркских языков [Raasonen, 1903, 66; Майтинская, 1964, 46–47]. Другие считают, что местоимение *e'ŕva* необходимо связать с переосмыслением полнозначного слова. Так, Эрнст Леви, этимологически сопоставляет эрзя-мордовское *e'ŕva* «каждый» с глаголом *e'rams* «жить» [Lewy, 1934, 23]. Но это маловероятно. По поводу происхождения местоимения *e'ŕva* Б.А. Серебренников пишет, что в языке казанских татар существует самостоятельное местоимение *här* «каждый», которое близко к мордовскому местоимению *e'ŕva* (ср. мокшанское *jär', är'*) не только по фонетическому оформлению, но и по семантике слова [Серебренников, 1967, 102]. Данное слово в мордовских языках осложнилось суффиксом *-va*, имеющим этимологическую связь с суффиксом пролатива, древняя форма которого усматривается **-ka*. Это местоимение подчеркивает выделенность предмета в ряду ему подобных: *e'ŕva velese'nek ul'nekš'nešt' čer'kuvat* «В каждом селе (нашем) были церкви (Сускан); *e'ŕva č'ine ušan hot' meš'nek a s'it t'e'ne'ň* «Каждый день жду, хоть что делай, не идут ко мне» (Новое Урметьево).

Kazdaj / kaznaj «каждый», *šakoj / šakaj* «всякий», *samaj* «самый» являются русскими заимствованиями. По поводу происхождения местоимения *veše* «все» у лингвистов нет единого мнения. К. Редее сравнивает это слово с венгерским *össze* «по сравнению с», коми *vats' gänzlich, ganz und gar', vats' vollkommen, ganz und gar'*, удмуртским *ves' ganz, jede'* и др. [Rédei, 1965, 125–126]. А.П. Феоктистов возводит это местоимение к краткой форме количественного числительного *vej-* «один» и указательному местоимению *še* «тот» [Феоктистов, 1975, 312]. Д.В. Бубрих и Б.А. Серебренников соотносят это слово с русским словом *весь* [Бубрих, 1947, 3–6; Серебренников, 1967, 103]. Мы вслед за Д.В. Бубрихом и Б.А. Серебренниковым считаем, что это русское заимствование: *ul'neš' v'remanok krasavica / čokš'ne morš'itano veše / bezobraž'ijat araš'el't'* «Было время наше – красавица, вечером все поем, безобразий не было» (Лопатино); *veši son targ'izč' uš' / i / ne mok štadi jakams bandaž'f'tema* «Весь он опух уже и не мог ходить прямо без

бандажа» (Верхнее Санчелеево); *veši melge príhod'iljś uhaživjť / vešeńd'i pidčihaca* «За всеми приходилось ухаживать, всем подчиняться» (Узюково).

В говорах сел Верхнее Санчелеево и Лопатино имеется определительное местоимение *ladom* «все». В речи носителей этих говоров местоимение *ladom* употребляется в тех случаях, когда им определяется количественная или объемная сторона предмета: *ladom ćerkovaś keveń / a kupelś ŝuftih ulhijś* «Вся церковь каменная, а купол был деревянный» (Верхнее Санчелеево); *Nad'e / t'e ladom grupańt'e* «Надя, это вся ваша группа?» (Верхнее Санчелеево); *ladom ked'eś araś ćulksit'eme* «Вся рука начала болеть»; *veleśšteń ladom gol anvalit kadovińek* «В селе (этом) все только инвалиды мы остались» (Лопатино).

История происхождения определительного местоимения *ladom*, по-видимому, связана с русским диалектным словом *ладом* «общим согласием, силами, всем миром» (см. словарь В.И. Даля).

Субстантивирюясь, определительные местоимения изменяются по падежам основного и указательного склонений, как имена существительные. Из них одни (*veše, ŝembe* «все») принимают падежные суффиксы основного склонения, другие (*ištamo / stamo / ekstama* «такой», *lija / lije* «другой», *eřva* «каждый», *každaj* «каждый») – указательного и притяжательного склонений. Местоимения *ladom* «все», *samaj* «самый» остаются вне сферы склонений.

Как уже было отмечено выше, местоимения *ištamo / stamo / ekstama* «такой, такая, такое», *lija* «другой, другая, другое», *eřva* «каждый», *každaj / kaznij* «каждый», *śakoj / śakaj* «всякий» включается в сферу указательного склонения.

Определительные местоимения *išt'amo / stamo / ekstamo* «такой», *śakoj* «всякий», *lija* «другой», *každaj / kažnaj* «каждый», *eřva, eřvejke* «каждый» могут употребляться с лично-притяжательными суффиксами: *lijam arašt' / ěet kunardiń uš* «Других у меня нет, эти давнишние уже» (Подстепки); *ašćik śčas vancaśk lijandzijek* «Подожди, сейчас посмотрим и другого его» (Верхнее Санчелеево); *ištamonk tĩnk nama araś* «Такого (букв.: такого вашего) у вас, конечно, нет» (Лопатино); *miń eřvejkeńe moraj / onj śejak morajćeś jutj* «У нас каждый (букв.: каждый из нас) поет, вон и та певунья идет» (Новое Урметьево).

В заключение следует сказать, что в смешанных мордовских диалектах в формировании неопределенных местоимений немалую роль сыграли заимствованные элементы. В отличие от определенных, неопределенные местоимения пополнялись в основном не путем абстрагирования полнозначных слов или заимствования готовых местоимений, а прежде всего заимствования формальных элементов, т.е. частиц, префиксов. Финно-угорские языки не нуждались в создании специальных слов для неопределенных местоимений, так как уже в языке-основе имелись местоимения, используемые как в качестве вопросительных, так и в качестве неопределенных местоимений. Необходимость заключалась в дифференциации оттенков значения неопределенных местоимений, а для этой цели, по мнению К.Е. Майтинской, очень удобно было использовать элементы, сформировавшиеся как в своем, так и в чужих, не финно-угорских языках [Майтинская, 1966, 235–240].

Литература

1. Бубрих Д.В. Эрзя-мордовская грамматика минимум: пособие для вузов Саранск: Морд. гос. изд-во, 1947. 52 с.
2. Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Ч. I: Морфология Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. 202 с.
3. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / под ред. Д.В. Цыганкина. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1980. 430 с.
4. Майтинская К.Е. Местоимения в мордовских и марийских языках М.: Наука, 1964. 110 с.
5. Майтинская К.Е. Заимствованные элементы в местоименной лексике финно-угорских языков // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1966. № 2. – С. 235–240.
6. Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 308 с.
7. Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
8. Марийско-русский словарь / сост. А.А. Асылбаева, В.М. Васильев, П.Г. Рыбакова и др. М.: Гос. изд-во нац. и иностр. словарей, 1956. 863 с.
9. Пенгитов Н.Т. Современный марийский язык. Морфология / Н.Т. Пенгитов, И.С. Галкин, Н.И. Исанбаев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.
10. Серебренников Б.А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.

11. *Феоктистов А.П.* Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки). М.: Наука, 1975. С. 248–345.
12. *Beke Ö.* Das finnisch-ugrische Indefinitum // *KelSzem.* 14. S. 177–178.
13. *Juhász J.* Moksa-mordvin szójegyzék. Budapest, 1961. 443 c.
14. *Lewy E.* Zur Bezeichnung des Objektes im Mordwinischen // *Kel-Szem.* 1934. XVII. S. 43–61.
15. *Paasonen H.* Mordwinische Lautlehre // *MSFOu.* Helsingfors, 1903. S. 22–123.
16. *Paasonen H.* Mordwinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss. Helsingfors, 1909. XXII. 123 s.
17. *Rédei K.* Szófejtések // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1965. 67. Old. 117–129 pp.
18. *Toivonen Y.H.* Suomen kielen etymologinen sanakirja / Y.H. Toivonen, E. Itkonen, A.J. Joki. Helsinki, 1983. II. 480 s.
19. *Wiklund K.B.* Az indogermán és finnugor nyelvek ősrökonságának kérdéséhez // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1907. № 37. Old 4–8.

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ В ЧУВАШСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Э.Е. Лебедев

*Чувашский государственный институт
гуманитарных наук,
г. Чебоксары*

Термин «сопоставительная грамматика» чаще всего употребляется в случаях сопоставления грамматических систем двух и более неродственных в генеалогическом плане языков. Мы используем этот термин в отношении двух родственных языков, принадлежащих к одной генеалогической группе. Применение данного термина в этом случае, на наш взгляд, никоим образом не противоречит сложившимся в тюркологии традициям компаративного изучения языков, так как сопоставительный метод, в отличие от сравнительно-исторического, подразумевает под собой, прежде всего, сопоставительный анализ языков без выяснения этимологии формальных показателей, при этом на первый план выходит функционально-семантический аспект исследования. Другими словами, объектом исследования здесь является семантика и функционирование форм двух (или более) родственных языков в синхроническом плане. В тюркологии большинство работ, основанных на сопоставительном методе, посвящено сравнению какого-либо тюркского языка с другим нетюркским (как правило, индоевропейским) языком, например: татарского и русского, татарского и французского, чувашского и русского, чувашского и английского языков. Работ, посвященных синхроническому сопоставлению грамматики только тюркских языков, в количественном отношении гораздо меньше. Между тем сопоставление именно родственных языков может быть более эффективным в выявлении многих важных тенденций и фактов, так как «их контрастные черты проступают наиболее ярко на фоне сходных» [Сопоставительная грамматика русского и украинского языков, 2003, 5]. Подобная ситуация

действительно характерна для тюркских языков, так как их грамматические системы настолько близки друг к другу (это касается, прежде всего, языков так называемой «общетюркской» группы: кыпчакских, огузских, карлукских и т.д.), что каждое отличие сразу же бросается в глаза, представляя собой определенный интерес для изучения.

Как любое научное направление в языкознании, сопоставительный метод имеет свои цели. По В.Г. Гаку, они состоят в следующем:

- 1) выявление схождений и расхождений в использовании языковых средств различными языками;
- 2) изучение конкретных особенностей обоих языков;
- 3) установление общих закономерностей и фактов, свойственных разным языкам, выявление языковых универсалий и возможностей их реализации в конкретных языках [Гак, 1989, 10].

И хотя, формулируя эти цели, В.Г. Гак имел в виду языки разных генеалогических групп (в частности, русский и французский языки, которые, относясь к разным – славянской и романской – группам, все же принадлежат одной, индоевропейской семье языков), но, по нашему мнению, они весьма актуальны и для языков в рамках одной, тюркской группы.

Примером сходств и расхождений в семантике аналогичных форм в двух исследуемых языках могут быть формы причастий со значением прошедшего и будущего времен в сочетании с послелогом *için* «для, из-за» в турецком языке и аффиксом причинно-целевого падежа *-шăн/-шён* в чувашском языке. В турецком языке форма *-diği/-acağı için* передает значение причины совершения действия:

Yetiştigi Magirus marka eski otobüsün muavini, kapattığı bagajı yeniden açmak istemediği için "Acelelerimiz var", demişti (О. Pamuk). – **Из-за того, что** водитель подошедшего старенького автобуса марки «Магирус» **не захотел** снова открывать закрытый багажник, он сказал: «Мы торопимся».

Az sonra İpek'i göreceği için gittikçe artan huzursuzluk ve korkuya karşı Kars'ın dertleriyle dertlenmek birebirdi (О. Pamuk). – **Так как** через некоторое время **он должен был увидеть** Ипек, его все увеличивающееся беспокойство, победив страх, смешалось с горем в связи с событиями в Карсе.

В чувашском языке это значение передается только сочетанием аффикса причастия прошедшего времени с аффиксом причинно-целевого падежа: *-нӑшӑн/-нӗшӗн*.

Хӑйне юрлама чӑрмантарнӑшӑн кӳренчӗ пуль терӗм ӑшӑмра (А. Артемьев). – «Возможно, она обиделась **из-за того, что я прервал** ее пение», – подумал я про себя.

Хӑй ҫумне Наҫтук ларнӑшӑн савӑнӑ пуль ӗнтӗ (А. Артемьев). – Он обрадовался, возможно, **тому, что Настя села** рядом с ним.

Сочетание формы причастия будущего времени на *-ас /-ес* с формой на *-шӑн/-шӗн* имеет модальное значение желания совершения действия:

Мӗн кӑтармасшӑн-ха вӑл мана? (А. Артемьев). – «**Что же он хочет мне показать?**»

В турецком языке эта форма в семантическом плане развилась по пути передачи причинных значений, выбрав только одно из двух значений послелого *için* «для, из-за». В чувашском же языке произошло разделение в функционально-семантическом отношении: сочетание с формой причастия прошедшего времени передает сейчас значение причины совершения действия, а сочетание с формой причастия будущего времени – значение желания совершения действия, которое логически вытекает из значения цели, одного из значений формы причинно-целевого падежа *-шӑн/-шӗн*.

Важным моментом сопоставительного исследования двух родственных языков является его функционально семантическая составляющая. Именно в этом состоит главное отличие сопоставительной грамматики от сравнительно-исторической. Если объектом исследования сравнительно-исторической грамматики являются, прежде всего, формальные показатели грамматических категорий, их происхождение и возможный изначальный фонетический облик, только потом их значения, то объект сопоставительной грамматики – это, в первую очередь, семантика и функция этих форм. Подобное разделение объектов исследования вытекает из диахронической сущности первого метода и синхронического плана второго метода. Действительно, простое сопоставление формальных показателей разных тюркских языков на современном этапе их развития не имеет большой научной ценности и может быть полезным только для выявления их этимоло-

гии, то есть при применении сравнительно-исторического метода. Сопоставление же значений и всех возможных вариантов функционирования тех или иных аналогичных по происхождению форм в двух языках в синхроническом аспекте дает гораздо больше материала для анализа. На основе этого анализа можно сделать более глобальные выводы в отношении общих тенденций развития грамматических систем исследуемых языков, определить, почему именно в таком направлении произошло развитие семантики определенных грамматических форм. Учитывая тот факт, что грамматические уровни практически всех тюркских языков весьма близки друг к другу, можно предположить, что тенденции, выявленные при сопоставлении двух языков, будут характерны также и для других языков этой семьи. В результате будет возможным построение общей системы функциональной грамматики тюркских языков.

Сопоставление грамматик чувашского и турецкого языков представляет собой особый научный интерес. Причина этого интереса кроется, прежде всего, в уникальном положении чувашского языка среди других тюркских языков. Единственный современный представитель болгарской подгруппы, он включает в себя грамматические элементы, отсутствующие в языках других подгрупп. Развитие семантики и функций многих грамматических форм чувашского языка проходило по своему особому пути, который, с одной стороны, вроде бы отличался от пути развития других тюркских языков, с другой же стороны, являлся как бы просто другим вариантом этого развития, укладывающимся в рамки общего тюркского языкового менталитета и отражающим все основные сущностные особенности грамматик этих языков. В результате на современном этапе мы можем наблюдать подобное, уникальное в своем роде состояние чувашского языка, которое, тем не менее, вполне соответствует общим законам развития тюркских языков. Именно в функционировании форм выявляются основные различия между грамматическими системами двух родственных языков. Оба языка, несмотря на то что принадлежат к одной генеалогической группе, относятся к разным ее подгруппам (болгарской и огузской), имея в своей грамматической структуре достаточное количество отличных друг от друга форм, что уже несет в себе определенный потенциал для научного анализа. Кроме этого, между двумя исследуемыми языками обнару-

живаются некоторые параллели среди грамматических форм (например, форма долженствования на *-малла/-мелле*), которые отсутствуют в языках других подгрупп. Выявление сходств и различий в функционировании этих форм поможет открыть новые факторы тенденций их развития, что, несомненно, доказывает актуальность сопоставительного изучения грамматик чувашского и турецкого языков.

Причастные формы в чувашском и турецком языках в целом обладают всеми особенностями, которые присущи причастиям и в других тюркских языках. Они традиционно делятся на три группы по семантическому признаку времени: причастия прошедшего, настоящего и будущего времен.

1) Причастия прошедшего времени:

- в турецком языке: *-miş/-miş/-miş/-miş*, *-dik/-dik/-duk /-dük*;
- в чувашском языке: *-нӑ/-нӗ*.

2) Причастия настоящего времени:

- в турецком языке: *-(y)an/-(y)en*, *-ar/-er*, *-dik/-dik/-duk /-dük*;
- в чувашском языке: *-акан/-екен*.

3) Причастия будущего времени:

- в турецком языке: *-(y)acak/-(y)ecek*;
- в чувашском языке: *-ас/-ес*.

Одной из отличительных черт причастных форм в турецком языке от аналогичных в чувашском языке является то, что формы на *-dik* и *-(y)acak*, употребляясь в синтаксической функции определения, в большинстве случаев принимают аффиксы принадлежности: *-diğim*, *-diğin*, *-diğı*, *-diğımız*, *-diğiniz*, *-dikları/-(y)acağım*, *-(y)acağın*, *-(y)acağı*, *-(y)acağımız*, *-(y)acağınız*, *-(y)acakları*. Это нехарактерно для чувашского языка, так как в чувашском языке причастия могут принимать аффиксы принадлежности только в случае их полной субстантивации, что исключает возможность их использования в роли определения.

Другая особенность причастий двух рассматриваемых языков – способность образовывать новые формы, как правило, с различными обстоятельственными значениями, присоединением падежных аффиксов или послелогов. В турецком языке такой способностью обладает уже упоминавшаяся нами форма на *-dik/-(y)acak*, в чувашском языке – формы на *-нӑ/ -нӗ* и *-ас/-ес*. Интересно отметить тот факт, что этимологически родственные формы настоящего времени на *-(y)an /-(y)en* и *-акан/-екен* как в ту-

рецом языке, так и в чувашском не образуют вторичных форм при помощи падежных аффиксов и послелогов (падежные аффиксы они могут принимать только в случаях полной субстантивации). По-видимому, в этом факте обнаруживается некая общая закономерность развития грамматик тюркских языков.

Во многих случаях упомянутые причастия в исследуемых языках функционируют в субстантивированном виде. Этот факт дал повод некоторым исследователям отказаться от использования термина «причастие» в отношении турецкой формы на *-dik/-(y)acak* в пользу менее употребительного термина «субстантивно-адъективная форма» [Гузев, 1990]. Случаи функционирования причастных форм в чувашском и турецком языках в качестве субстантива могут подвергаться сопоставительно-типологическому анализу. При этом они приобретают способность принимать аффиксы всех падежей – дательного, винительного, родительного, местного и исходного, а в чувашском языке еще и совместного и причинно-целевого: *-na/-ne, -шӑн/-шӑн*. Кроме этого, довольно часто причастные формы могут выполнять синтаксическую функцию подлежащего, не принимая при этом падежного аффикса. Приведем примеры употребления формы на *-dik /-(y)acak* в различных синтаксических функциях в качестве субстантива:

1) как подлежащее:

Onun sırtına giyeceği yoktu... (S. Ali). – У него не было **ничего, что** можно было бы надеть.

Etrafını ağaçtan duvarların çevirdiği, dünyadan uzak köy değildi bu... (S. Ali). – **То, что было окружено** стеной из деревьев, не было деревней, удаленной от всего света.

2) как первый компонент изафетной конструкции (с аффиксом родительного падежа):

Onun yaptığına daha güzel olduğunu söyledim, sevindi (O. Kemal). – Я сказал, что **то, что он сделал** – еще лучше, и он обрадовался.

Evin de benden nefret ettiğinin farkındaydım (O. Kemal). – Я заметил, **что** и дом **испытывал** ко мне **отвращение**.

3) как прямое дополнение (с аффиксом винительного падежа):

Tavana çakılan kancalar, kurşunları önceden yerleştirilen silahlar, yan odadan yatak odasına getirilen ilaç şişeleri intiharçı kızların intihar fikrini uzun zamandır içlerinde taşıdıklarını

kanitliyordu (O. Pamuk). – Крюки, подвешенные под потолком, заряженные загодя ружья, склянки с лекарствами, принесенные из соседней комнаты в спальню, доказывали, **что** мысли о самоубийстве **вынашивались** девушками на протяжении длительного времени.

Yalnız gülümsemek ve sevişmek için yaratıldıklarını sanan bu gençler de o elin mukadder tokadını yemekte geç kalmadılar (S. Ali). – Эти молодые люди, считающие, **что созданы** только для того, чтобы улыбаться и любить друг друга, то и дело получали оплеухи от его карающей руки.

4) как косвенное дополнение (с аффиксом дательного падежа):

– *Tabii maımun... Bütün profesörler, doktorlar, veterinerler miıayene etti, onun maımun **olduđuna** rapor verdiler* (A. Nesin). – Конечно обезьяна... Все профессора, доктора и ветеринары, которые обследовали ее, сделали заключение, **что она является** обезьяной.

*Yine bir aslanın başkan **seçileceđine** hiç kuşku yoktu* (A. Nesin). – Не было никаких сомнений, **что** царем вновь **выберут** льва.

5) как обстоятельство времени (с аффиксом местного падежа):

— *Siz baba olsanız, babanız da çocuiđunuz; suç **işlediđinde** ona ne ceza verirdiniz?* (A. Nesin). – Если бы вы были отцами, а ваши отцы вашими детьми, то как бы вы их наказали в случае, **если бы** они **провинились**.

б) как обстоятельство причины (с аффиксом исходного падежа):

*Bir gün hükümetin bir şirkete ormanın öbür başında işlemek müsaadesi verdiđini duyunca, ihtimal bunun ne demek olduđunu pek **bilmediđimizden**, hiç aldırış etmedik...* (S. Ali). – Однажды, когда мы слышали, что руководство дало разрешение одной фирме работать на другом конце леса, возможно, **из-за того, что мы не знали**, что это означает, мы не придали этому значения.

*Fakat bunun uzun **sürmeyeceđinden** korkuyorduk* (S. Ali). – Мы боялись, **что это не продлится** долго.

В чувашском языке использование причастий в функциях субстантива возможно при присоединении к причастным формам на *-ас/-ес* и *-нă/-нĕ* выделительного аффикса *-и*: *-асси/-есси*, *-ни*.

1) как подлежащее:

2) *Унăн сассинче (сăнĕнче те!) ни хăрани, ни хăйне пĕчĕкке хуни, ни йăпăлтатма хăтланни сисĕнмест* (Хв. Уяр). – В его го-

лосе (и даже на лице!) не чувствуется ни **страха**, ни **самоунич- жения**, ни **подхалимства**.

Хитре хёрарайман та пёр шухайш пулмалла: чи пысак света кёрессе (Хв. Уяр). – И у красивой женщины должна быть одна цель (досл.: мысль): **попасть** в высший свет.

3) как прямое дополнение (с аффиксом дательного падежа):

Сакй мана хяюлантарать, энё столовай айштине, вай хайсан ухассине тейчетей (Е. Лисина). – После этого я осмелела (досл.: это делает меня смелой), я изучаю, где находится столовая и когда она **открывается**.

Аслашиё калашнине илтмест вай, таран шухайша путнай (М. Юхма). – Он не слышит, **что говорит** его дедушка: погрузился в глубокие раздумья.

4) как обстоятельство причины (с аффиксом совместного падежа):

Те килтен высай тухнине, энё пёртен-пёр тавара сес, пысак ещякри салма пысакайш канихвете, асайхатай (Е. Лисина). – То ли **из-за того**, что я **вышла** из дома голодной, я замечаю только лишь один товар – конфеты размером как клецки, лежащие в больших ящиках.

Анне, энё килейшнине саванса укнейскер, сасартайк шайпланать, ман сине «ярас-ши ку ачана, ярас мар-ши» тенё нек иккеленсе пайхса тарать (Е. Лисина). – Мама, обрадовавшись, **что я согласи- лась**, вдруг затихает, смотрит на меня, как бы размышляя: «От- пускать этого ребенка или не отпускать?»

5) как обстоятельство причины (с аффиксом причинно- целевого падежа):

Юратать вай хайён пёчек манукне, маттур пулнишён, тем те пёр пелес тенишён юратать (М. Юхма). – Любит он своего маленького внука, **из-за того, что тот молодец, из-за того, что хочет все знать**.

б) как косвенное дополнение (с аффиксом исходного падежа):

Александр Ильич учитель пахчаёй пулнинчен те ытларах айста музыкёй пулнине халахра паллай (А. Артемьев). – Учитель Александр Ильич больше известен в народе как специалист по музыке, **чем как садовод**.

Ырă пуçранах пётсе ларассинчен ухмахла япала урăх нимён те çук (Н. Мранька). – Нет ничего более глупого, **чем погибнуть** из-за доброты душевной.

Значение сравнения могут иметь и турецкие формы с аффиксом исходного падежа: *Onun yarptığından daha çok yarabiliriz*. – Мы можем сделать больше, **чем сделал он**.

В чувашском языке также существует форма со значением обстоятельства причины (цели), но в образовании этой формы уже не участвует аффикс выделения *-и* – аффикс исходного падежа присоединяется непосредственно к причастным формам на *-нă/-нĕ, -ас/-ес*:

Вăл япунла каласнăран эпĕ нимён те анланаймарăм (А. Артемьев). – **Так как он говорил** по-японски, я ничего не мог понять.

Сурăхĕ тухса тарасран карти алăкне тем пысăкăш тункатана хупласа хăварнă пулнă тет (Хв. Уяр). – Говорят, **чтобы** овцы не убежали, калитку загона он подпер огромным чурбаном.

Кроме этого, непосредственно к формам причастий могут присоединяться аффиксы дательного-винительного падежа (только к форме будущего времени на *-ас/-ес*) и причинно-целевого падежа:

Старик тахсантанпах ёнтĕ Урак çапла ыйтасса кĕтетчĕ (М. Юхма). – Старик уже давно ждал этого **вопроса** Урака.

«*Туяна юнасан та хăрамаççĕ*», – *терĕ Униççe кинемей пулăшнăшăн* *иксĕмĕре те тав туса* (М. Сунтал). – «Даже если погрозишь палкой, не испугаются», – сказала бабушка Унисе, благодаря нас обоих **за помощь**.

Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что субстантивированные формы причастий прошедшего и будущего времен в обоих языках в большинстве случаев выступают в аналогичных синтаксических функциях, но способы субстантивации при этом различны: если в турецком языке роль субстантиватора играют аффиксы принадлежности, то в чувашском языке для этого существует особый формальный показатель, называемый аффиксом выделения *-и*.

Количество послелогов, образующих вторичные формы в сочетании с причастиями, достаточно велико как в турецком языке, так и в чувашском. Так, А.Н. Кононов в своей работе «Грамматика современного турецкого литературного языка» приводит сле-

дующие послелогов, которые способны образовывать формы с причастиями: *başka* «кроме», *hakkında* «о, об», *için* «для, из-за», *gibi* «как, подобно», *kadar* «до», *üzere* «согласно, по», *halde* «в состоянии», *dolayı* «вследствие, по причине», *beri* «от, с», *önce* «до, перед», *sonra* «после», *takdirde* «в случае», *zaman (vakit)* «во время», *yer* «в месте», *göre* «по, судя по» и др. [Кононов, 1956, 444–454].

К таким послелогам в чувашском языке относятся: *tărăx* «по», *нек (евёр)* «как, подобно», *çинчен (пирки)* «о, об», *чух (вăхăтра, вăхăтёнче)* «во время», *умён* «перед», *май* «по мере, ввиду», *таран* «до, около» и др.

Уже при первом сравнении двух представленных выше списков послелогов в чувашском и турецком языках обнаруживаются пары с одним значением: *hakkında* в турецком языке – *çинчен (пирки)* в чувашском, *göre* в турецком языке – *tărăx* в чувашском, *gibi* – *нек (евёр)*, *zaman (vakit)* – *чух (вăхăтра)*, *önce* – *умён*, *kadar* – *таран* и др. Соответственно, формы, образованные при помощи этих послелогов, также имеют одинаковую функционально-семантическую составляющую, хотя не исключены и некоторые расхождения в конкретных случаях их функционирования.

1) формы турецкого языка:

– форма на *-dığı/-acağı için* (значение обстоятельства причины):

Hafif bir gazla dolu olduğu için havada yükslebilen balonlar, uçakların ve bütün hava taşıtlarının öncüsüdür (Temel Britannica). – Воздушные шары, которые могут подниматься в воздух **из-за того, что** они **наполнены** легким газом, являются предшественниками самолетов и других воздушных средств транспорта.

Niyazi yedi nüfusluk aileyi geçindirmek yükü altında bir omuzdaş kazanacağı için memnundu (O. Kemal). – Ниязи был доволен тем, **что** товарищ, который был вынужден кормить семью из семи человек, **будет зарабатывать**.

– форма на *-dığı/-acağı zaman* (значение обстоятельства времени):

Çekte belirtilen para, çeki verenin hesabından silinip alanın hesabına eklendiği zaman ödeme tamamlanmış olur (Temel Britannica). – Оплата считается произведенной, **когда** деньги,

указанные в чеке, снимаются со счета подателя чека и **добавляются** на счет получателя.

Hükümdar birisine beylik vereceği zaman ona sancak ve davul teslim edilir; beylik geri alınır, bunlar da geri alınır (Temel Britannica). – **Когда** правитель **даёт** кому-нибудь в правление бейлик, тому вручается санджак и давул, если же бейлик забирается назад, то и их тоже возвращают.

– форма на *-dığı/-acağı gibi* (значение обстоятельства сравнения):

Serhat Şehir Gazetesi Kars'ta yalnızca bir yerde, Millet Tiyatrosu'nun karşısında, günde yirmi kişinin uğrayıp aldığı bayide satılıyordu, ama Serdar Bey'in gururla söylediği gibi aboneler sayesinde toplam satış üç yüz yirmiydi (O. Pamuk). – Газета «Серхат Шехир» продавалась в Карсе лишь в одном месте, в магазине напротив Национального театра, куда в день заходило человек двадцать, но **как** с гордостью **говорил** Сердар Бей, общее число подписчиков составляло триста человек.

Bu ikinci düşünceyi sezgisi kuvvetli bir dostu ona söyleseydi Ka onu hiçbir zaman affetmeyeceği gibi, bu ihtimalin doğruluğu yüzünden hayatı boyunca kendini utançla suçlardı da (O. Pamuk). – Если бы эту вторую мысль ей высказал ее друг, обладающий хорошей интуицией, Ка стыдила и обвиняла бы его всю жизнь так, **как будто не могла простить** никогда, по той причине, что она (мысль) была, возможно, правильной.

– форма на *-dığı/-acağı kadar* (значение обстоятельства степени):

Maafih, iş korktukları kadar uzun ve güç olmadı (S. Ali). – Несмотря на это, дело не было таким долгим и сложным, **как они боялись**.

Zaten taşıyacakları kadar taşımışlardı... (O. Kemal). – На самом деле они носили столько, **сколько могли унести...**

– форма на *-dığına/-acağına göre* (значение вводного члена предложения [Кононов, 1956, 452]):

Onların söylediğine göre, müfettiş her girdiği sınıfta öğretmene – Bir problem yazdırın da öğrencileriniz çözümlensin, diyormuş (A. Nesin). – **Судя по** тому, **что они говорили**, инспектор при каждом появлении в классе говорил учителю: «Дайте какую-нибудь проблему, и пусть ваши ученики решают ее».

Öbür hayvanlara gelince, nasıl olsa kendileri başkan olamayacaklarına göre, onlara en az zararı olan, hiç de rakip saymadıkları öküzün başkan olmasını istiyorlardı (А. Несин). – Что касается других животных, то, **так как** они сами никак **не могли быть** руководителем, они хотели выбрать в начальники быка, который приносил им наименьший вред и с которым никто не мог конкурировать.

2) формы чувашского языка:

– форма на *-нӑ/-нӗ чух (вӑхӑтра, вӑхӑтӗнче)* (значение обстоятельства времени):

Кунашкал вӑл Микулана качча тухнӑшӑн ашиӗ тилӗрсе ятласнӑ вӑхӑтра та именмен (Н. Мранька). – Она не смущалась так даже тогда, **когда** отец в ярости ругал ее за то, что она вышла замуж за Мигулая.

Ху валли упӑшка суйласа качча тухнӑ чухне эӗ кирлӗ пулмарӑм сана (Н. Мранька). – **Когда ты** выбирала себе мужа и **выходила замуж**, я не был тебе нужен.

Эӗ тепӗр эрнерен каялла таврӑнатӑп, иртсе сӗренӗ чух кӗрсе тух, Гера (А. Артемьев). – Через неделю я вернусь, и, **когда будешь проходить** мимо, заходи, Гера.

– форма на *-нӑ/-нӗ пек (евӗр)* (значение обстоятельства сравнения):

Сил вӗрнике уснӑ пек, кӗленче алаксем пӗр сассӑр усӑлса кайрӗс (Хв. Уяр). – Стекланные двери беззвучно **открылись, как будто** от дуновения ветра.

Ӑнланнӑ евӗрех итлет хӗрача (А. Алексеев). – Девочка слушает, **как будто** все понимает.

– форма на *-нӑ/-нӗ таран* (значение обстоятельства степени):

«*Туянатӑп май килнӗ таран*», – *терӗ вӑл* (Л. Агаков). – Покупаю по возможности, – сказал он (досл.: **по мере появления возможности**).

«*Кусем нимӗн те пӗлмеҫҫӗ, юри «на пушку» илесшӗн*», – *терӗм те хама хам, мӗн вӑй ситнӗ таран лӑпкӑн калаҫма тӑрӑшрӑм* (Л. Агаков). – «Они ничего не знают, хотят взять «на пушку», – подумал я про себя, стараясь говорить спокойно, **насколько хватало сил**.

– форма на *-нӑ/-нӗ тӑрӑх* (значение «вводного члена предложения» [Кононов, 1956, 453]):

Вёсем каланй тйрйх, пёркун илсе кайнй сурйхсенчен чылаййшй кантур картинче выйй вилсе пётнй иккен, ыттисене кантуртисем пусса синй (Хв. Уяр). – По их словам (досл.: Как они сказали), большая часть овец, увезенных на днях, умерли от голода в хлеву конторы, остальных конторские, забив, съели.

– Малтан калащнй тйрйх, халь эсир мана тумтир те, апат-симёщ те памалла, щапла-и, мучисем? (Хв. Уяр). – Как договаривались раньше, вы мне сейчас должны дать одежду и еду, не так ли, старцы?

– форма на *-нй/-нй май* (в значении обстоятельства степени и меры):

Анушка ашиён ку сймахёсенчен тата вйл щак сймахсене каланй май щаврйнса амйшй сине сивёреххён пйхса илнинчен тёлёнсех кайрй (К. Турхан). – Анушка удивилась этим словам отца, а также тому, как холодно он посмотрел, обернувшись, на мать, когда говорил эти слова.

Атйлкасси тёлнелле сывхарнй май вйл ёлёк вут тивертсе сунтарнй йывйщ сурт вырйнне сурма щавра тйрйллй чул сурт яссе ларнине асйрхарй (Н. Мранька). – По мере приближения к Аталкасам он заметил, что на месте деревянного дома, который когда-то был спален огнем, построили каменный дом с полукруглой крышей.

Рамки статьи не позволяют представить более полный список вторичных форм причастий, образованных с помощью послелогов в чувашском и турецком языках. Подробное сопоставительное исследование этих форм – задача отдельной работы. Но уже по представленному списку примеров мы можем определить некоторые сходства и различия в обоих языках. Например, отмечено существование форм, передающих значения обстоятельства причины, как в турецком, так и в чувашском языках. В турецком языке оно передается с помощью формы на *-diđi/-acak için*, а в чувашском – с помощью формы на *-нйшйн/-нйшён*. При этом стоит отметить, что по своему происхождению обе эти формы аналогичны, так как чувашская форма причинно-целевого падежа *-шйн/-шён* состоит в историческом родстве с турецким послелогом *іçin*. Значения времени, сравнения и степени также передают формы с соответствующими послелогоми *zaman (vakit)*, *gibi*, *kadar* в турецком языке и *чух (чухне)*, *пек (евёр)*, *таран* в чувашском языке. Однако имеются и расхождения в передаче некото-

рых значений. Например, значение меры совершения действия в чувашском языке передается особой формой на *-нӑ/-нӗ май*, соответствие которой в турецком языке не обнаружено (подобное значение в турецком языке имеет деепричастная форма *-dikça*).

Подобные различия и сходства в функционально-семантическом плане можно обнаружить и при сопоставлении других причастных форм обоих языков, которые по временной семантике можно разбить на следующие группы: форма на *-miş* (тур.) – форма на *-нӑ/-нӗ* (чув.); форма на *-(y)an/-(y)en* – форма на *-акан/-екен*; форма на *-асаk/-есек* – форма на *-ас/-ес*.

Интересные результаты можно получить при сопоставлении возможных сочетаний причастных форм в определительной функции. Здесь наблюдаются некоторые различия между причастиями чувашского и турецкого языков. Так, валентность чувашского причастия на *-акан/-екен* в функции определения гораздо шире, чем у соответствующего причастия на *-(y)an/-(y)en* в турецком языке. По причине того, что функции определения объекта, места, времени действия и др. полностью возложены на форму на *-dik/-асаk*, то причастие на *-(y)an/-(y)en* выполняет лишь одну функцию – определения субъекта действия (*gelen adam* «приходящий человек», *okuyan öğrenci* «читающий студент», *avluya bakan pencere* «смотрящее во двор окно»). Причастие же на *-ака /-екен* в чувашском языке, в связи с отсутствием другой формы, которая бы передавала значение настоящего времени, приняло на себя и другие функции – определения субъекта действия (*килекен сын* «приходящий человек»), объекта действия (*эпӗ сыракан сыру* «письмо, которое я пишу»), места действия (*эсир пурӑнакан сурт*) и др.

Завершая настоящую статью, хотелось бы отметить, что здесь мы указали лишь небольшую часть тех направлений сопоставительного исследования причастных форм, которые имеют определенный интерес для изучения. По причине ограниченности рамок статьи совсем не были затронуты такие вопросы, как залоговые формы причастий, их временная семантика, аналитические формы и др. Эти вопросы и ряд других также связаны с проблематикой сопоставительного исследования причастных форм в чувашском и турецком языках.

Литература

1. *Басова Г.Д. [и др.]*. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков. Киев.: Наукова думка, 2003. 534 с.
2. *Гак В.Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1989. 288 с.
3. *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 165 с.
4. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.

Содержание

От редактора	3
--------------------	---

Раздел I

История и современные проблемы чувашской письменности

<i>Мукина И.В.</i> Сырулăх тата чăвашсен ас-хакъл культурин аталанăвĕ	5
<i>Чеченов А.А.</i> Опыт историко-генетической интерпретации феномена параллельного функционирования джокающих и йокающих идиомов в среднем Поволжье (по материалам языков эпиграфических памятников XIII–XIV вв. с территории Булгарского улуса Золотой Орды)	12
<i>Студенцов О.Р.</i> Новые хронологические рамки чувашской письменности дояковлевского и яковлевского периодов	38
<i>Фомин Э.В.</i> Из истории книги: конволюты в фондах книжной палаты Чувашской Республики	44
<i>Хлебникова В.Г.</i> Уроки письма в Симбирской чувашской учительской школе	58
<i>Терехова О.П.</i> «Букварь для чуваш с присоединением русской азбуки» И.Я. Яковлева как средство нравственно-экологического воспитания учащихся	65
<i>Плотников Н.А.</i> Электронлă чăваш тексчĕсен орфографине тĕрĕслес ыйту	75
<i>Маркова Л.В.</i> И.Я. Яковлевăн «ача-пăча калавĕсем» – кĕçĕн сұлхи ачасене пĕлĕ тата воспитани памалли паха мел	79

Раздел II

Вопросы сравнительно-исторического и современного языкознания

<i>Исаев Ю.Н.</i> Вопросы изучения флористической терминологии в трудах отечественных лингвистов	84
<i>Дмитриева Ю. А.</i> Рона-Таш о результатах последних исследований тюркского и венгерского рунического письма (обзор)	95
<i>Гасанов З.Г.</i> Этноним «скиф / ашгуз» в древнегреческих и аккадских письменных источниках	100
<i>Э. Алос и Фонт.</i> История создания каталанского литературного языка	110
<i>Сааринен С.</i> Вариация в послеложной системе волжских языков	137
<i>Агафонова Н.А.</i> Неопределенные местоимения и их функционирование в смешанных мордовских диалектах	144
<i>Лебедев Э.Е.</i> Сопоставительно-типологическое изучение причастных форм в чувашском и турецком языках	154

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

**ЧУВАШСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Оригинал-макет
Л.Н. Сапоговой,
Э.В. Кирилловой

Подписано к печати 18.07.2012.

Формат 60×90/16.

Печать офсетная.

Бумага офсетная.

Гарнитура Times.

Физ. печ. л. 10,75.

Уч.-изд. л. 9,3.

Тираж 100 экз.

Заказ № 21.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428015, Чебоксары, Московский пр., 29, корп. I